

Неизвестный марксизм

Unknown Marxism

Marxisme inconnu

لماركسية المجهولة

El Marxismo Desconocido

עודי מזיסקרמה

未知的馬克思主義

De onbekende Marxisme

Nezināmais marķisms

Непознат марксизмот

Անհայտ մարքսիզմ

άγνωστο μαρξισμός

Haijulikani marxism

უცნო მარქსიზმი

Không rõ chủ nghĩa Mác

Der Unbekannte Marxismus

Теоретический журнал

№ 1

2010

*Неизвестный
марксизм*

Теоретический журнал

**№1
2010**

Журнал «Неизвестный марксизм» - это издание не только марксистов и о марксизме, но, прежде всего, о тех проблемах, которые данное социальное учение стремится теоретически и практически разрешить. Предметом публикуемых материалов является история, философия, экономика, политика, культура в аспекте марксистской интерпретации или ее обоснованной критики. Поэтому страницы журнала открыты любым исследователям, признающим обозначенный публикаторский формат, однако предпочтение отдается тем авторам, которые открывают читателям новые грани марксистского взгляда на мир. Кроме того, наш журнал сдвоенный – в нем на правах раздела воссоздается оригинальный теоретический журнал «Вопросы марксистской философии», главным редактором которого долгие годы являлся покойный Иван Иванович Макаров, философ, пламенный пропагандист и сердечный человек.

Особо подчеркиваем, что наш журнал теоретический.

Редакционный совет: В. Славин, С. Светов, К. Северный

Адрес редакции: svetsveto@yandex.ru

Электронная версия: <http://marxist.su/lib/>

Рукописи принимаются только в электронном виде, печатаются в авторской редакции с незначительной корректурой.

Перепечатка материалов издания без письменного разрешения редакции **допускается и приветствуется.**

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЮ.....5

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

А. Кравец, Ю. Куценко, Д. Фомин. Марксистская анатомия Октября и современность.....6

АУТЕНТИЧНЫЙ МАРКСИЗМ

Подлинный текст «Критики Готской программы».....30

Ф. Энгельс. Как не следует переводить Маркса.....54

В. Волков. Черный Мурза против красного Маркса.....65

СОЦИУМ

Ориентация на корпорацию.....90

К. Маркс. Инструкция делегатам Временного центрального совета по отдельным вопросам.....94

КРИТИКА МАРКСИЗМА

В. Дамье. Революция социальная или политическая?.....104

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

И. Потапенков. О социализме, государственном капитализме и советской экономике.....133

Движение социалистического сопротивления. Подчинялась ли экономика СССР закону стоимости?149

И. Пацюк. Ларчик просто открывался.....152

ВОПРОСЫ МАРКСИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ.....164

К ЧИТАТЕЛЮ

Название «Неизвестный марксизм» не случайно.

Во-первых, не смотря на десятилетия существования во многих странах мира марксистско-ленинских режимов, граждане этих стран и других уголков планеты, в большинстве своем, имеют весьма смутные представления о Карле Марксе и его социальном учении.

Во-вторых, в умах многих левых, называющих себя марксистами, продолжают господствовать не соответствующие первоисточнику воззрения, но ему приписываемые.

В-третьих, до сих пор остаются не востребованными труды оригинальных отечественных и зарубежных мыслителей марксистского толка, не пробившиеся к читателям по финансовым или организационным причинам нашего демократического бытия.

Учитывая вышесказанное, редакция журнала постарается на его страницах совместить просветительский дух и критический поиск истины. Именно истина, а не марксизм является нашей священной коровой. Марксизм же – это только орудие постижения и осуществления истины в области общественной жизни и на сегодняшний день пока самое эффективное.

Марксистская ориентация журнала не будет препятствием и для публикации различных альтернативных материалов, ибо критический анализ мира невозможен без полемики и сопоставления точек зрения.

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

МАРКСИСТСКАЯ АНАТОМИЯ ОКТЯБРЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

А. Кравец, Ю. Куценко, Д. Фомин

За десятилетия советской власти мы привыкли называть Великий Октябрь социалистической революцией. Но многое из того, к чему мы привыкли, сегодня исчезло. Какова в таком случае участь «титулов» Октябрьской революции?

Классический научный марксизм утверждает, что первым актом социальной революции пролетариата станет овладение самим пролетарским классом политической властью в обществе. Согласно Марксу, капитализм от коммунизма отделяет период революционного превращения первого во второе. И этот период не может быть ничем иным, как периодом диктатуры пролетариата. Следовательно, если мы не видим такой классовой диктатуры, то, понятно, не приходится говорить и о преодолении капиталистических отношений. Причем стойко закрепившиеся названия и официальные вывески тут ничего не значат, - они могут оказаться просто заблуждением (как добросовестным, так и злонамеренным). Ведь, по убеждению того же Маркса, об эпохе, как и о человеке, нельзя судить на основании того, что они сами о себе думают. Да и каждый из нас уже достаточно убедился: как принадлежность к партии, называющей себя коммунистической, еще не означает коммунистических убеждений, так и тоска по красному флагу над административными зданиями отнюдь не свидетельствует о стремлении к новым социальным отношениям между людьми.

ВЛАСТЬ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКИХ СОВЕТОВ ИЛИ ВЛАСТЬ РАБОЧИХ ФАБЗАВКОМОВ?

Россия, как известно, страна «с непредсказуемым прошлым». Возможно, поэтому сейчас нет единого мнения о том, когда же в России погибла диктатура пролетариата и была ли она вообще в нашей стране. На наш взгляд, диктатура пролетариата в России существовала. Но, во-первых, это была не диктатура пролетариата в «чистом виде», то есть не одноклассовая социалистическая диктатура пролетариата, а «демократическая диктатура пролетариата», то есть союз меньшинства рабочих и большинства бедных крестьян. Во-вторых, срок ее жизни ограничивается лишь несколькими месяцами.

Дело было так. 13/26 января 1918 года III Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов слился с III-м съездом Советов рабочих и солдатских депутатов. К марту слияние произошло на местах. Таким образом, пролетариат, политическое господство которого, по идее, и должно обеспечить социалистические преобразования, под нажимом партии большевиков поделился властью с крестьянством.

Само же российское крестьянство к 1917 году не было, как известно, социально однородным. Значительная часть его – кулаки и середняки – все более ориентировали свои хозяйства на потребности рынка. Средняки, таким образом, о мелкобуржуазивались; кулаки же зачастую прямо вели затратное хозяйство, нанимали рабочую силу – батраков – и ее эксплуатировали, то есть они представляли собой уже сельскую буржуазию. Институт традиционной крестьянской общины в большинстве местностей формально сохранялся, но выгоден он был больше не середнякам и, тем более, не кулакам – «мироедам», а бедняцкой массе, которая составляла свыше 60 % всех крестьян. Законы развития капитализма, однако, превращали при этом многих бедняков в полупролетариев. Были на селе и настоящие пролетарии – сельхозработники, которые в общину не входили и батрачили на помещиков и кулаков вместе с бедняками.

Таким образом, слияние Советов рабочих и солдатских депутатов с общекрестьянскими советами уже означало отступление от «чистой» диктатуры пролетариата. Впрочем, ее «чистота» и до этого была весьма условной. Советы рабочих и солдатских депутатов состояли не только из рабочих. Ведь солдаты в основной своей массе – на 60 % - были вчерашними крестьянами: бедняками и середняками, одетыми в шинели и вооруженными царским правительством; фабрично-заводских рабочих среди солдат было менее 10 %.

Всеобщее вооружение народа, а не одного только передового класса – пролетариата, слияние двух типов Советов, а также двухпартийная коалиция большевиков и левых эсеров означали фактически переход к так называемой «старобольшевистской формуле» – революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства. А эта форма власти была шагом назад по сравнению с той, которая возникла после свершения Октябрьской революции. Тогда, как известно, власть перешла ко II-му съезду Советов рабочих и солдатских депутатов, то есть на деле была введена «демократическая диктатура пролетариата», хотя вождь большевиков В.И. Ленин говорил при этом о «рабочей и крестьянской революции» (ПСС, Т.35, С. 2) и «переходе власти на местах к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» (там же, С. 11).

Итак, первая попытка утверждения «демократической диктатуры пролетариата» ограничилась периодом с октября 1917 года по январь-февраль 1918

года, причем происходил неуклонный откат от позиций, завоеванных рабочим классом в октябре-ноябре. За это время, названное советскими историками «триумфальным шествием Советской власти», произошло не только слияние рабочих и солдатских Советов с общекрестьянскими Советами. Еще более важным обстоятельством явился тот факт, что вместо того, чтобы укреплять и развивать систему подлинно рабочих организаций – фабрично-заводских комитетов, большевики, напротив, способствовали ее свертыванию. А ведь именно фабзавкомы могли стать подлинной основой Советской власти, если понимать под ней в перспективе настоящую, социалистическую диктатуру пролетариата. Иными словами, страной должны были бы управлять Советы фабзавкомов. Вместо этого уже в январе-феврале 1918 года на 1-м всероссийском съезде профсоюзов и 6-й конференции ФЗК Петрограда по инициативе большевиков было предпринято решение о слиянии фабзавкомов с профсоюзами. профсоюзы же переводились под контроль складывавшегося партийно-государственного аппарата, членство в них становилось обязательным для всех работающих не только на предприятиях, но и в учреждениях. Рабочий класс, однако, сопротивлялся такой государственной политике, и покончить с автономными фабзавкомами Советской власти удалось только к началу 1919 года.

Слияние рабочих и солдатских Советов с крестьянскими Советами, а фабзавкомов с огосударствляемыми профсоюзами было не единственным, что размывало пролетарскую составляющую Советского строя. Так, в ходе гражданской войны большевики отказались от своей же дооктябрьской идеи создать отдельно от крестьянских Советов Советы сельскохозяйственных рабочих – властные органы сельского пролетариата. Совхозы в бывших помещичьих имениях создавали, а Советы сельхозрабочих – нет. Правда, в марте 1919 года организуются профсоюзы.

Эти и многие другие факты говорят о том, что Великий Октябрь явился на самом деле не социалистической революцией, как предполагали большевики, а лишь вторым, кульминационным этапом буржуазно-демократической революции в России, одной из основных целей которой было решение земельного вопроса в пользу крестьянства. Несмотря на всю активность рабочего класса и пролетарскую политическую революцию в столицах, социалистической революции в октябре (ноябре) 1917 года в капиталистически отсталой России не произошло. Карл Маркс предвидел возможность такой ситуации еще 1847 году. Он писал: «Поэтому, если пролетариат и свергнет политическое господство буржуазии, его победа будет лишь кратковременной, будет лишь вспомогательным моментом в самой буржуазной революции, как это было в 1794 году (во Франции – ред.), - до тех пор, пока в ходе истории, в ее «движении» не соз-

дались еще материальные условия, которые делают необходимым уничтожение буржуазного способа производства...». (К.Маркс, Ф. Энгельс. Собрание сочинений, 2-е издание, Т.4,С. 298-299).

Впрочем, сам В.И. Ленин призывал в 1920 г: «Особые условия, усложнившие и замедлившие борьбу победившего буржуазия пролетариата с крупным крестьянством в России, сводятся главным образом к тому, что русская революция после переворота 25.10./7.11. 1917 года проходила через стадию «общедемократической», то есть в основе своей буржуазно-демократической, борьбы всего крестьянства против помещиков; затем – к культурной и численной слабости городского пролетариата; наконец – к громадным расстояниям и крайне плохим путям сообщения». (В.И. Ленин. Полное собрание сочинений, Т.41,С. 176) А в 1921 году, уже после победы красных в гражданской войне и введения Новой экономической политики (НЭП), вождь большевиков, полагая, что «мы довели буржуазно-демократическую революцию до конца, как никто», тем не менее оговаривался: «Мы вполне сознательно, твердо и неуклонно продвигаемся вперед, к революции социалистической, зная, что она не отделена китайской стеной от революции буржуазно-демократической, зная, что только борьба решит, насколько нам удастся (в последнем счете) продвинуться вперед, какую часть необъятно высокой задачи мы выполним, какую часть наших побед закрепим за собой. Поживем, увидим». (там же, Т.44,С. 144-145).

Только летом 1918 года, после разрыва коалиции с левыми эсерами, большевики решились «перенести пролетарскую революцию в деревню». С целью содействия проведению «продовольственной диктатуры» и организации продразверстки повсеместно создавались «комитеты бедноты» (комбеды), которые охватывали как сельских пролетариев и полупролетариев, так и мелких собственников. При этом большевики надеялись добиться нейтрального отношения середнячества к развертыванию классово-борьбы в деревне.

Такова была вторая (и последняя) попытка утверждения «демократической диктатуры пролетариата». Но развитие вновь пошло по нисходящей линии: в то время как в городе шло свертывание деятельности фабзавкомов и переход реальной власти от Советов к исполкомам при них и ревкомам, а также комитетам РКП(б) разных уровней, на селе пытались действовать сразу и через крестьянские Советы и через комбеды. Комбеды, однако, раздражали середняков. Политика нейтрализации середнячества, тем более ввиду его постоянного численного роста, оказалось под угрозой. Переход же середнячества на сторону белых в гражданской войне был для большевиков равнозначен поражению. Все это стало настолько очевидным, что уже 8 ноября 1918 года В.И. Ленин, выступая на совещании делегатов комитетов бедноты центральных гу-

берний, во всеуслышание заявил: «Центральный Комитет нашей партии выработал план преобразования комбедов, который пойдет на утверждение VI съезда Советов. Мы постановили, что комбеды и Советы в деревнях не должны существовать порознь. Иначе получится склока и лишнее словоговорение. Мы сольем комбеды с Советами, мы сделаем так, чтобы комбеды стали Советами». (ПСС, Т.37,С. 180-181). Последнее обещание не было выполнено – за «нейтрализацией середнячества» последовала политика «прочного союза с ним», а затем и новая экономическая политика с ее возвратом к рыночным отношениям.

Таким образом, к началу 1919 года диктатура пролетариата в Советской России – даже в ее неразвитом, «демократическом», виде – потерпела поражение; фабзавкомы и комбеды были упразднены, социалистическая перспектива Октябрьской революции внутри страны была окончательно утрачена. А через полгода потерпела поражение и пролетарская революция в Европе... Страна по существу вернулась к революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства. Однако и ей осталось недолго существовать, ведь реальная власть была уже не у депутатов рабоче-крестьянских Советов, а у исполкомов и комитетов РКП(б). Советы все больше отделялись от трудовых коллективов, а в Советском аппарате стали нарастать бюрократические тенденции, с которыми большевики совершенно искренне призывали массы и самих себя бороться. Процесс этот зашел так далеко, что, выступая на IV конгрессе Коминтерна 13 ноября 1922 года, В.И. Ленин вынужден был констатировать: «Мы переняли старый государственный аппарат, и это было нашим несчастьем. Государственный аппарат очень часто работает против нас. Дело было так, что в 1917 году, после того, как мы захватили власть, государственный аппарат нас саботировал. Мы тогда очень испугались и попросили: «Пожалуйста, вернитесь к нам назад». И вот они все вернулись, и это было нашим несчастьем. У нас имеются теперь огромные массы служащих, но у нас нет достаточно образованных сил, чтобы действительно распорядиться ими. На деле очень часто случается, что здесь, наверху, где мы имеем государственную власть, аппарат кое-как функционирует, в то время, как внизу они самовольно распоряжаются и так распоряжаются, что очень часто работают против наших мероприятий. Наверху мы имеем, я не знаю сколько, но я думаю, во всяком случае, только несколько тысяч, максимум несколько десятков тысяч своих. Но внизу – сотни тысяч старых чиновников, полученных от царя и от буржуазного общества, работающих отчасти сознательно, отчасти бессознательно против нас». (ПСС, Т.45,С. 290).

Введение НЭПа в 1921 году в свою очередь стало логическим концом уже революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства: мелкобуржуазное крестьянство добилось своих рыночных целей, промышлен-

ный же пролетариат к тому времени полностью потерял свою организационную самостоятельность (особенно после введения большевиками единоначалия на предприятиях), кроме того, он еще и был «благодаря войне и отчаянному разорению и разрухе, деклассирован, то есть выбит из своей классовой колеи» (В.И. Ленин. ПСС, Т.44,С. 161). Сама же Новая экономическая политика означала, по словам Ленина, «переход к восстановлению капитализма в значительной мере» (там же, С. 158-160). «Если капитализм восстановится, значит восстановится и класс пролетариата, занятого производством материальных ценностей», - писал он (там же, С. 161). При этом, заявляя, что «поскольку разрушена крупная промышленность, поскольку фабрики и заводы стали, пролетариат исчез. Он иногда формально числился, но он не был связан экономическими корнями», вождь большевиков все же ориентировал своих соратников на то, что «пролетарская государственная власть окажется способной, опираясь на крестьянство, держать господ капиталистов в надлежащей узде, чтобы направлять капитализм по государственному руслу и создать капитализм, подчиненный государству и служащий ему» (там же, С. 161). Здесь ясно видна специфика ленинизма, требовавшего, начиная с Апрельских тезисов 1917 г. «не только учета классов, но учреждений». (ПСС, Т.31,С. 123).

Итак, если и есть смысл называть Советскую Россию «рабочим государством», то лишь в считанные месяцы ее существования, да и то условно! После этого стоит ли удивляться, что развитие СССР закончилось восстановлением классических буржуазных отношений с их частной собственностью, «новой русской» буржуазией, жестокой эксплуатацией и массовой нищетой?

Сказанное вовсе не является обвинительным актом против большевиков. Они делали то, к чему их принуждали условия отсталой крестьянской страны – условия, усугубленные поражением социальной революции пролетариата на Западе. А ведь без этой революции и сами большевики при Ленине не мыслили построения в России социализма. И хотя даже ближайшая их цель – бестоварное социалистическое общество – не была достигнута, сделали большевики, конечно, много. За 70 советских лет Россия (СССР) пережила значительный скачок в развитии производительных сил. Но зачем же называть это социализмом? Индустриализация, вытеснение мелкого производства (в городе и, особенно, в деревне) крупнотоварным, повышение уровня культуры масс – все это процессы развития буржуазного общества. Не станем же мы называть Францию социалистической только потому, что в стране построено много заводов и правит «социалистическая партия»! Наоборот, социализм подразумевает еще до него сложившееся развитое индустриальное общество, как и власть класса рабочих. То, что в Советской России – СССР это общество лишь создава-

лось, а рабочий класс был отчужден от власти, показывает, как далека была страна от социализма.

РОССИЙСКИЕ МАРКСИСТЫ В РОЛИ СОЦИАЛ-ЯКОБИНЦЕВ

Изменения в системе Советов, конечно, не были ни случайностью, ни исключительным следствием чьих-либо ошибок. То, что социалистическая диктатура пролетариата в России не осуществилась, а «демократическая» потерпела поражение, было определено самим характером Октябрьской революции, а характер революции, оказывается, бывает двойственным.

В 1910 году вождь большевиков В.И. Ленин так говорил о понятии «завершение буржуазно-демократической революции»: «Если его употребляют в широком смысле, под ним разумеют решение объективных исторических задач буржуазной революции, «завершение» ее, то есть устранение самой почвы, способной родить буржуазную революцию, завершение всего цикла буржуазных революций. В этом смысле, например, во Франции буржуазно-демократическая революция завершена была лишь 1871 годом, а начата в 1789 году.

Если же употребляют слово в узком смысле, то имеют в виду революцию отдельную, одну из буржуазных революций, одну из «волн», если хотите, которая бьет старый режим, но не добивает его, не устраняет почвы для следующих буржуазных революций. В этом смысле... революция 1789 года во Франции была «завершена», скажем, в 1794 году, нисколько не устранив этим почвы для революций 1830, 1848 годов». (ПСС, Т.19,С. 246-247).

Ставить вопрос о «широкой» и «узкой» революции лидера большевиков заставлял тогда явный буржуазно-демократический характер назревших в России преобразований. Сможет ли русская революция смахнуть все пережитки феодализма, выполнить программу «широкой» революции, стать завершающей «волной», или за этой «волной» последуют и другие? Ленин постоянно задавался вопросом: «Суждена ли нам революция типа 1789, или типа 1848 года, или 1871?» (ПСС, Т.9,С. 380, Т.47,С. 223,С. 226). Он неоднократно сравнивал революционные события в России с французской революцией 1848 года, то с революцией 1870 года и Парижской Коммуной 1871, так же как и с Великой французской революцией. Делал он это и в 1917 году. Общий лейтмотив у него всегда был один: «Наше дело...толкать буржуазную революцию как можно дальше...». (ПСС, Т.9,С. 381) «..мы обязаны, - писал Ленин, - исполнить свой долг руководителей демократического, «общедемократического», движения до конца, до русского 1871 года, до полного поворота крестьянства на сторону

«партии порядка». Будем требовать всего в смысле «общедемократического натиска»: при успехе получим все, при неуспехе – часть». (ПСС, Т.47,С. 224-225).

В сентябре 1917 года В.И. Ленин указывал, что революция 1848 года «наиболее похожа на нашу теперешнюю» (ПСС, Т.34,С. 124). Тем самым он подчеркнул еще один аспект двойственности буржуазно-демократического революционного процесса, свойственного Франции и России. Вот как писал о нем Ф. Энгельс в 1891 и 1895 годах: «Благодаря экономическому и политическому развитию Франции с 1789 года в Париже за последние пятьдесят лет сложилось такое положение, что каждая вспыхивавшая в нем революция не могла не принимать пролетарского характера, а именно: оплатив победу своей кровью, пролетариат выступал после победы с собственными требованиями. Эти требования... в конце концов сводились к уничтожению классовой противоположности между капиталистами и рабочими. Как оно должно произойти, - этого, правда, не знали». (К.Маркс, Ф.Энгельс. Собрание сочинений, 2-е издание, Т.22,С. 190). Речь, однако, шла при этом «об осуществлении самых доподлинных интересов огромного большинства», которые «скоро должны были в ходе своего практического осуществления, вследствие убедительной очевидности, стать для него достаточно ясными.» (Соб. соч., Т.22,С. 535) И здесь, кстати сказать, Энгельс как бы предостерегал будущие поколения революционных марксистов от одной серьезной ошибки, которую совершили они с Марксом в те годы: «...к весне 1850 года развитие буржуазной республики, возникшей из «социальной» революции 1848 года, привело к тому, что действительное господство оказалось сосредоточенным в руках крупной буржуазии, настроенной вдобавок монархически, а все другие классы, крестьяне и мелкие буржуа, напротив, сгруппировались вокруг пролетариата, так что при совместной победе и после нее решающим фактором должны были оказаться не они, а умудренный опытом пролетариат, - разве при этих условиях нельзя было вполне рассчитывать на то, что революция меньшинства превратится в революцию большинства:

История показала, что и мы и все мыслившие подобно нам были не правы. Она ясно показала, что состояние экономического развития европейского континента в то время далеко еще не было настолько зрелым, чтобы устранить капиталистический способ производства; она доказала это той экономической революцией, которая с 1848 года охватила весь континент и впервые утвердила крупную промышленность во Франции, Австрии, Венгрии, Польше и недавно в России, а Германию превратила прямо-таки в первоклассную промышленную страну, - и все это на капиталистической основе, которая, таким образом, в

1848 году обладала еще очень большой способностью к расширению» (Там же).

После Октябрьского переворота, в апреле 1918 года, Ленин писал: «Если взять масштаб западноевропейских революций, мы стоим сейчас приблизительно на уровне достигнутого в 1793 году и в 1871 году. Мы имеем законное право гордиться, что поднялись на этот уровень и в одном отношении пошли, несомненно, несколько дальше, именно: декретировали и ввели по всей России высший тип государства, Советскую власть. Но удовлетвориться достигнутым ни в коем случае мы не можем, ибо мы только начали переход к социализму, но решающего в этом отношении еще не осуществили». (ПСС, Т.36,С. 175). Решающим же для марксиста является «переход от простейшей задачи дальнейшего экспроприирования капиталистов к гораздо более сложной и трудной задаче создания таких условий, при которых не могла бы ни существовать, ни возникать вновь буржуазия» (там же) «Ясно, что это – задача неизмеримо более высокая и что без разрешения ее социализма еще нет», подчеркивал вождь большевиков.

Следует отметить, что, по мнению большевиков, Парижская Коммуна носила, в свою очередь, не только пролетарский, но и мелкобуржуазный, отчасти даже националистический характер (см. седьмая (апрельская) Всероссийская конференция РСДРП., Петроградская общегородская конференция РСДРПб. Апрель 1917 года. Протоколы. – М., Госполитиздат, 1958,С. 15; В.И. Ленин. ПСС, Т.7, С. 270; Т. 8, С. 486,487,490; Т. 9,С. 329; Т. 20,С. 218, 219; Т. 26,С. 325)

Противоречиво оценивался и социалистический потенциал «первого в мире опыта диктатуры пролетариата». Так в 1905 году будущий вождь октябрьской революции писал о Парижской Коммуне: «... в истории под этим именем известно такое рабочее правительство, которое не умело и не могло тогда различить элементов демократического и социалистического переворота, которое смешивало задачи борьбы за республику с задачами борьбы за социализм... и т.д. Одним словом... это было такое правительство, каким наше быть не должно». (ПСС, Т.11,С., 70); в 1913 году он отмечал: «Парижская Коммуна (1871) доканчивает это развитие буржуазных отношений; только геройству пролетариата обязана своим упрочением республика, то есть та форма государственного устройства, в которой классовые отношения выступают в наиболее неприкрытой форме» (ПСС, Т.23,С.2). А в апреле 1917 г. он же разъяснял Каменеву, стоявшему на старобольшевистских позициях, что «Коммуна, к сожалению, слишком медлила с введением социализма» (ПСС, Т.31,С. 142).

Но в отношении программных целей В.И. Ленин был строг и последователен. В 1905 году он писал в своей заключительной части к статье А.В. Луначарского «Парижская Коммуна и задачи демократической диктатуры»: «Эта справка учит нас, прежде всего, тому, что участие представителей социалистического пролетариата вместе с мелкой буржуазией в революционном правительстве вполне допустимо, а при известных обстоятельствах прямо обязательно. Эта справка показывает нам далее, что реальной задачей, которую пришлось выполнять коммуне, было, прежде всего, осуществление демократической, а не социалистической диктатуры, проведение нашей «программы-минимум». Наконец, эта справка напоминает нам, что, извлекая уроки для себя из Парижской коммуны, мы должны подражать не ее ошибкам ..., а ее практически успешным шагам, намечающим верный путь. Не слово «коммуна» должны мы перенимать у великих борцов 1871 года, не слепо повторять каждый их лозунг, а отчетливо выделить программные и практические лозунги, отвечающие положению дел в России и формулируемые в словах: революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства». (ПСС, Т.11,С. 132). В марте 1918 г. Ленин так развил эту мысль на VII Экстренном съезде РКП(б): «Мы должны теперь вместо старой программы писать новую программу Советской власти, нисколько не отвлекаясь от использования буржуазного парламентаризма. Думать, что нас не откинут назад, - утопия.

Исторически отрицать нельзя, что Россия создала Советскую республику. Мы говорим, что при всяком откидывании назад, не отказываясь от использования буржуазного парламентаризма, - если классовые, враждебные силы загонят нас на эту старую позицию, - мы будем идти к тому, что опытом завоевано, - к Советской власти, к советскому типу государства, государства типа Парижской Коммуны. Это нужно выразить в программе. Вместо программы-минимум мы введем программу Советской власти». (ПСС, Т.26,С. 54).

Несмотря на то, что советская власть объявлялась «высшим типом государства, прямым продолжением Парижской Коммуны» (см. В.И. Ленин, ПСС, Т.36,С. 110), большевики вынуждены были на практике отступать даже от принципов последней, например, согласиться на высокую оплату буржуазных специалистов и др. (см. там же, С. 179,С. 279).

Поэтому, что касается аналогий в революционном процессе Франции и России, более прав оказался Ф. Энгельс, писавший еще в 1885 году в письме вере Засулич, что Россия «приближается к своему 1789 году». «В стране, где положение так напряжено, где в такой степени накопились революционные элементы, где экономическое положение огромной массы народа становится изо дня в день все более нестерпимым, где представлены все ступени соци-

ального развития, начиная от первобытной общины и кончая современной крупной промышленностью и финансовой верхушкой, и где все эти противоречия насильственно сдерживаются деспотизмом, не имеющим себе равного, деспотизмом, все более и более невыносимым для молодежи, воплощающей в себе разум и достоинство нации, - стоит в такой стране начаться 1789 году, как за ним не замедлит последовать 1793 год», - подчеркивал он. (см. К.Маркс, Ф.Энгельс. Собрание соч., 2-е изд., Т.36, С. 260, 263)

И в самом деле, именно в событиях Великой Французской революции большевики чаще всего искали ответы на российские проблемы, придя к власти, они заимствовали даже лексикон французских революционеров той поры, - к примеру, слова: «комиссар», «ревтрибунал», «враги народа», «продотряд»; пели ту же «Марсельезу»... все потому, что большевики понимали: Россия должна пройти чистилище радикальной буржуазно-демократической революции. Значит, им надо быть такими же решительными и смелыми, как в свое время якобинцы во Франции. И они, подобно якобинцам, самым радикальным образом расправились с абсолютизмом и феодальными пережитками.

Правда, русская революция пошла еще дальше – она полностью расправилась с дореволюционным буржуазным классом. Но это ведь вовсе не равнозначно уничтожению буржуазных отношений, проведению антитоварной социалистической революции в экономике.

Что же до социалистических чаяний большевиков, то в том же письме к Вере Засулич Энгельс предвидел и такую возможность: «Люди, хвалившиеся тем, что сделали революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали, - что сделанная революция совсем не похожа на ту, которую они хотели сделать. Это то, что Гегель называл иронией истории, той иронией, которой избежали немногие исторические деятели». (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соб. соч., Т.36,С. 263). Впрочем, сам В.И. Ленин так писал в 1906 году о борьбе за социалистический переворот в отдельно взятой отсталой России: «Эта борьба была бы почти безнадежна для одного российского пролетариата, и его поражение было бы так же неизбежно, как поражение ... французского пролетариата в 1871 году, если бы на помощь российскому пролетариату не пришел европейский социалистический пролетариат». (ПСС, Т.12,С. 157) Речь шла, разумеется, о «социалистическом перевороте в Европе» – «Европейские рабочие покажут нам, «как это делается», и тогда мы вместе с ними делаем социалистический переворот» (там же).

ЧТО ТАКОЕ СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ?

Октябрьский переворот В.И. Ленин неоднократно называл «рабочей и крестьянской революцией», и тут он был, несомненно, прав. Однако великий Октябрь, как уже отмечалось, не был социалистической революцией, это был апогей буржуазно-демократического натиска - революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства с кратковременным переходом к «демократической диктатуре пролетариата». В проведенных большевиками антифеодальных преобразованиях были заинтересованы не только рабочие, но прежде всего широкие крестьянские массы.

Сама Октябрьская революция, победа красных в гражданской войне, подавление многочисленных восстаний и мятежей были невозможны без поддержки революции простым народом - основной массой трудящихся. Каков же был классовый состав этих трудящихся? Из почти 140 миллионов россиян к моменту переворота около 110 миллионов составляло крестьянство. Примерно 65 % крестьян были бедняками, середняками – 20 %, кулаками – почти 15 %, городская мелкая буржуазия составляла 8 % населения страны. Пролетариев же было около 15 миллионов – чуть больше 10 % населения, из них промышленных рабочих – только 3,5 миллиона. (см. Великая Октябрьская социалистическая революция // Энциклопедия . М.: «Советская энциклопедия», 1977, С. 276, 497).

Поэтому неудивительно, что тон революции задавали не столько пролетарские, сколько полупролетарские и мелкобуржуазные массы. Не спасла тут дела и руководящая роль пролетарской партии. Этому есть вполне марксистское объяснение: базис определяет «надстройку», даже такую «надстройку», как РКП(б). Вот что писал сам В.И. Ленин в апреле 1917 года: «Россия сейчас кипит. Миллионы и десятки миллионов... политически забитые ужасным гнетом царизма и каторжной работой на помещиков и фабрикантов, проснулись и потянулись к политике. А кто такие эти миллионы и десятки миллионов? Большею частью мелкие хозяйчики, мелкие буржуа, люди, стоящие посередине между капиталистами и наемными рабочими. Россия наиболее мелкобуржуазная страна из всех европейских стран.

Гигантская мелкобуржуазная волна захлестнула все, подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но и идейно, то есть заразила, захватила очень широкие круги рабочих мелкобуржуазными взглядами на политику». (ПСС, Т.31, С. 156)

Движущей силой Октябрьской революции являлись рабочие и крестьяне, одетые в солдатские шинели, гегемоном при этом выступил пролетариат под руководством большевистской партии. «Новым большевикам» казалось, что этим актом началась собственно социалистическая революция в России.

Однако, дальнейшие события показали, что перерастание политической революции пролетариата за рамки буржуазно-демократического революционного процесса (то есть революции в «узком смысле») не произошло. Попытки устранения денег, ведения производства по-коммунистически, распределения продуктов, волевым распоряжением власти, - эти и другие мероприятия «военного коммунизма» сказались несостоятельными. Не вышло у большевиков и с продуктообменом между городом и деревней. Мелкобуржуазная стихия требовала рынка, закон стоимости требовал отношений купли-продажи.

Передавать эти требования можно было лишь вместе с самой мелкобуржуазной средой. А она-то и составляла основную массу вооруженного народа, революционной армии.

В очередной раз, возвращаясь к В.И. Ленину, следует еще раз отметить, что у него было меньше всего иллюзий насчет характера Октября, чем у других «новых большевиков». В конце 1920 года в РКП(б) разгорелась дискуссия о роли и задачах «резервуара государственной власти» профсоюзов в Советской России. Мол, раз государство у нас рабочее, от кого профсоюзам защищать пролетариат? Не от родного же государства? На это вождь большевиков трезво возражал: «Товарищ Троцкий говорит о «рабочем государстве». Позвольте, это абстракция.... Не совсем рабочее, том-то и штука. Тут и заключается одна из основных ошибок товарища Троцкого... У нас государство на деле не рабочее, а рабоче-крестьянское – это во-первых. А из этого очень многое вытекает ... Государство у нас рабочее», - добавил Ленин, - «с бюрократическим извращением». (ПСС, Т.42,С. 207-208) Правда, выход из ситуации лидер большевиков искал в следующей диалектике: «Наше теперешнее государство таково, что поголовно организованный пролетариат защищать себя должен, а мы должны эти рабочие организации использовать для защиты от своего государства и для защиты рабочими нашего государства. И та и другая защита осуществляется через своеобразное сплетение наших государственных мер и нашего соглашения, «сращивания» с нашими профсоюзами...», - « в понятие «сращивания» входит то, что надо уметь использовать мероприятия государственной власти для защиты материальных и духовных интересов поголовно объединенного пролетариата от этой государственной власти», - разъяснял он. (там же, С. 209).

При переходе к НЭПу, однако, большевикам пришлось отказаться и от этой схемы, - прежде всего от принудительной записи всех рабочих поголовно в члены профсоюзов и от партийности профсоюзов, но главное от «всякого непосредственного вмешательства профсоюзов в управление предприятиями» (см. В.И. Ленин, ПСС, Т.44,С. 344-346). Вся полнота власти окончательно сосредотачивалась» в руках заводоуправлений, составленных по общему правилу на

началах единоличия», профсоюзам же отводилась роль участия в работе хоз- и государственных органов, «но не непосредственно, а через выдвинутых ими и утвержденных компартией и Советской властью членов высших госучреждений, членов хозколлегии, членов заводоуправлений (там, где допущена такая коллегияльность), администраторов, их помощников, и т.д.», а также «выдвижение и подготовка администраторов из рабочих и трудящейся массы вообще», «неуклонное повышение дисциплины труда и культурные формы борьбы за нее и повышение производительности» с помощью дисциплинарных судов и т.п. (см. там же, С. 347). При этом В.И. Ленин признавал, что «из всего вышеизложенного вытекает ряд противоречий между различными задачами профсоюзов», но объяснял их, как «противоречия в самом положении профсоюзов при диктатуре пролетариата» и указывал, что они «не случайны и неустранимы в течение ряда десятилетий». Поскольку же «указанные противоречия неизбежно будут порождать конфликты, несогласованность, трения и т.п.», то «необходима высокая инстанция, достаточно авторитетная, чтобы разрешать их немедленно. Такой инстанцией является Компартия и международное объединение компартий всех стран, Коминтерн». (там же, С. 350).

В течение последующих десятилетий Советской власти такое положение профсоюзов в стране, действительно, мало изменилось, - разве что после свертывания НЭПа столицы вновь вернулись к политике поголовного членства в них, а «авторитетная инстанция» оказалась на деле авторитарной и обходилась без Коминтерна.

Хотя ко времени введения НЭПа В.И. Ленин уже внутренне осознал непролетарский характер Советской власти, его лозунгом, как мы уже знаем, было: толкать буржуазную революцию как можно дальше». Толкать, в надежде на скорую социальную революцию пролетариата в Европе (то есть подлинно социалистическую). Она и компенсирует российскую отсталость, - считал Ленин.

Одновременно в знаменитом «Письме к съезду» (1922 г.) большевистский вождь предупреждал соратников: «Наша партия опирается на два класса и потому возможна ее неустойчивость и неизбежно ее падение, если бы между этими двумя классами не могло состояться соглашения». (ПСС, Т.45, С. 344) «Если не закрывать глаза на действительность, то надо признать, что в настоящее время пролетарская политика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией. Достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое, и авторитет его будет если не подорван, то во всяком случае ослаблен настолько, что решение будет зависеть уже не от него», - писал он чуть ранее (см. там же, С. 20).

По всем этим причинам лидер большевиков отказывался публично признавать непролетарский характер возникшего в результате Октябрьской революции общества и даже грозил публичным выразителям таких взглядов расстрелом (см. ПСС, Т.45,С. 89-90). И это тот Ульянов-Ленин, который сам писал в 1905 году: «Полная революция есть захват власти пролетариатом и бедным крестьянством. А эти классы, находясь у власти, не могут не добиваться социалистической революции. Следовательно, захват власти, будучи сначала шагом в демократическом перевороте, силой вещей, против воли (и сознания иногда) участников, перейдет в социалистический. И тут крах неизбежен. А раз неизбежен крах попыток социалистической революции, то мы (как Маркс в 1871 г., предвидевший неизбежный крах восстания в Париже) должны советовать пролетариату не восставать, выжидать, организовываться, отступить, чтобы лучше прыгнуть». (ПСС, Т.9,С. 382).

Марксистские прогнозы Ленина-теоретика (в отличие от немарксистских чаяний его, как социал-якобинского политика и практика) полностью оправдались. ВКП(б) пережила ожесточенную внутрипартийную борьбу и уничтожение значительной части старой гвардии, а СССР – крах попытки социалистической революции в одной, отдельно взятой капиталистически отсталой стране. Как показала история, завершение всего цикла буржуазно-демократических преобразований в России заняло примерно столько же времени, сколько во Франции. Там – 1789-1871 гг. у нас – 1905-1991. Причем сходство удивительное, до мелочей. Сам Ленин напоминал Робеспьера. Он, как и Робеспьер в свое время, неоднократно бил левых, - к примеру, на X съезде РКП(б) была запрещена «Рабочая оппозиция», добивавшаяся выполнения одного из ключевых положений новой партийной программы о том, что «профессиональные союзы должны прийти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством, как единым целым» (см. В.И. Ленин, ПСС, Т.38,С.435). На гильотину российский «Робеспьер» не попал, но известно, что в годы сталинских «чисток» старой гвардии его вдова Н.К. Крупская допускала, что Ленин мог бы оказаться в числе репрессированных. После смерти вождя революции власть в Советской России, как и во Франции в 1794, перешла к термидорианской «Директории» – более правым «нэповским коммунистам», на службе у которых было немало прорыночно настроенных бывших меньшевиков. Полемика, возникшая вокруг троцкистских оценок Великого Октября, свидетельствовала, что большинство «новых термидорианцев» по существу придерживалось «старобольшевистских» взглядов.

На смену НЭПу в конце 1920-х годов пришел российский советский бюрократизм во главе с И.В. Сталиным, который воплотил в себе многие черты

Наполеона I и даже отчасти Наполеона II. Спецификой российского бонапартизма (что, надо сказать, до сих пор сбивает с толку очень многих) было то, что советский «Наполеон» подвел черту под развитием революции, введя в СССР режим «государственного социализма», спроектированный еще в XIX в. сенсимонистами, Родбертусом и др., - модель общества, которую беспощадно критиковал Ф. Энгельс в последние годы своей жизни. Однако основные характеристики бонапартизма, описанные К. Марксом в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (см. Соб. соч., Т.8, С. 115-217) просматриваются и в его особом, советском, варианте. Здесь и культ личности, основанный на «традиционной народной вере», и «огромная духовная революция» по его развенчанию (см. там же, Т.16, С. 376). Здесь и «исполнительная власть с ее громадной бюрократической и военной организацией», при которой «всякий общий интерес немедленно отрывался от общества, противопоставлялся ему как высший, всеобщий интерес, вырывался из сферы самодеятельности членов общества и делался предметом правительственной деятельности, - начиная с моста, школьного здания и коммунального имущества какой-нибудь сельской общины и кончая железными дорогами, национальным имуществом и государственными университетами». Российская революция, как и Великая Французская «Должна была развить далее то, что было начато абсолютной монархией, - централизацию, но вместе с тем, она расширила объем, атрибуты и число пособников правительственной власти» (там же, Т.8, С. 207). Сталин, как и Наполеон, «завершил эту государственную машину» (см. там же), как и последний, он заложил основу новой судебной-правовой системы, ввел новое административно-территориальное деление и т.д. При Сталине состоялась индустриализация страны, подобно тому, как в XIX веке во Франции при Наполеоне III завершился промышленный переворот.

Сталинское руководство, как и Бонапарти, опиралось на крестьянство, но, в отличие от последних, не на парцелльных крестьян – мелких собственников (хотя в середине 1920-х сам И.В. Сталин еще колебался), а на малоимущее крестьянство с сильными общинными пережитками, которое и при НЭПе составляло большинство сельского населения. Этим же объясняется и конечный успех коллективизации сельского хозяйства, которая позволила временно сохранить этому крестьянству свое особое классовое состояние.

В связи с последним можно вспомнить такое место из письма Ф. Энгельса К. Каутскому от 15 февраля 1884 г.: «Следовало бы кому-нибудь взять на себя труд разоблачить распространяющийся, как зараза, государственный социализм, воспользовавшись его образчиком на Яве, где он процветает на практике)...(голландцы на основе древнего общинного коммунизма организовали

производство на государственных началах и обеспечили людям вполне удобное, по своим понятиям, существование. Результат: народ удерживают на ступени первобытной ограниченности, а в пользу голландской государственной казны поступает 70 млн. марок ежегодно (Теперь, наверное, больше). Случай в высшей степени интересный, и из него легко извлечь практические уроки. Между прочим, это доказательство того, что первобытный коммунизм на Яве, как и в Индии, и в России, образует в настоящее время великолепную и самую широкую основу для эксплуатации и деспотизма (пока его не встряхнет стихия современного коммунизма).

В условиях современного общества он оказывается кричащим анахронизмом, который либо должен быть устранен, либо же получить дальнейшее развитие...». (К.Маркс, Ф.Энгельс, Соб. соч., Т.36, С. 96-97).

Конечно, в Советском Союзе был другой «случай» «государственного социализма», - насаждавшийся не колонизаторами в отсталой стране с преобладанием первобытного натурального хозяйства, а ВКП(б) с целью быстрой и массовой пролетаризации крестьянства при его наименьшем сопротивлении. Вместе с тем практика советского «госсоца» подтвердила, что и преобразованная в колхозы общинность остается базой эксплуатации и деспотизма.

Коллективизация позволила большевикам провести также необходимую для индустриализации общества культурную революцию на селе, но дальнейшее развитие старой русской общины в передовые сельхозкоммуны оказалось невозможно из-за, во-первых, ее полуразложившегося состояния, и, во-вторых, отсутствия рядом бестоварного социализма (современного европейского посткапиталистического коммунизма); поэтому именно коллективизация способствовала постепенному, но окончательному ее исчезновению и перекачке свыше 30 млн. рабочих рук из села в город.

Сходство процессов буржуазной трансформации Франции и России продолжается вплоть до Ельцина. Борис Николаевич повторил почти все шаги Луи Бонапарта. Также сначала был избран президентом, затем разогнал и расстрелял парламент, также дал стране новую авторитарную конституцию, - и все это используя рецидив наполеоновско-сталинской идеи сильного и неограниченного правительства во главе с волевой личностью. При Ельцине, как и при Наполеоне III, власть тесно переплелась с уголовным миром... Борис Николаевич, в отличие от Луи Бонапарта, императором не стал, но политику он проводил проимперскую, причем с тем же результатом: если Наполеон III оконфузился в Мексике, то Ельцин – в Чечне.

Вполне подходит к августовской революции 1991 года в России и такая конечная характеристика, данная Марксом Французской революции 1848 года,

ввиду прихода в результате к власти Луи Бонапарта: «Впрочем, всякий мало-мальски наблюдательный человек, даже и не следивший шаг за шагом за развитием событий во Франции, должен был предчувствовать, что этой революции предстоит неслыханный позор. Достаточно было послушать самодовольное победное твяканье господ демократов, поздравлявших друг друга с (ожидаемыми) благодатными последствиями..» (К.Маркс, Ф.Энгельс, Соб.соч.,Т.8,С.120).

Впрочем, у истории Франции и России хватает и существенных различий. Сталин проводил социал-имперскую политику в отношении некоторых малых народов и соседних государств, расширяя и укрепляя Советский Союз, но он не был разбит, как Наполеоны, а сам разбил нацистского агрессора в мировой войне. Во Франции после нападения Наполеона I европейская реакция временно восстановила монархию, в России такого не случилось до сих пор; это лишний раз подчеркивает, что основное различие было, конечно, в уничтожении радикальной российской революции как всего дворянства в целом, так и старого буржуазного класса, во Франции же дело ограничивалось только истреблением и изгнанием земельной аристократии.

Но главное состоит, разумеется, в том, что в XX веке в России произошло то, против чего в XIX в. К. Маркс и Ф. Энгельс предостерегали европейских революционеров: «...Во Франции пролетарии придут к власти не одни, а вместе с крестьянами и мелкими буржуа, и будут вынуждены проводить не свои, а их меры». (Соч., Т.8,С. 585), «... в одно прекрасное утро наша партия вследствие беспомощности и вялости остальных партий вынуждена будет встать у власти, чтобы в конце концов проводить все же такие вещи, которые отвечают непосредственно не нашим интересам, а интересам общереволюционным и специфически мелкобуржуазным; в таком случае под давлением пролетарских масс, связанные своими собственными, в известной мере, ложно истолкованными и выдвинутыми в порыве партийной борьбы печатными заявлениями и планами, мы будем вынуждены производить коммунистические опыты и делать скачки, о которых мы сами отлично знаем, насколько они несвоевременны. При этом мы потеряем головы, - надо надеяться только в физическом смысле, - наступит реакция и, прежде, чем мир будет в состоянии дать историческую оценку подобным событиям, нас станут считать не только чудовищами, на что нам было бы наплевать, но и дураками, что уже гораздо хуже. Трудно представить себе другую перспективу». (там же, Т.28,С. 490-491) Кстати сказать, В.И. Ленин очень не любил, когда ему приводили подобные высказывания классиков, презрительно называя их «петрушкиными цитатами» (см. ПСС, Т.9,С. 409)

«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛИЗМ» КАК ДОГОНЯЮЩИЙ КАПИТАЛИЗМ

В 1891 году под влиянием Ф. Энгельса немецкие социал-демократы включили в Эрфуртскую программу своей партии следующее положение: «Социал-демократическая партия не имеет ничего общего с так называемым государственным социализмом, системой огосударствления в фискальных целях, которая ставит государство на место частного предпринимателя и тем самым объединяет в одних руках силу экономической эксплуатации и политического угнетения рабочего». (см. К. Маркс, Ф. Энгельс, Соб. соч., Т.22,С. 623). Ни программа Российской Социал-демократической партии, общая для большевиков и меньшевиков, ни программа Российской Коммунистической партии (большевики) подобного положения не содержали, и российские марксисты почти совсем не занимались данным вопросом (как и, увы, марксисты-ленинцы вплоть до наших дней). Между тем созданное усилиями российских большевиков и их эпигонов общество оказалось как раз практическим воплощением этой известной немарксистской модели псевдосоциализма, на деле же – государственно-капиталистического монополизма.

Советский Союз никогда не был ни социалистическим государством, как то утверждают сталинисты, ни переродившимся рабочим государством, как считает большинство троцкистов. В результате национализации в стране возникла государственная монополия на средства производства и обмена, что еще далеко не означает обобществление (социализацию) собственности, как предвидел Карл Маркс, «такое упразднение частной собственности отнюдь не является подлинным освоением ее», для такого рода «коммунизма» «общность есть лишь общность труда и равенство заработной платы, выплачиваемой общинным капиталом, общиной как всеобщим капиталистом. Обе стороны взаимоотношения подняты на ступень представляемой общности: труд – как предназначение каждого, а капитал – как признанная всеобщность и сила всего общества». (К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., Т.42,С. 114).

В СССР сохранялась классовая структура общества, в том числе промышленный рабочий класс, совхозный полупролетариат и постоянно сокращавшееся новообщинное колхозное крестьянство. Роль буржуазии при этом играл политически господствующий класс партийно-государственной бюрократии («номенклатура»), выполнявший, говоря словами Энгельса, «общественную должностную функцию совокупного предпринимателя» (см. там же, Т.20,С. 185). Сохранялись товарообмен между государственными и колхозно-кооперативными секторами производства, розничная торговля и прочие атрибуты товарно-денежного хозяйства. Тогда как сам В.И. Ленин говорил: «Мы ставим себе це-

лю равносудство как уничтожение классов. Тогда надо уничтожить и классовую разницу между рабочими и крестьянами. Это именно и составляет нашу цель. общество, в котором осталась классовая разница между рабочим и крестьянином, не есть ни коммунистическое, ни социалистическое общество» (см. ПСС, Т.38,С. 353) «Цель – создать социализм, уничтожить деление общества на классы, сделать всех членов общества трудящимися, отнять почву у всякой эксплуатации человека человеком» (там же, С. 385). В результате НЭПа страна должна прийти к правильному социалистическому продуктообмену между промышленностью и земледелием», - считал он (см. ПСС, Т.44,С. 8), только тогда «фундамент социалистической экономики можно считать заложенным» (там же, С. 502), причем «переход от денег к безденежному продуктообмену бесспорен. Чтобы этот переход был успешно завершён, надо чтобы был осуществлён продуктообмен (не товарообмен)». (см. там же, Т.52,С. 22)

Цель государственного социализма, как отмечал Ф. Энгельс, - «превратить возможно большее число пролетариев в зависимых от государства чиновников и пенсионеров и организовать наряду с дисциплинированной армией солдат и чиновников такую же армию рабочих». «Принудительные выборы под наблюдением назначенного государством начальства вместо фабричных надсмотрщиков – хорош социализм», - возмущался он (К. Маркс, Ф. Энгельс Со. соч., Т.35,С. 140)

Все это было в СССР. Характер труда рабочих оставался наёмным – администрация нанимала работников и обладала реальной властью на производстве, а не наоборот. Прибавочный продукт отчуждался государственным аппаратом и им же перераспределялся. Между тем ещё Маркс предупреждал: «Никакая форма наёмного труда, хотя одна из них может устранить недостатки другой, не в состоянии устранить недостатки самой системы наёмного труда» (см. там же, Т.46, ч. 1,С.62) «Капитал, - по его убеждению, - предполагает наёмный труд, а наёмный труд предполагает капитал. Они взаимно обуславливают друг друга; они взаимно порождают друг друга». (там же, Т.6,С. 444). А раз создается капитал, то рано или поздно появятся те, кто захочет владеть этим капиталом «как положено» – на правах частной собственности.

Утвердившийся в ходе реализации модели «государственного социализма» монополюльно-государственный способ производства, основанный на наёмном труде в промышленности, сфере услуг и значительной части сельского хозяйства – это своеобразный государственный капитализм, которого, по словам В.И. Ленина, «никакой Маркс и никакие марксисты не могли предвидеть» (ПСС, Т.45,С. 117) – оказался на деле путем отсталой, полуазиатской, России в современный капитализм.

Партийно-хозяйственная «номенклатура» выполнила объективно прогрессивную задачу организации крупной промышленности и увязывания ее с колхозно-кооперативным сектором в едином народно-хозяйственном комплексе; таким образом были преодолены экономические уклады, доставшиеся многонациональной стране в наследство от феодализма и даже дофеодалных способов производства.

Однако созданная за годы «социалистического строительства» громадная система управления с ее всепроникающим бюрократическим планированием была эффективна только при двух главных обстоятельствах: при не очень значительных номенклатуре и ассортименте промышленной продукции и при значительных объемах дешевого, с полукрепостническими рецидивами труда колхозников и полурабского труда миллионов заключенных в исправительно-трудовых лагерях, что позволяло взамен армии безработных сдерживать рост стоимости рабочей силы и занижать ее реальную цену на монопольном рынке труда.

По мере исчезновения этих двух факторов административно-командная система с каждой новой пятилеткой все более пробуксовывала, а к середине 1980-х годов и вовсе стала, выход из создавшегося тупика партийно-государственная верхушка поначалу пыталась найти в «перестройке», то есть переходе, по примеру Китая, к модели «рыночного социализма», но тут же выяснилось, что большая часть «номенклатуры» не хочет поступаться при этом своими привилегиями и вообще привычным полупаразитическим образом жизни, что было бы неизбежно.

В развернувшейся борьбе «перестройщики» подняли тогда знамя «демократии и гласности» – разумеется, буржуазной демократии и буржуазной гласности – попытались привлечь на свою сторону всех недовольных системой, в том числе наиболее эксплуатируемую часть рабочего класса, пробудив их к политической деятельности. Роль проводника курса рыночных реформ при этом отводилась социально активной буржуазной интеллигенции, до того прилежно обслуживавшей нужды класса буржуазной бюрократии.

Именно в ходе перестроечной борьбы наиболее зрелая часть «номенклатуры» полностью осознала к началу 1990-х годов направление развития своего классово-эксплуататорского интереса и занялась – руками буржуазных либерал-демократов – приватизацией всего ранее созданного в СССР под ее руководством. Так завершилась в России эпоха буржуазно-демократической революции в широком смысле слова, начатая революцией 1905 года и закончившаяся августовской политической революцией 1991 г. На смену переходному государственному способу производства на основе наемного труда пришел

стандартный рыночно-монополистический капитализм; закон стоимости одержал – вопреки чаяниям сталинистов – очередную убедительную победу в сфере товарного хозяйства, доказав несостоятельность любых товарно-денежных «моделей» немарксистского социализма – как государственных, так и рыночных.

ПОСТСОВЕТСКАЯ РОССИЯ И НАШИ ЗАДАЧИ

Единый прежде эксплуататорский класс буржуазной бюрократии уступил место при этой смене способов производства в рамках системы товарного хозяйства – обычному спектру свойственных развитому капитализму буржуазных слоев и классов: финансовой олигархии, бюрократической буржуазии, торговой и промышленной буржуазии, одним из первых возник огромный слой городской мелкой буржуазии и т.д. Устойчиво идет процесс классового размежевания и на селе: быстро исчезает особый класс колхозного крестьянства, возникают классы новых сельхозрабочих, фермеров, крупных землевладельцев; узаконивание частной собственности на землю наряду с другими средствами сельхозпроизводства катализирует этот процесс.

Современная политическая система России, - при всей ее очевидной кризисности – очень выгодна для всей буржуазии в целом, ведь все без исключения крупные партии и общественные объединения – от крайне правых нацистов до якобы левых псевдокоммунистов – отражают в конечном счете экономические и политические интересы соперничающих группировок господствующего класса, то есть государственного и частного капитала.

В 1990-е годы государственная власть в России находится в руках блока непродуцированных слоев буржуазии – высшей бюрократии и финансовой олигархии, которых поддерживает часть торговцев, занимающаяся экспортом сырья и импортом ширпотреба. Этот блок полностью контролирует сферу денежного обращения в стране, используя ее в чисто спекулятивных целях. Это идет вразрез с интересами промышленников и предпринимателей, которые вынуждены делиться с правящей элитой львиной долей прибыли, а сами в этих условиях перейти на бартер (натуральный товарообмен). Той части прибавочной стоимости, которая остается в распоряжении производственной буржуазии, едва хватает ей на поддержание воспроизводства и собственное ненасытное потребление, поэтому пролетариату – производителю прибавочной стоимости и источнику всей прибыли – не оставляют даже средств на зарплату. Так «патриотически настроенные отечественные товаропроизводители» – буржуа изобрели новый вид выколачивания абсолютной прибавочной стоимости помимо удлинения рабочего дня и интенсификации труда: необходимое рабо-

чее время сводят к минимуму, а прибавочное рабочее время доводят до максимума путем внедрения системы добровольного холопства эксплуатируемых рабочих.

Вся деятельность правящего компрадорского блока носит откровенно паразитический и антинациональный характер, поэтому противостоящие ему фракции буржуазии стараются сплотиться сами и повести за собой возможно большую часть неимущих и малоимущих слоев и классов (в ограблении которых они также принимали и принимают участие) под шовинистическими лозунгами. Этому и призваны способствовать различные комбинации государственно-патриотических коалиций, которые нацелены на формирование буржуазного блока «патриотов-профессионалов» из бывших номенклатурно-КПССовских политиков, региональных элит, чиновников среднего и низшего звена, промышленников и торговцев в сфере отечественного производства, представителей ущемленного мелкого и среднего бизнеса и т.п. При этом слабость подлинно коммунистических интернационалистских сил приводит к тому, что правые реакционеры все больше поглощают политическое пространство слева от центра. Так, их усилиями создаются уже не только «красно-белые» союзы типа КПРФ-НПСР, но даже «красно-коричневые», как в печальном случае с неокПССовской «Трудовой Россией» и фашиствующей «Национал-большевистской партией». Неудивительно, что общей идейной платформой таких объединений в конце концов оказываются державность, русский национализм и антисемитизм, защита «православной духовности» и тому подобное черносотенство, а никак не марксизм-ленинизм!

Оттеснив от власти компрадоров, «народно-патриотические силы» будут протекционистски пытаться создать эффективную рыночную экономику путем восстановления отечественной промышленности и значительного усиления регулирующей роли буржуазного государства. Капиталистический характер такой экономики будет при этом, разумеется, маскироваться, как это ныне делается в Беларуси, а вконец обнищавших тружеников агитаторы с красными повязками будут под малиновый звон усиленно призывать к единению с предпринимателями «во имя возрождения Родины». А для этого национальной буржуазии больше всего подходит жесткий политический режим в виде личной или, лучше, партийной диктатуры правого толка, и он вполне может возникнуть, причем в какой угодно упаковке: белой, красной, черной, коричневой, а скорее всего, смешанной. Понятно, что крайним вариантом здесь является нацизм.

По нашему мнению, задачами пролетариата и марксистской интеллигенции в сложившейся обстановке являются развертывание бескомпромиссной

классовой борьбы со всеми фракциями буржуазии – от компрадоров до национал-патриотов и их политической обслугой любых партийных цветов; создание подлинно классовых рабочих профсоюзов и сплочение пролетарского авангарда в сильную, влиятельную марксистскую рабочую партию с целью свершения настоящей, интернациональной социалистической революции и упразднения, таким образом, всей системы товарно-денежного хозяйства, классово-эксплуататорской структуры общества и, как следствие, любых отношений социального господства и подчинения, института государства.

Вместе с тем, первым шагом на этом пути может явиться установленная в ходе коренного социального переворота безраздельная власть организованной крупным производством и марксистски просвещенной части пролетариата, то есть социалистическая диктатура пролетариата. Только социалистический рабочий класс – производитель абсолютного большинства материальных ценностей в современную эпоху – имеет право на вооружение во избежание попыток контрреволюции и реставрации старых порядков со стороны кого бы то ни было.

Пока рабочий класс нуждается в такого рода государстве, власть в нем должна принадлежать ему безраздельно и непосредственно – таков один из основных уроков поражения ленинизма.

Вопрос, однако, в том, успеют ли сложиться все предпосылки для объективно назревшей теперь международной социалистической революции, прежде чем в нашей стране набравший силу агрессивный великорусский имперский капитал установит руками лжецов и демагогов и РНЕ и сочувствующих им «красно-коричневых» патриотов – антисемитов бесчеловечную нацистскую диктатуру и тем самым ввергнет человечество в апокалипсис третьей мировой войны. Такое, к сожалению, тоже возможно.

1995-1997 гг.

АУТЕНТИЧНЫЙ МАРКСИЗМ

ПОДЛИННЫЙ ТЕКСТ «КРИТИКИ ГОТСКОЙ ПРОГРАММЫ»

Известно, что, для того чтобы точно разобраться в текстах специального характера, необходимо читать и осмысливать их в подлиннике – то есть на том языке, на котором они написаны. К примеру, истории известно немало случаев, когда сначала религиозные тексты переводились с языка на язык неточно, вслед затем такие переводы неверно истолковывались, а в результате вспыхивали кровавые конфликты с многочисленными жертвами. Нередко искажение текста оригинала (подлинника) делалось умышленно – со злонамеренной целью дезориентировать читателя. Бывало, понятно, и так, что переводчик «просто» был малокомпетентным человеком и либо брался за непосильное для себя дело, либо же подходил к переводу спустя рукава.

Увы, переводы текстов Маркса тоже не избежали этой участи. Это отмечал ещё Энгельс и, сам, будучи полиглотом, даже написал специальную статью под названием «Как не следует переводить Маркса» (см. Собр. Соч., 2-е изд., Т.21, С. 237-245).

В этой связи хотелось бы особо подчеркнуть следующее. В отличие от некоторых других авторов своей эпохи (да и сегодняшнего дня тоже), Маркс и Энгельс отлично владели пером и НЕ изъяснялись двусмысленным либо нарочито тёмным языком. Так что можно с уверенностью утверждать следующее: если что-либо при неоднократном прочтении того или иного текста классиков остаётся всё же неясным – смело предполагай, что виной тому - некачественный перевод, а не твоя «голова садовая»! Ну, а поскольку марксведение в СССР было всё же казённой наукой, то ни в коем случае не отбрасывай при этом предположения, что тот или иной текст могли при переводе и умышленно «несколько подправить для ясности», вернее - как раз для неясности.

В СССР добраться до текстов классиков в оригинале было, мягко говоря, проблематично, сегодня же ситуация иная. Многие тексты классиков на языках оригинала легко обнаружить в Интернете. Так что появилась, наконец, возможность сравнить тексты подлинников и их переводы на русский язык и сделать соответствующие выводы.

Возьмём важнейший для нас текст – «Критику Готской Программы» Маркса – и сравним тексты подлинника и известного нам по собраниям сочинений классиков на русском языке перевода.

Предварительно уточню следующее.

Немецкое существительное **die Gesellschaft** означает «общество» (в разных смыслах), дословно – «объединение» (от глагола *gesellen* – «соединять, сплачивать»).

Соответственно, прилагательное **gesellschaftlich** означает «общественный».

Существительное **die Genossenschaft** – это, дословно, «товарищество» (от *der Genosse* – «товарищ»).

Одновременно, существительное **die Genossenschaft** имеет значение «кооператив». Это значение подтверждает сам Энгельс, как увидим ниже в примерах.

Соответственно, прилагательное **genossenschaftlich** можно перевести либо как «товарищеский», либо – в плане экономическом – как «кооперативный».

Существительное **das Gemeingut**, в точном переводе – «общее достояние».

Прилагательное **allgemein** значит «всеобщий».

А вот слово **die Gemeinschaft** следует понимать как «общность, единение», а также – «объединение, коллектив».

Соответственно, прилагательное **gemeinschaftlich** – «коллективный».

Хочу обратить особое внимание на играющую ключевую роль для правильного понимания текста подлинника слово **ebensowenig**. Только формально, при дословном переводе, это – «столь же мало». На деле же, наречие **ebensowenig** представляет собой *подтверждаемое сравнением отрицание*: «так же не». Например: Sie kann dir ebensowenig helfen (wie ich). – «Она так же не может тебе помочь (как и я)».

Далее. Очень интересное слово **liefern**. Этот глагол может одновременно означать и «доставлять», и «выпускать (продукцию)». Соответственно, причастие **geliefert** – это и «доставленный», и «выпущенный, выработанный, произведённый».

Ещё одним ключевым для правильного понимания текста является существительное **der Schein**.

Оно может означать выданный кем-либо документ – свидетельство, удостоверение, справку, расписку. Так его и следует понимать в данном тексте. Что подтверждается, кстати, и одобренным самими классиками переводом данного текста на английский язык. В таком английском переводе немецкое слово **der Schein** верно переводится как certificate.

Вместе с тем, история знает и немало попыток со стороны разного рода «рыночных социалистов» исказить задним числом смысл данного важнейшего текста, приписав Марксу, что он дескать имеет в виду здесь некий денежный документ, так как слово **der Schein**, действительно, может иметь ещё и значение «банкнот, ассигнация». Такие «переводчики» Маркса поэтому специально переводили слово **der Schein** как 'voucher'. – Не из этой ли традиции исходил в своё время Чубайс, сочиняя название для придуманного им приватизационного чека – «ваучер»?

Ну, а «стыдливые толмачи» брежневского времени нашли для себя, так сказать, соломоново решение: перевели слово **der Schein** и не как «справка», и не как «ваучер», а подобрали «нечто среднее»: «квитанция». То ли денежный документ, то ли нет – понимай, как угодно.

И, наконец, существительное **der Vorrat**. Оно означает, дословно, «запас». И у Маркса это существительное употреблено в *единственном числе*. А вот советские переводчики конъюнктурно передали его множественным числом! В результате отвлечённо получились некие «общественные запасы» вместо правильного: общественный запас {склад} предметов потребления.

Для должного понимания этого места в тексте можно отметить ещё и следующее. Однокоренное существительному **der Vorrat** прилагательное *vorrätig* означает «имеющийся на складе», а двухкорневое слово **der Lieferschein** – см. значения этих корней выше – означает накладную.

И ещё, кое-что весьма важное. Как известно, однажды записанный текст таковым и остаётся, тем не менее, *мысль*, которую он содержит, может со временем передаваться другими языковыми средствами, в частности, часть слов неизбежно устаревает и заменяется более современными синонимами – язык ведь непрерывно развивается и меняется вместе с изменением общества. Причём касается это не только исходного языка, но и языка перевода. Существуют также тенденции заимствования языками слов друг друга, как и взаимоуподобления некоторых грамматических конструкций. Всё это тоже нельзя не учитывать при переводе.

Слова подлинника выделены **жирным шрифтом**, сомнительные места из перевода, фигурирующего в советских изданиях – **красным** цветом, а исправленные варианты – **синим**. (См. таблицу 1)

Итак, вполне очевидно следующее.

(1) Сделанный в СССР перевод «Критики Готской программы» в ряде существенных мест **смазан**, затуманен!

(2) Где только возможно, **камуфлируются кооперативные товарищества рабочих** как ключевой хозяйствующий элемент низшей фазы коммунизма.

(3) Там, где без упоминания **кооперативных товариществ рабочих** невозможно обойтись, они советскими переводчиками произвольно выносятся на будущее, хотя сам Маркс говорит в тексте о производственных кооперативах **в настоящем времени** – следовательно, имеет в виду **революционное саморазвитие уже возникших при его жизни и показавших свою силу рабочих кооперативных товариществах**.

(4) Наконец, имеет место попытка «ненавязчиво» создать у читателя **ложное** впечатление, что Маркс якобы предусматривал стоимостной обмен в первой фазе коммунизма – то есть при социализме, как назвал эту фазу В.И. Ленин в «Государстве и революции».

Таблица 1.

К. Маркс, «Замечания к Программе германской рабочей партии (Критика Готской программы)», 1875 г.		
Deutch (немецкий оригинал)	Русский перевод, СССР	Русский уточнённый перевод
3. «Die Befreiung der Arbeit erfordert die Erhebung der Arbeitsmittel zu Gemeingut der Gesellschaft und die genossenschaftliche Regelung der Gesamtarbeit mit gerechter Verteilung des Arbeitsertrags.»	3. «Освобождение труда требует возведения средств труда в достояние всего общества и коллективного регулирования совокупного труда при справедливом распределении трудового дохода».	3. «Освобождение труда требует возведения средств труда в общее достояние общества и кооперативного регулирования совокупного труда при справедливом распределении трудового дохода».
«Erhebung der Arbeitsmittel zu Gemeingut !» Soll wohl heißen ihre «Verwandlung in Gemeingut ». Doch dies nur nebenbei.	«Возведение средств труда в достояние всего общества » (!) обозначает, по-видимому, их «превращение в достояние всего общества ». Но это лишь мимоходом.	«Возведение средств труда в общее достояние » (!) обозначает, по-видимому, их «превращение в общее достояние ». Но это лишь мимоходом.
Was ist «Arbeitsertrag»? Das Produkt der Arbeit oder sein Wert? Und im letzteren Fall, der Gesamtwert des Produkts oder nur	Что такое « <i>трудо</i> вой доход»? Продукт труда или же его стоимость? А в последнем случае, вся ли стоимость продукта или только та часть стоимо-	Что такое « <i>трудо</i> вой доход»? Продукт труда или же его стоимость? А в последнем случае, вся ли стоимость продукта или только та часть стоимо-

der Wertteil, den die Arbeit dem Wert der aufgezehrten Produktionsmittel neu zugesetzt hat?	сти, которую труд присоединил к стоимости потребленных средств производства?	сти, которую труд присоединил к стоимости потребленных средств производства?
«Arbeitsertrag» ist eine lose Vorstellung, die Lassalle an die Stelle bestimmter ökonomischer Begriffe gesetzt hat.	«Трудовой доход» — расплывчатое представление, выдвинутое Лассалем вместо определенных экономических понятий.	«Трудовой доход» — расплывчатое представление, выдвинутое Лассалем вместо определенных экономических понятий.
Was ist «gerechte» Verteilung? Behaupten die Bourgeois nicht, daß die heutige Verteilung «gerecht» ist? Und ist sie in der Tat nicht die einzige «gerechte» Verteilung auf Grundlage der heutigen Produktionsweise? Werden die ökonomischen Verhältnisse durch Rechtsbegriffe geregelt, oder entspringen nicht umgekehrt die Rechtsverhältnisse aus den ökonomischen? Haben nicht auch die sozialistischen Sektierer die verschiedensten Vorstellungen über «gerechte» Verteilung?	Что такое «справедливое» распределение? Разве буржуа не утверждают, что современное распределение «справедливо»? И разве оно не является в самом деле единственно «справедливым» распределением на базе современного способа производства? Разве экономические отношения регулируются правовыми понятиями, а не наоборот, не возникают ли правовые отношения из экономических? И разве разные социалистические сектанты не придерживаются самых различных представлений о «справедливом» распределении?	Что такое «справедливое» распределение? Разве буржуа не утверждают, что современное распределение «справедливо»? И разве оно не является в самом деле единственно «справедливым» распределением на базе современного способа производства? Разве экономические отношения регулируются правовыми понятиями, а не наоборот, не возникают ли правовые отношения из экономических? И разве разные социалистические сектанты не придерживаются самых различных представлений о «справедливом» распределении?
Um zu wissen, was man	Чтобы знать, что в данном слу-	Чтобы знать, что в данном слу-

<p>sich bei dieser Gelegenheit unter der Phrase «gerechte Verteilung» vorzustellen hat, müssen wir den ersten Paragraphen mit diesem zusammenhalten. Letzterer unterstellt eine Gesellschaft, worin «die Arbeitsmittel Gemeingut sind und die Gesamtarbeit genossenschaftlich geregelt ist», und aus dem ersten Paragraphen ersehen wir, daß «der Ertrag der Arbeit unverkürzt, nach gleichem Rechte, allen Gesellschaftsmitgliedern gehört».</p>	<p>чае подразумевают под словами «справедливое» распределение, мы должны сопоставить первый параграф с этим параграфом. Последний предполагает такое общество, в котором «средства труда составляют общественное достояние и совокупный труд регулируется коллективно», а в первом параграфе мы видим, что «доход от труда принадлежит в неизменном виде и на равных правах всем членам общества».</p>	<p>чае подразумевают под словами «справедливое» распределение, мы должны сопоставить первый параграф с этим параграфом. Последний предполагает такое общество, в котором «средства труда составляют общее достояние и совокупный труд регулируется кооперативно», а в первом параграфе мы видим, что «доход от труда принадлежит в неизменном виде и на равных правах всем членам общества».</p>
<p>«Allen Gesellschaftsgliedern»? Auch den nicht arbeitenden? Wo bleibt da «der unverkürzte Arbeitsertrag»? Nur den arbeitenden Gesellschaftsgliedern? Wo bleibt da «das gleiche Recht» aller Gesellschaftsglieder?</p>	<p>«Всем членам общества»? Даже и неработающим? Где же тогда «неизменный трудовой доход»? Только работающим членам общества? Где же тогда «равное право» всех членов общества?</p>	<p>«Всем членам общества»? Даже и неработающим? Где же тогда «неизменный трудовой доход»? Только работающим членам общества? Где же тогда «равное право» всех членов общества?</p>
<p>Doch «alle Gesellschaftsglieder» und «das gleiche Recht» sind offenbar nur Reden-</p>	<p>Но «все члены общества» и «равное право» — очевидно только фразы. Суть же дела в том, что в этом</p>	<p>Но «все члены общества» и «равное право» — очевидно только фразы. Суть же дела в том, что в этом</p>

sarten. Der Kern besteht darin, daß in dieser kommunistischen Gesellschaft jeder Arbeiter seinen «unverkürzten» Lassalleschen «Arbeitssertrag» erhalten muß.	коммунистическом обществе каждый работник должен получить лассалевский «неурезанный трудовой доход».	коммунистическом обществе каждый работник должен получить лассалевский «неурезанный трудовой доход».
Nehmen wir zunächst das Wort «Arbeitssertrag» im Sinne des Produkts der Arbeit, so ist der genossenschaftliche Arbeitsertrag <i>das gesellschaftliche Gesamtprodukt</i> .	Если выражение «трудовой доход» мы возьмем сначала в смысле продукта труда, то коллективный трудовой доход окажется <i>совокупным общественным продуктом</i> .	Если выражение «трудовой доход» мы возьмем сначала в смысле продукта труда, то коллективный трудовой доход окажется <i>совокупным общественным продуктом</i> .
Davon ist nun abzuziehen: <i>Erstens:</i> Deckung zum Ersatz der verbrauchten <i>Produktionsmittel</i> .	Из него надо теперь вычесть: <i>Во-первых</i> , то, что требуется для возмещения потребленных средств производства.	Из него надо теперь вычесть: <i>Во-первых</i> , то, что требуется для возмещения потребленных средств производства.
<i>Zweitens:</i> zusätzlicher Teil für Ausdehnung der Produktion.	<i>Во-вторых</i> , добавочную часть для расширения производства.	<i>Во-вторых</i> , добавочную часть для расширения производства.
<i>Drittens:</i> Reserve- oder Assekuranzfonds gegen Mißfälle, Störungen durch Naturereignisse etc.	<i>В-третьих</i> , резервный или страховой фонд для страхования от несчастных случаев, стихийных бедствий и так далее.	<i>В-третьих</i> , резервный или страховой фонд для страхования от несчастных случаев, стихийных бедствий и так далее.
Diese Abzüge vom «unverkürzten Arbeitsertrag» sind eine ökonomische Notwendigkeit,	Эти вычеты из «неурезанного трудового дохода» — экономическая необходимость, и их размеры должны	Эти вычеты из «неурезанного трудового дохода» — экономическая необходимость, и их размеры должны

und ihre Größe ist zu bestimmen nach vorhandenen Mitteln und Kräften, zum Teil durch Wahrscheinlichkeitsrechnung, aber sie sind in keiner Weise aus der Gerechtigkeit kalkulierbar.	быть определены на основе наличных средств и сил, отчасти на основе теории вероятности, но они никоим образом не поддаются вычислению на основе справедливости.	быть определены на основе наличных средств и сил, отчасти на основе теории вероятности, но они никоим образом не поддаются вычислению на основе справедливости.
Bleibt der andere Teil des Gesamtprodukts, bestimmt, als Konsumtionsmittel zu dienen.	Остается другая часть совокупного продукта, предназначенная служить в качестве предметов потребления.	Остается другая часть совокупного продукта, предназначенная служить в качестве предметов потребления.
Bevor es zur individuellen Teilung kommt, geht hiervon wieder ab:	Прежде чем дело дойдет до индивидуального дележа этой оставшейся части, из нее вновь вычитаются:	Прежде чем дело дойдет до индивидуального дележа этой оставшейся части, из нее вновь вычитаются:
<i>Erstens: die allgemeine, nicht direkt zur Produktion gehörigen Verwaltungskosten.</i>	<i>Во-первых, общие, не относящиеся непосредственно к производству издержки управления.</i>	<i>Во-первых, всеобщие, не относящиеся непосредственно к производству издержки управления.</i>
Dieser Teil wird von vornherein aufs bedeutendste beschränkt im Vergleich zur jetzigen Gesellschaft und vermindert sich im selben Maß, als die neue Gesellschaft sich entwickelt.	Эта доля сразу же весьма значительно сократится по сравнению с тем, какова она в современном обществе, и будет все более уменьшаться по мере развития нового общества.	Эта доля сразу же весьма значительно сократится по сравнению с нынешним обществом , и она уменьшается в размере при развитии нового общества.
<i>Zweitens: was zur gemeinschaftlichen Befriedigung von</i>	<i>Во-вторых, то, что предназначается для совместного удовле-</i>	<i>Во-вторых, то, что предназначается для совместного {коллек-</i>

<p><i>Bedürfnissen bestimmt ist, wie Schulen, Gesundheitsvorrichtungen etc.</i></p>	<p><i>творения потребностей, как-то: школы, учреждения здравоохранения и так далее.</i></p>	<p><i>тивного} удовлетворения потребностей, как-то: школы, учреждения здравоохранения и так далее.</i></p>
<p>Dieser Teil wächst von vornherein bedeutend im Vergleich zur jetzigen Gesellschaft und nimmt im selben Maß zu, wie die neue Gesellschaft sich entwickelt.</p>	<p>Эта доля сразу же значительно возрастет по сравнению с тем, какова она в современном обществе, и будет все более возрастать по мере развития нового общества.</p>	<p>Эта доля сразу же значительно возрастает по сравнению с нынешним обществом, и она растет в размере при развитии нового общества.</p>
<p><i>Drittens: Fonds für Arbeitsunfähige etc., kurz, für, was heute zur sog. offiziellen Armenpflege gehört.</i></p>	<p><i>В-третьих, фонды для нетрудоспособных и пр., короче — то, что теперь относится к так называемому официальному призрению бедных.</i></p>	<p><i>В-третьих, фонды для нетрудоспособных и пр., короче — то, что теперь относится к так называемому официальному призрению бедных.</i></p>
<p>Erst jetzt kommen wir zu der «Verteilung», die das Programm, unter Lassalleschem Einfluß, bornierterweise allein ins Auge faßt, nämlich an den Teil der Konsumtionsmittel, der unter die individuellen Produzenten der Genossenschaft verteilt wird.</p>	<p>Лишь теперь мы подходим к тому «распределению», которое программа, под лассалевским влиянием, так ограничено только и имеет в виду, а именно к той части предметов потребления, которая делится между индивидуальными производителями коллектива.</p>	<p>Лишь теперь мы подходим к тому «распределению», которое программа, под лассалевским влиянием, так ограничено только и имеет в виду, а именно к той части предметов потребления, которая делится между индивидуальными производителями товарищества {кооператива}.</p>
<p>Der «unverkürzte Arbeitsertrag» hat sich unterderhand bereits in den «verkürzten» verwandelt, obgleich, was dem Produzen-</p>	<p>«Неурезанный трудовой доход» незаметно превратился уже в «урезанный», хотя все удерживаемое с производителя как частного лица прямо или</p>	<p>«Неурезанный трудовой доход» незаметно превратился уже в «урезанный», хотя все удерживаемое с производителя в качестве частного лица</p>

<p>ten in seiner Eigenschaft als Privatindividuum entgeht, ihm direkt oder indirekt in seiner Eigenschaft als Gesellschaftsglied zugut kommt.</p>	<p>косвенно идет на пользу ему же как члену общества.</p>	<p>прямо или косвенно идет на пользу ему в качестве члена общества.</p>
<p>Wie die Phrase des «unverkürzten Arbeitsertrags» verschwunden ist, verschwindet jetzt die Phrase des «Arbeitsertrags» überhaupt.</p>	<p>Подобно тому как исчезла фраза о «неурезанном трудовом доходе», так исчезает теперь и фраза о «трудовом доходе» вообще.</p>	<p>Подобно тому как исчезла фраза о «неурезанном трудовом доходе», так исчезает теперь и фраза о «трудовом доходе» вообще.</p>
<p>Innerhalb der genossenschaftlichen, auf Gemeingut an den Produktionsmitteln gegründeten Gesellschaft tauschen die Produzenten ihre Produkte nicht aus; ebensowenig erscheint hier die auf Produkte verwandte Arbeit als <i>Wert</i> dieser Produkte, als eine von ihnen besessene sachliche Eigenschaft, da jetzt, im Gegensatz zur kapitalistischen Gesellschaft, die individuellen Arbeiten nicht mehr auf einem Umweg, sondern unmittelbar als Bestandteile der Ge-</p>	<p>В обществе, основанном на началах коллективизма, на общем владении средствами производства, производители не обменивают своих продуктов; столь же мало труд, затраченный на производство продуктов, проявляется здесь <i>как стоимость</i> этих продуктов, как некое присущее им вещественное свойство, потому что теперь, в противоположность капиталистическому обществу, индивидуальные работы уже не окольным путем, а непосредственно существуют как составные части совокупного труда. Вы-</p>	<p>В кооперативистском обществе, основанном на том, что средства производства являются общим достоянием, производители не обменивают своих продуктов; так же и труд, затраченный на производство продуктов, не проявляется здесь <i>как стоимость</i> этих продуктов, как некое присущее им вещественное свойство, потому что теперь, в противоположность капиталистическому обществу, индивидуальные работы уже не окольным путем, а непосредственно существуют как составные части совокупного труда. Вы-</p>

<p>samtarbeit existieren. Das Wort «Arbeitsertag», auch heutzutage wegen seiner Zweideutigkeit verwerflich, verliert so allen Sinn.</p>	<p>ражение «трудовой доход», неприемлемое и в настоящее время из-за своей двусмысленности, теряет таким образом всякий смысл.</p>	<p>ражение «трудовой доход», неприемлемое и в настоящее время из-за своей двусмысленности, теряет таким образом всякий смысл.</p>
<p>Womit wir es hier zu tun haben, ist eine kommunistische Gesellschaft, nicht wie sie sich auf ihrer eignen Grundlage <i>entwickelt</i> hat, sondern umgekehrt, wie sie eben aus der kapitalistischen Gesellschaft <i>hervorgeht</i>, also in jeder Beziehung, ökonomisch, sittlich, geistig, noch behaftet ist mit den Muttermalen der alten Gesellschaft, aus deren Schoß sie herkommt. Demgemäß erhält der einzelne Produzent - nach den Abzügen - exakt zurück, was er ihr gibt. Was er ihr gegeben hat, ist sein individuelles Arbeitsquantum. Z.B. der gesellschaftliche Arbeitstag besteht aus der Summe der individuellen Arbeitsstunden. Die individuelle Arbeitszeit des einzelnen</p>	<p>Мы имеем здесь дело не с таким коммунистическим обществом, которое <i>развилося</i> на своей собственной основе, а, напротив, с таким, которое едва только <i>выходит</i> из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из лона которого оно вышло. Соответственно этому каждый отдельный производитель получает - после всех вычетов - обратно от общества ровно столько, сколько сам дает ему. То, что он дал обществу, составляет его индивидуальное количество труда. Например, общественный рабочий день представляет собой сумму индивидуальных рабочих часов; индивидуальное рабочее время каждого</p>	<p>Мы имеем здесь дело не с таким коммунистическим обществом, которое <i>развилося</i> на своей собственной основе, а, напротив, с таким, которое едва только <i>выходит</i> из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из лона которого оно вышло. Соответственно этому каждый отдельный производитель получает - после всех вычетов - обратно ровно столько, сколько сам дает ему. То, что он ему дал, составляет его индивидуальное количество труда. Например, общественный рабочий день состоит из суммы индивидуальных рабочих часов. Индивидуальное рабочее время отдельного производителя — это вы-</p>

<p>Produzenten ist der von ihm gelieferte Teil des gesellschaftlichen Arbeitstags, sein Anteil daran. Er erhält von der Gesellschaft einen Schein, daß er so-und-so viel Arbeit geliefert (nach Abzug seiner Arbeit für die gemeinschaftlichen Fonds), und zieht mit diesem Schein aus dem gesellschaftlichen Vorrat von Konsumtionsmitteln soviel heraus, als gleich viel Arbeit kostet. Dasselbe Quantum Arbeit, das er der Gesellschaft in einer Form gegeben hat, erhält er in der andern zurück.</p>	<p>отдельного производителя — это доставленная им часть общественного рабочего дня, его доля в нем. Он получает от общества квитанцию о том, что им доставлено такое-то количество труда (за вычетом его труда в пользу общественных фондов), и по этой квитанции он получает из общественных запасов такое количество предметов потребления, на которое затрачено столько же труда. То же самое количество труда, которое он дал обществу в одной форме, он получает обратно в другой форме.</p>	<p>работанная {доставленная} им часть общественного рабочего дня, его доля в нем. Он получает от общества справку о том, что им выработано {доставлено} столько-то труда (за вычетом его труда в пользу общих {коллективных} фондов), и по этой справке он получает из общественного запаса {склада} предметов потребления столько, сколько стоит {во что обходится} ровно столько же труда. То же самое количество труда, которое он дал обществу в одной форме, он получает обратно в другой форме.</p>
<p>Es herrscht hier offenbar dasselbe Prinzip, das den Warenaustausch regelt, soweit er Austausch Gleichwertiger ist. Inhalt und Form sind verändert, weil unter den veränderten Umständen niemand etwas geben kann außer seiner Arbeit und weil andererseits nichts in das Eigentum der einzel-</p>	<p>Здесь, очевидно, господствует тот же принцип, который регулирует обмен товаров, поскольку последний есть обмен равных стоимостей. Содержание и форма здесь изменились, потому что при изменившихся обстоятельствах никто не может дать ничего, кроме своего труда, и потому что, с другой стороны, в собственность от-</p>	<p>Здесь, очевидно, господствует тот же принцип, который регулирует обмен товаров, {- настолько,} насколько последний есть обмен равных стоимостей. Содержание и форма изменились, ибо при изменившихся обстоятельствах никто не может дать ничего, кроме своего труда, и потому что, с другой стороны, в собственность от-</p>

<p>nen übergehen kann außer individuellen Konsumtionsmitteln. Was aber die Verteilung der letzteren unter die einzelnen Produzenten betrifft, herrscht dasselbe Prinzip wie beim Austausch von Warenäquivalenten, es wird gleich viel Arbeit in einer Form gegen gleich viel Arbeit in einer andern ausgetauscht.</p>	<p>дельных лиц не может перейти ничто, кроме индивидуальных предметов потребления. Но что касается распределения последних между отдельными производителями, то здесь господствует тот же принцип, что и при обмене товарными эквивалентами: известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой.</p>	<p>дельных лиц не может перейти ничто, кроме индивидуальных предметов потребления. Но что касается распределения последних между отдельными производителями, то здесь господствует тот же принцип, что и при обмене товарными эквивалентами: одинаковое количество труда в одной форме обменивается на ровно столько же труда в другой.</p>
<p>Das <i>gleiche Recht</i> ist hier daher immer noch - dem Prinzip nach - das <i>bürgerliche Recht</i>, obgleich Prinzip und Praxis sich nicht mehr in den Haaren liegen, während der Austausch von Äquivalenten beim Warenaustausch nur <i>im Durchschnitt</i>, nicht für den einzelnen Fall existiert.</p>	<p>Поэтому <i>равное право</i> здесь по принципу все еще является <i>правом буржуазным</i>, хотя принцип и практика здесь уже не враждебны друг другу, тогда как при товарообмене обмен эквивалентами существует лишь <i>в среднем</i>, а не в каждом отдельном случае.</p>	<p>Поэтому <i>равное право</i> здесь по принципу все еще является <i>правом буржуазным</i>, хотя принцип и практика здесь уже не враждуют друг с другом, тогда как при товарообмене обмен эквивалентами существует лишь <i>в среднем</i>, а не в каждом отдельном случае.</p>
<p>Trotz dieses Fortschritts ist dieses <i>gleiche Recht</i> stets noch mit einer bürgerlichen Schranke behaftet. Das Recht der Produzenten ist ihren Arbeitslieferungen pro-</p>	<p>Несмотря на этот прогресс, это <i>равное право</i> в одном отношении все еще ограничено буржуазными рамками. Право производителей <i>пропорционально доставляемому</i> ими труду;</p>	<p>Несмотря на этот прогресс, это <i>равное право</i> неизменно ещё обременено {запятнано, поражено} буржуазной ограниченностью. Право производителей <i>пропорционально доставляе-</i></p>

portionell; die Gleichheit besteht darin, daß an *gleichem Maßstab*, der Arbeit, gemessen wird. Der eine ist aber physisch oder geistig dem andern überlegen, **liefert** also in derselben Zeit **mehr** Arbeit oder kann während mehr Zeit arbeiten; und die Arbeit, um als Maß zu dienen, muß der **Ausdehnung** oder der Intensität nach bestimmt werden, sonst hörte sie auf, Maßstab zu sein. Dies *gleiche* Recht ist ungleiches Recht für ungleiche Arbeit. Es erkennt keine Klassenunterschiede an, weil jeder nur Arbeiter ist wie der andre; aber es erkennt stillschweigend die ungleiche individuelle Begabung und daher Leistungsfähigkeit der Arbeiter [(1891) fehlt: der Arbeiter] als natürliche Privilegien an. *Es ist daher ein Recht der Ungleichheit, seinem Inhalt nach, wie alles Recht.* Das Recht kann seiner Natur nach nur

равенство состоит в том, что измерение производится *равной мерой* — трудом. Но один человек физически или умственно превосходит другого и, стало быть, **доставляет** за то же время **большее количество** труда или же способен работать дольше; а труд, для того чтобы он мог служить мерой, должен быть определен по **длительности** или по интенсивности, иначе он перестал бы быть мерой. Это *равное* право есть неравное право для неравного труда. Оно не признает никаких классовых различий, потому что каждый является только рабочим, как и все другие; но оно молчаливо признает неравную индивидуальную одаренность, а следовательно, и неравную работоспособность [рабочих] естественными привилегиями. *Поэтому оно по своему содержанию есть право неравенства, как всякое право.* По своей природе право может состоять лишь в применении равной меры; но нерав-

мому {производимому} ими труду; равенство состоит в том, что измерение производится *равной мерой* — трудом. Но один человек физически или умственно превосходит другого и, стало быть, **доставляет {производит}** за то же время **больше труда** или же способен работать дольше; а труд, для того чтобы он мог служить мерой, должен быть определен по **длительности {продолжительности}** или по интенсивности, иначе он перестал бы быть мерой. Это *равное* право есть неравное право для неравного труда. Оно не признает никаких классовых различий, потому что каждый является только рабочим, как и все другие; но оно молчаливо признает неравную индивидуальную одаренность, а следовательно, и неравную работоспособность [рабочих] естественными привилегиями. *Поэтому оно по своему содержанию есть право неравенства, как всякое право.* По своей природе право

in Anwendung von gleichem Maßstab bestehn; aber die ungleichen Individuen (und sie wären nicht verschiedene Individuen, wenn sie nicht ungleiche wären) sind nur an gleichem Maßstab meßbar, soweit man sie unter einen gleichen Gesichtspunkt bringt, sie nur von einer *bestimmten* Seite faßt, z.B. im gegebenen Fall sie *nur als Arbeiter* betrachtet und weiter nichts in ihnen sieht, von allem andern absieht. Ferner: Ein Arbeiter ist verheiratet, der andre nicht; einer hat mehr Kinder als der andre etc. etc. Bei gleicher Arbeitsleistung und daher gleichem Anteil an dem **gesellschaftlichen** Konsumtionsfonds erhält also der eine faktisch mehr als der andre, ist der eine reicher als der andre etc. Um alle diese Mißstände zu vermeiden, müßte das Recht, statt gleich, vielmehr [(1891) fehlt: vielmehr] ungleich

ные индивиды (а они не были бы различными индивидами, если бы не были неравными) могут быть измеряемы одной и той же мерой лишь постольку, поскольку их рассматривают под одним углом зрения, берут только с одной *определенной* стороны, как в данном, например, случае, где их рассматривают *только как рабочих* и ничего более в них не видят, отвлекаются от всего остального. Далее: один рабочий женат, другой нет, у одного больше детей, у другого меньше, и так далее. При равной производительности труда и, следовательно, при равном участии в **общественном** потребительном фонде один получит на самом деле больше, чем другой, окажется богаче другого и тому подобное. Чтобы избежать всех этих недостатков, право, вместо того чтобы быть равным, должно бы быть [скорее] неравным.

может состоять лишь в применении равной меры; но неравные индивиды (а они не были бы различными индивидами, если бы не были неравными) могут быть измеряемы одной и той же мерой лишь постольку, поскольку их рассматривают под одним углом зрения, берут только с одной *определенной* стороны, как в данном, например, случае, где их рассматривают *только как рабочих* и ничего более в них не видят, отвлекаются от всего остального. Далее: один рабочий женат, другой нет, у одного больше детей, у другого меньше, и так далее. При равной производительности труда и, следовательно, при равном участии в **общественном** потребительном фонде один получит на самом деле больше, чем другой, окажется богаче другого и тому подобное. Чтобы избежать всех этих недостатков, право, вместо того чтобы быть равным, должно бы быть [скорее] неравным.

sein.		
<p>Aber diese Mißstände sind unvermeidbar in der ersten Phase der kommunistischen Gesellschaft, wie sie eben aus der kapitalistischen Gesellschaft nach langen Geburtswehen hervorgegangen ist. Das Recht kann nie höher sein als die ökonomische Gestaltung und dadurch bedingte Kulturentwicklung der Gesellschaft.</p>	<p>Но эти недостатки неизбежны в первой фазе коммунистического общества, когда оно только выходит после долгих мук родов из капиталистического общества. Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества.</p>	<p>Но эти недостатки неизбежны в первой фазе коммунистического общества, когда оно только выходит после долгих мук родов из капиталистического общества. Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества.</p>
<p>In einer höheren Phase der kommunistischen Gesellschaft, nachdem die knechtende Unterordnung der Individuen unter die Teilung der Arbeit, damit auch der Gegensatz geistiger und körperlicher Arbeit verschwunden ist; nachdem die Arbeit nicht nur Mittel zum Leben, sondern selbst das erste Lebensbedürfnis geworden; nachdem mit der allseitigen Entwicklung der Individuen auch ihre Produktivkräfte [(1891) die Pro-</p>	<p>На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда, и вместе с этим исчезнет противоположность умственного и физического труда; после того как труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой жизненной потребностью; после того как вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и [их] производительные силы и все источники общественного богатства польют-</p>	<p>В высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда, и вместе с этим исчезнет противоположность умственного и физического труда; после того как труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой жизненной потребностью; после того как вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и [их] производительные силы и все источники кооперативного богатства поль-</p>

<p>duktionskräfte] gewachsen und alle Springquellen des genossenschaftlichen Reichtums voller fließen - erst dann kann der enge bürgerliche Rechtshorizont ganz überschritten werden und die Gesellschaft auf ihre Fahne schreiben: Jeder nach seinen Fähigkeiten, jedem nach seinen Bedürfnissen!</p>	<p>ся полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно превзойти узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: Каждый по способностям, каждому по потребностям!</p>	<p>ются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно превзойти узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: Каждый по способностям, каждому по потребностям!</p>
<p>Ich bin weitläufiger auf den «unverkürzten Arbeitsertrag» einerseits, «das gleiche Recht», «die gerechte Verteilung» andererseits eingegangen, um zu zeigen, wie sehr man frevelt, wenn man einerseits Vorstellungen, die zu einer gewissen Zeit einen Sinn hatten, jetzt aber zu veraltetem Phrasenkram geworden, unsrer Partei wieder als Dogmen aufdrängen will, andererseits aber die realistische Auffassung, die der Partei so mühevoll beigebracht worden, aber Wurzeln in ihr geschlagen, wieder</p>	<p>Я остановился более обстоятельно на «неурезанном трудовом доходе», с одной стороны, и на «равном праве» и «справедливом распределении» — с другой, для того чтобы показать, какое большое преступление совершают, когда, с одной стороны, стремятся вновь навязать нашей партии в качестве догм те представления, которые в свое время имели некоторый смысл, но теперь превратились в устарелый словесный хлам, а с другой стороны, желают извратить реалистическое понимание, с таким трудом привитое партии, но теперь уже пус-</p>	<p>Я остановился более обстоятельно на «неурезанном трудовом доходе», с одной стороны, и на «равном праве» и «справедливом распределении» — с другой, для того чтобы показать, какое большое преступление совершают, когда, с одной стороны, стремятся вновь навязать нашей партии в качестве догм те представления, которые в свое время имели некоторый смысл, но теперь превратились в устарелый словесный хлам, а с другой стороны, желают извратить реалистическое понимание, с таким трудом привитое партии, но теперь уже пус-</p>

durch ideologische Rechts- und andre, den Demokraten und französischen Sozialisten so geläufige Flausen verdreht.	тившее в ней корни, идеологическим правовым и прочим вздором, столь привычным для демократов и французских социалистов.	тившее в ней корни, идеологическим правовым и прочим вздором, столь привычным для демократов и французских социалистов.
Abgesehen von dem bisher Entwickelten war es überhaupt fehlerhaft, von der sog. Verteilung Wesens zu machen und den Hauptakzent auf sie zu legen.	Помимо всего вышеизложенного, было вообще ошибкой видеть существо дела в так называемом распределении и делать на нем главное ударение.	Помимо всего вышеизложенного, было вообще ошибкой видеть существо дела в т. наз. распределении и делать на нем главное ударение.
Die jedesmalige Verteilung der Konsumtionsmittel ist nur Folge der Verteilung der Produktionsbedingungen selbst. Die kapitalistische Produktionsweise z.B. beruht darauf, daß die sachlichen Produktionsbedingungen Nichtarbeitern zugeteilt sind unter der Form von Kapitaleigentum und Grundeigentum, während die Masse nur Eigentümer der persönlichen Produktionsbedingung, der Arbeitskraft, ist. Sind die Elemente der Produktion derart verteilt, so ergibt sich von selbst die heutige	Всякое распределение предметов потребления есть всегда лишь следствие распределения самих условий производства. Распределение же последних выражает характер самого способа производства. Например, капиталистический способ производства покоится на том, что вещественные условия производства в форме собственности на капитал и собственности на землю находятся в руках нерабочих, в то время как масса обладает только личным условием производства — рабочей силой. Раз элементы производства распределены таким образом, то	Всякое распределение предметов потребления есть всегда лишь следствие распределения самих условий производства. Распределение же последних выражает характер самого способа производства. Например, капиталистический способ производства покоится на том, что вещественные условия производства в форме собственности на капитал и собственности на землю находятся в руках нерабочих, в то время как масса обладает только личным условием производства — рабочей силой. Раз элементы производства распределены таким образом, то

<p>Verteilung der Konsumtionsmittel. Sind die sachlichen Produktionsbedingungen genossenschaftliches Eigentum der Arbeiter selbst, so ergibt sich ebenso eine von der heutigen verschiedene Verteilung der Konsumtionsmittel. Der Vulgärsozialismus (und von ihm wieder ein Teil der Demokratie) hat es von den bürgerlichen Ökonomen übernommen, die Distribution als von der Produktionsweise unabhängig zu betrachten und zu behandeln, daher den Sozialismus hauptsächlich als um die Distribution sich drehend darzustellen. Nachdem das wirkliche Verhältnis längst klargelegt, warum wieder rückwärtsgehn?</p>	<p>отсюда само собой вытекает и современное распределение предметов потребления. Если же вещественные условия производства будут составлять коллективную собственность самих рабочих, то в результате получится также и распределение предметов потребления, отличное от современного. Вульгарный социализм (а от него и некоторая часть демократии) перенял от буржуазных экономистов манеру рассматривать и трактовать распределение как нечто независимое от способа производства, а отсюда изображать дело так, будто социализм вращается преимущественно вокруг вопросов распределения. Но когда истинное отношение давным-давно уже выяснено, к чему же снова возвращаться вспять?</p>	<p>отсюда само собой вытекает и современное распределение предметов потребления. Если же вещественные условия производства являются кооперативной собственностью самих рабочих, то получается также и распределение предметов потребления, отличное от современного. Вульгарный социализм (а от него и некоторая часть демократии) перенял от буржуазных экономистов манеру рассматривать и трактовать распределение как нечто независимое от способа производства, а отсюда изображать дело так, будто социализм вращается преимущественно вокруг вопросов распределения. Но когда истинное отношение давным-давно уже выяснено, к чему же снова возвращаться вспять?</p>
<p>III</p>	<p>III</p>	<p>III</p>
<p>«Die deutsche Arbeiterpartei verlangt, um <i>die Lösung der sozialen Frage anzubahnen</i>, die Errichtung von Produktivgenossen-</p>	<p>«Чтобы <i>проложить путь к разрешению социального вопроса</i>, германская рабочая партия требует учреждения производительных товари-</p>	<p>«Чтобы <i>проложить путь к разрешению социального вопроса</i>, германская рабочая партия требует учреждения производительных товари-</p>

<p>schaften mit <i>Staatshilfe unter der demokratischen Kontrolle des arbeitenden Volks</i>. Die Produktivge-nossenschaften sind für Industrie und Ackerbau in solchem Umfang <i>ins Leben zu rufen, daß aus ihnen die sozialistische Organisation der Gesamtarbeit entsteht.</i>»</p>	<p>ществ с государственной помощью под демократическим контролем трудящегося народа. Производительные товарищества как в промышленности, так и в земледелии <i>должны быть вызваны к жизни</i> в таком объеме, чтобы из них возникла социалистическая организация совокупного труда».</p>	<p>ществ {кооперативов} с государственной помощью под демократическим контролем трудящегося народа. Производительные товарищества {кооперативы} как в промышленности, так и в земледелии <i>должны быть вызваны к жизни</i> в таком объеме, чтобы из них возникла социалистическая организация совокупного труда».</p>
<p>Nach dem Lassalleschen «ehernen Lohngesetz» das Heilmittel des Propheten! Es wird in würdiger Weise «angebahrt»! An die Stelle des existierenden Klassenkampfes tritt eine Zeitungsschreiberphrase - «<i>die soziale Frage</i>», deren «<i>Lösung</i>» man «anbahnt». Statt aus dem revolutionären Umwandlungsprozesse der Gesellschaft «entsteht» die «sozialistische Organisation der Gesamtarbeit» aus der «Staatshilfe», die der Staat Produktivge-nossenschaften gibt, die <i>er</i>, nicht</p>	<p>Следом за лассалевским «железным законом заработной платы» — целительное средство того же пророка. «Путь пролагается» ему достойным образом. На место существующей классовой борьбы ставится фраза газетных писак о «социальном <i>вопросе</i>», к «<i>разрешению</i>» которого «пролагается путь». Вместо процесса революционного преобразования общества «социалистическая организация совокупного труда» «возникает» из «государственной помощи», оказываемой производительным товариществам, которые «<i>вызываются к жизни</i>» государ-</p>	<p>Следом за лассалевским «железным законом заработной платы» — целительное средство того же пророка. Путь «пролагается» достойным образом. На место существующей классовой борьбы ставится фраза газетных писак о «социальном <i>вопросе</i>», к «<i>разрешению</i>» которого «пролагается путь». Вместо процесса революционного преобразования общества «социалистическая организация совокупного труда» «возникает» из «государственной помощи», предоставляемой производительным товариществам {кооперативам} государством, которые</p>

<p>der Arbeiter, «<i>ins Leben ruft</i>». Es ist dies würdig der Einbildung Lassalles, daß man mit Staatsanlehen ebensogut eine neue Gesellschaft bauen kann wie eine neue Eisenbahn!</p>	<p><i>ством</i>, а не рабочими. Это вполне достойно фантазии Лассалю, будто с помощью государственных субсидий можно так же легко построить новое общество, как новую железную дорогу!</p>	<p><i>им</i>, а не рабочими «<i>вызываются к жизни</i>». Это вполне достойно фантазии Лассалю, будто с помощью государственных субсидий можно так же легко построить новое общество, как новую железную дорогу!</p>
<p>Aus <einem Rest von> Scham stellt man «die Staatshilfe» - «unter die demokratische Kontrolle des arbeitenden Volks».</p>	<p>Из-за остатка стыдливости «государственную помощь» ставят... под демократический контроль «трудящегося народа».</p>	<p>Из-за остатка стыдливости «государственную помощь») ставят... «под демократический контроль трудящегося народа».</p>
<p>Erstens besteht «das arbeitende Volk» in Deutschland zur Majorität aus Bauern und nicht aus Proletariern.</p>	<p>Во-первых, «трудящийся народ» в Германии состоит в большинстве из крестьян, а не из пролетариев.</p>	<p>Во-первых, «трудящийся народ» в Германии состоит в большинстве из крестьян, а не из пролетариев.</p>
<p>Zweitens heißt «demokratisch» zu deutsch «volksherrschaftlich». Was heißt aber «die volksherrschaftliche Kontrolle des arbeitenden Volkes»? Und nun gar bei einem Arbeitervolk, das durch diese Forderungen, die es an den Staat stellt, sein volles Bewußtsein ausspricht, daß es weder an der Herrschaft ist, noch zur Herrschaft</p>	<p>Во-вторых, слово «демократический» в переводе на немецкий язык означает «народовластный». Что же это за «народовластный контроль трудящегося народа»? К тому же у такого трудящегося народа, который, обращаясь с подобными требованиями к государству, вполне признает тем самым, что он и не стоит у власти и не созрел для нее!</p>	<p>Во-вторых, слово «демократический» в переводе на немецкий язык означает «народовластный». Что же это за «народовластный контроль трудящегося народа»? К тому же у такого трудящегося народа, который, обращаясь с подобными требованиями к государству, вполне признает тем самым, что он и не стоит у власти и не созрел для нее!</p>

reif ist!		
<p>Auf die Kritik des von Buchez unter Louis-Philippe im <i>Gegensatz</i> gegen die französischen Sozialisten verschriebnen und von den reaktionären Arbeitern des «Atelier» angenommenen Rezepts ist es überflüssig, hier einzugehn. Es liegt auch der Hauptanstoß nicht darin, daß man diese spezifische Wunderkur ins Programm geschrieben, sondern daß man überhaupt vom Standpunkt der Klassenbewegung zu dem der Sektenbewegung zurückgeht.</p>	<p>Излишне вдаваться здесь в критику рецепта, который при Луи-Филиппе прописал Бюше <i>в противовес</i> французским социалистам и который был принят реакционными рабочими из «Atelier». И главная беда состоит не в том, что это специфическое чудодейственное средство внесли в программу, а в том, что вообще идут вспять от точки зрения классового движения к точке зрения сектантского движения.</p>	<p>Излишне вдаваться здесь в критику рецепта, который при Луи-Филиппе прописал Бюше <i>в противовес</i> французским социалистам и который был принят реакционными рабочими из «Atelier». И главная беда состоит не в том, что это специфическое чудодейственное средство внесли в программу, а в том, что вообще идут вспять от точки зрения классового движения к точке зрения сектантского движения.</p>
<p>Daß die Arbeiter die Bedingungen der genossenschaftlichen Produktion auf sozialem und zunächst bei sich, also [auf] nationalem Maßstab herstellen wollen, heißt nur, daß sie an der Umwälzung der jetzigen Produktionsbedingungen arbeiten, und hat nichts gemein mit der Stiftung</p>	<p>Когда рабочие стремятся создать условия для коллективного производства в масштабе всего общества, и прежде всего у себя в национальном масштабе, это означает лишь то, что они борются за переворот в теперешних условиях производства, и это не имеет ничего общего с учреждением кооперативных обществ с государст-</p>	<p>То что рабочие стремятся создать условия для кооперативного производства в масштабе всего общества, и прежде всего у себя в национальном масштабе, это означает лишь, что они борются за переворот в теперешних условиях производства, и это не имеет ничего общего с учреждением кооперативных обществ с государственной</p>

<p>von Kooperativgesellschaften mit Staatshilfe! Was aber die jetzigen Kooperativgesellschaften betrifft, so haben sie <i>nur</i> Wert, soweit sie unabhängige, weder von den Regierungen noch von den Bourgeois protegierte Arbeiterschöpfungen sind.</p>	<p>венной помощью. Что же касается теперешних кооперативных обществ, то они ценны <i>лишь постольку, поскольку</i> они созданы самостоятельно самими рабочими и не пользуются покровительством ни правительств, ни буржуазии.</p>	<p>помощью. Что же касается теперешних кооперативных обществ, то они ценны <i>лишь настолько, насколько</i> являются независимыми творениями рабочих и не находятся под покровительством ни правительств, ни буржуазии.</p>
--	---	---

КАК НЕ СЛЕДУЕТ ПЕРЕВОДИТЬ МАРКСА

Ф. Энгельс

Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд., Т.21, С. 237-245.

Первый том «Капитала» — общественная собственность, поскольку дело касается его перевода на иностранные языки. Поэтому, хотя в английских социалистических кругах довольно хорошо известно, что перевод готовится и будет опубликован под ответственность литературных душеприказчиков Маркса, никто не имел бы права выражать недовольство, если бы до этого перевода вышел другой точный и хороший перевод.

Первые несколько страниц перевода, сделанного Джоном Бродхаусом, напечатаны в октябрьском номере «Today». Я определенно заявляю, что он очень далек от верной передачи текста, и это потому, что г-н Бродхаус лишен всех тех данных, которыми должен обладать переводчик Маркса.

Для перевода такой книги недостаточно хорошо знать литературный немецкий язык.

Маркс свободно пользуется выражениями из повседневной жизни и идиомами провинциальных диалектов; он создает новые слова, он заимствует свои примеры из всех областей науки, а свои ссылки — из литератур целой дюжины языков; чтобы понимать его, нужно в совершенстве владеть немецким языком, разговорным так же, как и литературным, и кроме того знать кое-что и о немецкой жизни.

Один пример. Когда несколько оксфордских студентов последнего курса переплывали на четырехвесельной лодке через Дуврский пролив, то в газетных отчетах сообщалось, что один из них «catch a crab»*. Лондонский корреспондент «Kölnische

* Буквально означает «поймать краба», а в переносном смысле — «слишком глубоко погрузить весло в воду». *Ред.*

238

Zeitung» понял эти слова буквально и добросовестно сообщил в свою газету, что «краб зацепился за весло одного из гребцов». Если человек, много лет живший в Лондоне, встретившись с техническими терминами из незнакомой ему области, способен совершить такую нелепую грубую ошибку, то чего же нам ждать от человека, который, посредственно зная только книжный немецкий язык, берется переводить одного из наиболее трудно поддающихся пере-

воду немецких авторов, пишущих прозой? И мы действительно увидим, что г-н Бродхаус большой мастер «ловить крабов».

Но в данном случае от переводчика требуется еще кое-что. Маркс принадлежит к числу тех современных авторов, которые обладают наиболее энергичным и сжатым стилем. Чтобы точно передать этот стиль, надо в совершенстве знать не только немецкий, но и английский язык. Однако г-н Бродхаус, будучи, по-видимому, довольно способным журналистом, владеет английским языком только в том ограниченном объеме, который необходим, чтобы удовлетворить обычным литературным нормам. Для этих целей он знает язык достаточно, но это не тот английский язык, на который можно было бы переводить «Капитал». Выразительный немецкий язык следует передавать выразительным английским языком; нужно использовать лучшие ресурсы языка; вновь созданные немецкие термины требуют создания соответствующих новых английских терминов. Но как только г-н Бродхаус оказывается перед такими проблемами, у него недостает не только ресурсов, но и храбрости. Малейшее расширение его ограниченного запаса избитых выражений, малейшее новшество, выходящее за пределы обычного английского языка повседневной литературы, его пугает, и вместо того, чтобы рискнуть на такую ересь, он передает трудное немецкое слово более или менее неопределенным термином, который не режет его слуха, но затемняет мысль автора; или, что еще хуже, он переводит его, если оно повторяется, целым рядом различных терминов, забывая, что технический термин должен всегда передаваться одним и тем же равнозначимым выражением. Так, в самом заголовке первого раздела он переводит *Wertgrösse** как «extent of value», игнорируя то, что *Grösse*** есть определенный математический термин, равнозначный термину «magnitude», или определенное количество, тогда как «extent» может, кроме того, означать многое другое. Так, даже такое несложное новшество, как «рабочее время»

* — величина стоимости. *Ред.*

** — величина. *Ред.*

[«labour-time»] для *Arbeitszeit* слишком трудно для него; он его передает как: 1) «time-labour», выражение, означающее, если оно вообще что-нибудь означает, труд, оплачиваемый повременно, или же труд, выполняемый человеком, «отбывающим» срок [time] принудительных работ [hard labour], 2) «time of labour» [«время труда»], 3) «labour-time» [«рабочее время»] и 4) «period of labour» [«рабочий период»] (*Arbeitsperiode*) — термин, под которым

Маркс во втором томе понимает нечто совсем другое. Между тем, как хорошо известно, «категория» рабочее время — одна из самых основных во всей книге, и переводить ее четырьмя различными терминами менее чем на десяти страницах — более чем непростительно.

Маркс начинает с анализа товара. Товар является, прежде всего, полезным предметом; как таковой его можно рассматривать или с качественной, или с количественной стороны. «Каждая такая вещь есть совокупность многих качеств и свойств и поэтому может быть полезна различными своими сторонами. Открыть эти различные стороны, а, следовательно, и многообразные способы употребления вещей, есть *дело исторического развития*. То же самое следует сказать об отыскании *общественных мер* для количественной стороны полезных вещей.

Различия товарных мер отчасти определяются различной природой самих измеряемых предметов, отчасти же являются условными»*.

Это передано г-ном Бродхаусом в следующем виде:

«Открывать эти различные стороны и, следовательно, многообразные формы, в каких вещь может быть полезна, есть *дело времени*. То же, *следовательно*, представляет и отыскание *общественной меры* для количественной стороны полезных вещей. Различие в *массе* товаров отчасти определяется из различной природы»** и т. д.

* *Текст немецкого оригинала I тома «Капитала», третье издание 1883 года:* «Jedes solches Ding ist ein Ganzes vieler Eigenschaften und kann daher nach verschiedenen Seiten nützlich sein. Diese verschiedenen Seiten und daher die mannigfachen Gebrauchsweisen der Dinge zu entdecken ist geschichtliche Tat. So ist die Findung gesellschaftlicher Masse für die Quantität der nützlichen Dinge. Die Verschiedenheit der Warenmasse entspringt teils aus der verschiedenen Natur der zu messenden Gegenstände, teils aus Konvention».

Английский перевод в статье Энгельса: «Any such thing is a whole in itself, the sum of many qualities or properties, and may therefore be useful in different ways. To discover these different ways and therefore the various uses to which a thing may be put, is the *act of history*. So, too, is the finding and fixing of *socially recognised standards of measure* for the quantity of useful things. The diversity of the modes of measuring commodities arises partly from the diversity of the nature of the objects to be measured, partly from convention». *Ред.*

*** Перевод Бродхауса: «To discover these various ways, and consequently the multifarious modes in which an object may be of use, is a work of time. So, consequently, is the finding of the social measure for the quantity of useful things. The diversity in the bulk of commodities arises partly from the different nature», etc. Ред.*

240

По Марксу отыскание различных полезных сторон вещей составляет существенную часть исторического прогресса, по г-ну Бродхаусу — только дело времени. По Марксу это же относится и к установлению общественных мер. По г-ну Бродхаусу еще одним «делом времени» является «отыскание общественной меры для количественной стороны полезных вещей»; о такого рода мере Маркс, конечно, никогда не беспокоился. И, наконец, Бродхаус ошибочно смешивает *Masse (меры)* с *Masse (масса)* и наделяет, таким образом, Маркса самым прекрасным из когда-либо пойманных «крабов».

Дальше Маркс говорит: «Потребительные стоимости образуют вещественное содержание богатства, *какова бы ни была его общественная форма*»* (специфическая форма присвоения, в которой осуществляется владение и распределение). У г-на Бродхауса:

«Потребительные стоимости составляют действительную основу богатства, *которая всегда служит их социальной формой*»**.

Это или претенциозная пошлость, или полнейшая бессмыслица.

Второй аспект, в котором представляется товар, есть его меновая стоимость. Тот факт, что все товары могут обмениваться друг на друга в известной изменяющейся пропорции, что они обладают меновыми стоимостями, означает, что в них содержится нечто общее им всем. Я не останавливаюсь на той неряшливости, с какой г-н Бродхаус передает здесь один из тончайших анализов в книге Маркса, и сразу перехожу к тому месту, где Маркс говорит: «Этим общим не могут быть геометрические, физические, химические или какие-либо иные природные свойства товаров. Их телесные свойства принимаются во внимание вообще лишь постольку, поскольку от них зависит полезность товаров, то есть поскольку они делают товары потребительными стоимостями». И он продолжает: «Очевидно, с другой стороны, что меновое отношение товаров характеризуется как раз *отвлечением от их потребительных стоимостей*. В пределах менового отношения товаров каждая данная потребительная стоимость значит ровно столько же, как и всякая другая, если только она имеется в *надлежащей пропорции*»***.

* *Текст немецкого оригинала:* «Gebrauchswerte bilden den stofflichen Inhalt des Reichtums, welches immer seine gesellschaftliche Form sei».

Английский перевод в статье Энгельса: «Use-values form the material out of which wealth is made up, whatever may be the social form of that wealth». Ред.

** *Перевод Бродхауса:* «Use values constitute the actual basis of wealth which is always their social form». Ред.

*** *Текст немецкого оригинала:* «Dies gemeinsame kann nicht eine geometrische, physikalische, chemische oder sonstige natürliche Eigenschaft der Waren sein. Ihre körperlichen Eigenschaften kommen überhaupt nur in Betracht, soweit selbe sie nutzbar machen, also zu Gebrauchswerten. Andererseits aber ist es gerade die Abstraktion von ihren Gebrauchswerten, was das Austauschverhältnis der Waren augenscheinlich charakterisiert. Innerhalb desselben gilt ein Gebrauchswert grade so viel wie jeder andre, wenn er nur in gehöriger Proportion vorhanden ist».

Английский перевод в статье Энгельса: «This something common to all commodities cannot be a geometrical, physical, chemical or other natural property. In fact their material properties come into consideration only in so far as they make them useful, that is, in so far as they turn them into use-values. But it is the very act of making abstraction from their use-values which evidently is the characteristic point of the exchange relation of commodities. Within, this relation, one use-value is equivalent to any other, so long as it is provided in sufficient proportion». Ред.

241

А г-н Бродхаус:

«Но, с другой стороны, именно эти потребительные стоимости, рассматриваемые абстрактно, по-видимому, характеризуют меновую пропорцию товаров. Сама по себе одна потребительная стоимость стоит ровно столько, сколько другая, если она имеется в той же самой пропорции»*.

Таким образом, — при этом мы оставляем в стороне менее значительные ошибки перевода, — г-н Бродхаус заставляет Маркса сказать как раз обратное тому, что он говорит на самом деле. У Маркса характерным для меново-

го отношения товаров является тот факт, что совершается полное абстрагирование от их потребительных стоимостей, что товары рассматриваются как совершенно не имеющие потребительных стоимостей. Переводчик же Маркса заставляет его сказать, что-де для меновой *пропорции* (о которой здесь нет и речи) характерна именно их потребительная стоимость, только взятая «абстрактно»! А затем, несколькими строками дальше, он приводит фразу Маркса: «Как потребительные стоимости, товары различаются прежде всего качественно, как меновые стоимости, они могут иметь лишь количественные различия, следовательно *не заключают в себе ни одного атома потребительной стоимости*», ни абстрактной, ни конкретной. Мы вправе спросить: «Понимаешь ли ты то, что ты читаешь?»

Ответить утвердительно на этот вопрос становится невозможным, когда мы видим, что г-н Бродхаус вновь и вновь повторяет это неправильное представление. После только что цитированной фразы Маркс продолжает: «Если *отвлечься от*» (то есть абстрагироваться от) «потребительной стоимости товарных тел, то у *них* остается лишь одно свойство, а именно то, что они — продукты труда. Но теперь и самый продукт труда приобретает совершенно новый вид. В самом деле, раз мы отвлеклись *от его потребительной стоимости*, мы вместе с тем отвлеклись также

* *Перевод Бродхауса: «But on the other hand, it is precisely these use-values in the abstract which apparently characterise the exchange-ratio of the commodities. In itself, one use-value is worth just as much as another if it exists in the same proportion».* Ред.

242

*от тех составных частей и форм его товарного тела, которые делают его потребительной стоимостью»**.

Это передано г-ном Бродхаусом по-английски так:

«Если мы *отделим* потребительные стоимости *от* действительного вещества товаров, то остается» (где? В потребительных стоимостях или в действительном веществе?) «только одно свойство — свойство продукта труда. Но продукт труда уже преобразился в наших руках. Если мы абстрагируем *от него его потребительную стоимость, то мы абстрагируем также основу и форму, которые составляют его потребительную стоимость»***.

Еще у Маркса: «В самом меновом *отношении* товаров их меновая стоимость явилась нам как нечто совершенно не зависимое от их потребительных стоимостей. Если мы действительно отвлечемся *от потребительной стоимости* продуктов труда, то получим их стоимость, как она была *только что* определена»***. Это у г-на Бродхауса звучит так:

«В меновой *пропорции* товаров их меновая стоимость представляется нам как нечто вполне независимое от их потребительной стоимости. Если мы теперь действительно абстрагируем *потребительную стоимость от продуктов труда*, то мы получаем их стоимость, как она *тогда* определяется»****.

Нет никаких сомнений. Г-н Бродхаус никогда не слышал ни о каких других путях и способах абстрагирования, кроме

* Текст *немецкого оригинала*: «Sieht man nun vom Gebrauchswert der Warenkörper ab, so bleibt ihnen nur noch eine Eigenschaft, die von Arbeitsprodukten. Jedoch ist uns auch das Arbeitsprodukt bereits in der Hand verwandelt.

Abstrahieren wir von seinem Gebrauchswert, so abstrahieren wir auch von den körperlichen Bestandteilen und Formen, die es zum Gebrauchswert machen».

Английский перевод в статье Энгельса: «Now, if we leave out of consideration» (that is, make abstraction from) «the use-values of the commodities, there remains *to them* but one property: that of being the products of labour. But even this product of labour has already undergone a change in our hands. If we make abstraction *from its use-value*, we also make abstraction *from the bodily components and forms which make it into a use-value*». Ред.

** *Перевод Бродхауса*: «If we separate use-values from the actual material of the commodities, there remains» (where? with the use-values or with the actual material?) «one property only, that of the product of labour. But the product of labour is already transmuted In our hands. If we abstract *from it its use-value*, we abstract also the stamina and form which constitute its use-value». Ред.

*** *Текст немецкого оригинала*: «Im Austauschverhältnis der Warenselbsterschien uns ihr Tauschwert als etwas von ihren Gebrauchswerten durchaus unabhängiges. Abstrahiert man nun wirklich vom Gebrauchswert der Arbeitsprodukte, so erhält man ihren Wert wie er eben bestimmt ward».

Английский перевод в статье Энгельса: «In the exchange-relation of commodities, their exchange-value presented itself to us as something perfectly independent of their use-values. Now, if we actually make abstraction from the use-value of the products of labour, we arrive at their value, as previously determined by us». Ред.

***** Перевод Бродхауса: «In the exchange-ratio of commodities their exchange-value appears to us as something altogether independent of their use-value. If we now in effect abstract the use-value from the labour-products, we have their value as it is then determined». Ред.*

243

физических, вроде абстрагирования денег из кассы или сейфа. Однако отождествлять абстрагирование и вычитание [abstraction and subtraction] совсем не подобает переводчику Маркса.

Другой образчик превращения немецкой мысли в английскую бессмыслицу. Один из тончайших анализов у Маркса — это анализ, вскрывающий двойственный характер труда. Труд, рассматриваемый как производитель потребительной стоимости, есть труд особого характера, отличающийся от того же труда, когда он рассматривается как создатель стоимости.

Один есть труд определенного рода, прядение, ткачество, пахота и т. д.; другой есть всеобщее свойство производительной деятельности человека, общее прядению, ткачеству, пахоте и т. д., охватывающее их все одним общим термином «труд». Один есть конкретный труд, другой — абстрактный труд. Один — труд в техническом смысле, другой — в экономическом. Короче: в английском языке *есть* термины для того и другого, — один есть *work* в отличие от *labour*; другой есть *labour* в отличие от *work*. После этого анализа Маркс продолжает: «Первоначально товар предстал перед нами как нечто двойственное: как потребительная стоимость и меновая стоимость. Впоследствии обнаружилось, что и труд, поскольку он выражен в стоимости, *уже не имеет тех признаков*, которые принадлежат ему как создателю потребительных стоимостей»*. Г-н Бродхаус упорно старается доказать, что он ни слова не понял в анализе Маркса, и переводит это место так:

«Сначала мы рассматривали товар как *соединение* потребительной стоимости и меновой стоимости. Затем мы увидели, что труд, поскольку он выражен в стоимости, *обладает этим свойством лишь постольку, поскольку он является производителем потребительной стоимости*»**.

Когда Маркс говорит: белое, г-н Бродхаус не видит основания, почему бы ему не сказать: черное.

Но довольно об этом. Возьмем более забавный пример. Маркс говорит: «В гражданском обществе господствует *fictio*

* *Текст немецкого оригинала*: «Ursprünglich erschien uns die Ware als ein Zwieschlachtiges, Gebrauchswert und Tauschwert. Später zeigte sich, dass auch die Arbeit, soweit sie in Wert ausgedrückt ist, nicht mehr dieselben Merkmale besitzt, die ihr als Erzeugerin von Gebrauchswerten zukommen».

Английский, перевод в статье Энгельса: «Originally a commodity presented itself to us as something duplex: Use-value and Exchange-value. Further on we saw that labour, too, as far as it is expressed in value, does no longer possess the same characteristics which belong to it in its capacity as a creator of use-value». *Ред.*

** *Перевод Бродхауса*: «We saw the commodity first as a compound of Use-value and Exchange-value. Then we saw that labour, so far as it is expressed in value, only possesses that character so far as it is a generator of use-value». *Ред.*

244

*juris**, будто каждый человек, как покупатель товаров, обладает энциклопедическими познаниями в области товароведения»²⁷³. Но хотя «гражданское общество» [Civil Society] есть чисто английское выражение и «История гражданского общества» Фергюсона существует более ста лет²⁷⁴, этот термин слишком труден для г-на Бродхауса. Он переводит его: «у обыкновенных людей» [«amongst ordinary people»] и таким образом превращает эту мысль в бессмыслицу. Ибо как раз «обыкновенные люди» постоянно жалуются на то, что их обманывают лавочники и Т. д. вследствие незнания ими природы и стоимости товаров, которые им нужно купить.

Производство (Herstellung) потребительной стоимости переведено: «установление [establishing] потребительной стоимости». Когда Маркс говорит: «Если бы удалось небольшой затратой труда превращать уголь в алмаз, стоимость алмаза могла бы упасть ниже стоимости кирпича», г-н Бродхаус, по видимому, не зная, что алмаз есть аллотропическая форма углерода, пишет вместо уголь — кокс. Подобным же образом он «весь продукт разработки бразильских алмазных копей»^{**} превращает во «всю прибыль со всей выработки»^{***}. «Первобытные общины в Индии» у него становятся «почтенными

[venerable] общинами». Маркс говорит: «В потребительной стоимости каждого товара содержится» (*steckt*, что лучше было бы перевести: «На производство потребительной стоимости товара была затрачена») «определенная целесообразная производительная деятельность или полезный труд»****.

Г-н Бродхаус же говорит:

«В потребительной стоимости товара содержится известное количество производительной силы или полезного труда»*****,

превращая таким образом не только качество в количество, но и затраченную производительную деятельность в производительную силу, которую следует затратить.

* — юридическая фикция. *Ред.*

** *Текст немецкого оригинала:* «Gesamtausbeute der brasilischen Diamantgruben».

Английский перевод в статье Энгельса: «Total yield of the Brazilian diamond mines». *Ред.*

*** *Перевод Бродхауса:* «The entire profits of the whole yield». *Ред.*

**** *Текст немецкого оригинала:* «In dem Gebrauchswert jeder Ware steckt eine bestimmte zweckmassig productive Tätigkeit oder nützliche Arbeit».

Английский перевод в статье Энгельса: «In the use-value of a commodity is contained» (*steckt*, which has better be translated: For the production of the use-value of a commodity there had been spent) «a certain *productive activity*, adapted to the peculiar purpose, or a certain useful labour». *Ред.*

***** *Перевод Бродхауса:* «In the use-value of a commodity is contained a certain *quantity of productive power* or useful labour». *Ред.*

Но довольно. Я мог бы привести в десять раз больше примеров, чтобы показать, что г-н Бродхаус ни в каком отношении *не* является таким человеком, который был бы способен переводить Маркса, особенно потому, что он, по-

видимому, совершенно не представляет себе, что такое подлинно добросовестная научная работа*.

* Из сказанного выше ясно, что «Капитал» не такая книга, перевод которой может быть сделан по договору.

Дело перевода этой книги в прекрасных руках, но переводчики не могут посвящать ему все свое время. Такова причина задержки. Но хотя еще нельзя точно установить срок выхода книги, мы можем с уверенностью заявить что читатели получат английское издание в течение следующего года.

Написано в октябре 1885 г.

Напечатано в журнале «The Commonwealth» № 10, ноябрь 1885 г.

Подпись: Фридрих Энгельс

Печатается по тексту журнала

Перевод с английского

ЧЕРНЫЙ МУРЗА ПРОТИВ КРАСНОГО МАРКСА¹

В. Волков

«Чистая правда со временем восторжествует,
Если проделает, то же, что явная ложь»

В. Высоцкий

В начале 2000-х годов на постсоветском идеологическом пространстве постепенно обозначилось доминирование ярких и плодовитых авторов, которые занялись научно-популярным толкованием истории нашей страны с четко заданных идеологических позиций. Бушков, Мухин, Буровский, Веллер и др. стали властителями дум российского образованного общества. Наибольший авторитет у патриотической публики приобрел такой талантливый писатель как С. Кара-Мурза, специализировавшийся на разоблачении современной неолиберальной исторической мифологии. Его книги, написанные доступным эмоциональным языком, стали одним из главных средств информационного противодействия наступлению молоха буржуазной пропаганды в современной России.

Однако, чем дальше, тем больше проявилась существенная особенность его творчества (как, впрочем, и у всех идеологических историков): нарочитый субъективизм оценок и интерпретаций. Такой подход всегда оставляет мало шансов исследователю для честного поиска истины, и тем более тогда, когда не хватает материала для обоснования какой-либо умозрительной конструкции. Это не значит, что идеологический историк не может прийти к истине, но это значит, что он легко может от нее отступить перед необходимостью защитить свою высшую ценность – идеологию. Подобное и произошло с творчеством С. Кара-Мурзы в его новой книге «Маркс против русской революции».

Оценить это произведение можно с двух позиций: формальной и содержательной. С первой точки зрения перед нами фальсификация, со второй – ложное понимание истории. Как мы увидим позже, в марксоведческом творчестве С. Кара-Мурзы, они переплетены очень тесно. Поэтому, посмотрим в начале на С. Кара-Мурзу не как на историка, а как на фальсификатора. Для этого обозначим те приемы, которые он использует для своих подтасовок.

Прием первый: **подмена контекста цитаты**. Вот самый яркий пример, показывающий нечестность нашего патриотического героя. Во введении С. Кара-Мурза пишет: «Обширное чтение трудов и писем Маркса и Энгельса позволяет утверждать, что их категории и понятия классовой борьбы являются лишь надстройкой над видением общественного исторического процесса как войны народов. Более того, понятия классовой борьбы в марксизме и не следует при-

¹ Альтернативы. – 2009. - №2.

нимать буквально, ибо они сильно связаны с фундаментом, построенным из этнических понятий. Битва народов – «архетипический» образ Энгельса, заложенный в фундамент его понятий» (С.7).

Для подтверждения правоты своего вывода С. Кара-Мурза тут же приводит цитату из раннего произведения Ф. Энгельса «Шеллинг и откровение»: «День великого решения, день битвы народов приближается, и победа будет за нами» (М., Э., Т.41, С. 226). После этих «жутких» слов мы не советуем читателю спешить строить образы мировых войн или страшных последствий геноцида, ведь в приведенной цитате говорится всего лишь о...битве за самосознание человечества. Вот достаточно полный отрывок из брошюры Ф. Энгельса, показывающий истинный, а не фальсифицированный ее смысл: «И самое любимое дитя природы, человек, возвратившись после долгой борьбы в юношеском возрасте и длительных скитаний на чужбине к своей матери как свободный муж и, защищая ее против призраков побежденных в борьбе врагов, превозмог также свое собственное раздвоение, раскол в своей собственной груди. После томительно долгой борьбы и стремлений над ним взошел светлый день самосознания. И вот стоит он, свободный и сильный, уверенный в себе и гордый, ибо он прошел через битву битв, он одержал победу над самим собой и надел себе на голову венец свободы. Все для него стало явным, и не было такой силы, которая могла бы куда-либо скрыться от него. Только теперь познал он истинную жизнь. Того, к чему он прежде только смутно стремился, теперь он достигает полностью, по своей свободной воле. То, что, казалось, лежало вне его, то, что представлялось находящимся в туманной дали, он открывает в себе как свою плоть и кровь. Он не считает слишком дорогой ценой то, что он заплатил за это лучшей кровью своего сердца, ибо венец стоил этой крови. Долгое время ухаживания для него не прошло даром, ибо гордая, прекрасная невеста, которую он сейчас ведет к себе в дом, для него только стала тем более дорогой. Сокровище, святыня, которую он нашел после долгих поисков, стоила многих блужданий. И этим венцом, этой невестой, этой святыней является *самосознание человечества* – тот новый Грааль, вокруг трона которого, ликуя, собираются народы и который всех преданных ему делает королями, бросает к их ногам и заставляет служить их славе все великолепие и всю силу, все величие и все могущество, всю красоту и полноту этого мира. Мы призваны стать рыцарями этого Грааля, опоясать для него наши чресла мечом и радостно отдать нашу жизнь в последней священной войне, за которой должно последовать тысячелетнее царство свободы. И такова сила идеи, что всякий, познавший ее, не может перестать прославлять ее и возвещать ее всемогущество, что он охотно и радостно отвергает все остальное, если она этого требует, что он готов пожертвовать своим телом и жизнью, своим добром и своей кровью, чтобы только ее, только ее воплотить в жизнь. Кто ее хоть раз созерцал, кому она раз явилась в

ночной тиши во всем своем блеске, тот не может с ней расстаться, он должен следовать за ней, куда бы она ни вела его, - хотя бы даже на смерть. Ибо он знает о ее силе, знает, что она сильнее всего на небе и на земле, что она победоносно пробивает себе дорогу сквозь ряды всех врагов, загораживающих ей путь. И эта вера во всемогущество идеи, в победу вечной истины, эта твердая уверенность, что она никогда не поколеблется, никогда не сойдет со своей дороги, хотя бы весь мир обратился против нее, - вот истинная религия каждого подлинного философа, вот основа подлинной позитивной философии, философии всемирной истории. Именно она есть высшее откровение, - откровение человека человеку, откровение, в котором всякое критическое отрицание содержит в себе положительное. Этот натиск и буря народов и героев, - натиск и буря, над которыми в вечном мире витает идея, чтобы, наконец, спуститься в самую гущу этой борьбы и стать ее самой глубокой, живой, пришедшей к самосознанию душой, - вот источник всякого спасения и искупления, вот царство, в котором каждый из нас должен бороться и действовать на своем посту. Идея, самосознание человечества и есть тот чудесный феникс, который устраивает себе костер из драгоценнейшего, что есть в этом мире, и, вновь помолодевший, опять восстает из пламени, уничтожившего старину.

Понесем же на костер этого феникса все, что нам было дорого, все, что было нами любимо, все, что было свято и возвышенно для нас, прежде чем мы стали свободными! Пусть не будет для нас любви, выгоды, богатства, которые мы с радостью не принесли бы в жертву идее, - она воздаст нам сторицей! Будем бороться и проливать свою кровь, будем бестрепетно смотреть врагу в его жестокие глаза и сражаться до последнего вздоха! Разве вы не видите, как знамена наши развеваются на вершинах гор? Как сверкают мечи наших товарищей, как колышутся перья на их шлемах? Со всех сторон надвигается их рать, они спешат к нам из долин, они спускаются с гор с песнями при звуках рогов. День великого решения, день битвы народов приближается, и победа будет за нами!» (М., Э., Т.41, С. 225-226).

Прием второй: **произвольное толкование цитаты**. Например, С. Кара-Мурза приводит отрывок из письма Энгельса Каутскому от 12 сентября 1882 г.: «По моему мнению, собственно колонии, то есть земли, занятые туземцами, Индия, Алжир, голландские, португальские, испанские владения, пролетариату придется на время перенять и как можно быстрее привести к самостоятельности. Как именно развернется этот процесс, сказать трудно. Индия, может быть, сделает революцию, даже весьма вероятно, и так как освобождающийся пролетариат не может вести колониальных войн, то с этим придется помириться, причем, разумеется, дело не обойдется без всяческого разрушения. Но подобные вещи неотделимы от всех революций. То же самое может разыгаться еще и в других местах, например, в Алжире и в Египте, и для нас это было бы, несо-

мненно, самое лучшее. У нас будет довольно работы у себя дома» (М., Э., Т.35, С. 297-298).

«Таким образом, - делает вывод С. Кара-Мурза, - видение реальной истории, в отличие от футурологических рассуждений о всемирной пролетарской революции, вовсе не опирается у Энгельса на представления классовой борьбы как отражения противоречий между производительными силами и производственными отношениями. Романтичный образ грядущей, как Второе пришествие, революции пролетариата – это всего лишь образ идеологии, что-то вроде «нового опиума для народа». В критические моменты этот образ отодвигается в сторону, и история предстает как борьба народов. В этой картине нет и следа объективности, гуманизма и даже универсализма. Главный критерий для Энгельса – «для нас будет лучше». Интересы Запада превыше всего (термин «прогрессивные нации» - лишь прикрытие этих интересов)». (С.33).

Уже из приведенного отрывка из письма Энгельса четко видно, что не об интересах мифического Запада здесь идет речь, а об интересах революционной партии революционного пролетариата. «Для нас» значит для коммунистов в их революционном деле. Но если добавить к заботливо «обстриженной» Кара-Мурзой цитате ее законные начало и конец, то тогда наш вывод становится еще более ясным.

Начало: «Вы спрашиваете меня, что думают английские рабочие о колониальной политике? То же самое, что они думают о политике вообще: то же самое, что думают о ней буржуа. Здесь нет рабочей партии, есть только консервативная и либерально-радикальная, а рабочие преспокойно пользуются вместе с ними колониальной монополией Англии и ее монополией на всемирном рынке».

Конец: «Раз только реорганизована Европа и Северная Америка, это даст такую колоссальную силу и такой пример, что полудцивилизационные страны сами собой потянутся за нами; об этом позаботятся одни уже экономические потребности. Какие социальные и политические фазы придется тогда проделать этим странам, пока они дойдут тоже до социалистической организации, об этом, я думаю, мы могли бы выставить лишь довольно праздные гипотезы. Одно лишь несомненно: победоносный пролетариат не может никакому чужому народу навязывать никакого осчастливления, не подрывая этим своей собственной победы. Разумеется, этим не исключаются никоим образом оборонительные войны различного рода».

Прием третий: **прямое искажение текста цитаты**. Пытаясь доказать чуть ли не генетическое родство Маркса и Энгельса с крайне правыми элементами, С. Кара-Мурза совершает самый настоящий литературный подлог. На странице 48 С. Кара-Мурза приводит искаженный им или кем-то другим отрывок из письма Маркса Энгельсу от 12 сентября 1863 г.: «Мое самое интересное зна-

комство здесь с полковником Лапинским. Без сомнения, он умнейший из всех поляков, встреченных мной, и кроме того – человек действия. Национальная борьба его не интересует, он знает только расовую борьбу. Он равно ненавидит всех азиатов, к которым причисляет русских турок, греков, армян и т.д.» В собрании сочинений, на которое, кстати, Кара-Мурза делает ссылку, такой цитаты нет. Есть другая, хотя и похожая на подложную. Вот она: «Самый интересный человек, с которым я здесь познакомился, - полковник Лапинский. Это безусловно самый остроумный поляк, - и притом home d' action, - из всех, кого мне до сих пор довелось узнать. Симпатии его целиком на стороне немцев, хотя по своим манерам и языку он француз. Вместо национальной борьбы он признает лишь борьбу расовую. Он ненавидит всех сынов востока, причисляя к ним с одинаковой готовностью русских, турок, греков, армян и т.д. Некоторое время он возился здесь с Уркартом, а теперь не только именуется его «шарлатаном», но даже – что совершенно несправедливо – сомневается в его честности». (М., Э., Т.30,С. 305).

Даже не очень проницательный читатель сразу обратит внимание на то, что «самый остроумный поляк» Маркса вдруг становится «умнейшим из всех поляков» Кара-Мурзы. Согласитесь, «остроумный» - это не одно и то же, что «умнейший». Сарказм и уважение – разные вещи.

Прием четвертый: **пропуски в цитате тех мест, которые имеют существенное значение для понимания текста.**

Пытаясь доказать, что призыв «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» обращен только к пролетариям прогрессивных европейских наций, и что это означает лишь равенство для сильных, а для остальных – угнетение, С. Кара-Мурза приводит обрывки из письма Энгельса Каутскому от 7 февраля 1882 г.: «Интернациональное движение пролетариата вообще возможно лишь в среде самостоятельных наций...Интернациональное сотрудничество возможно только между равными». (М., Э., Т.35,С. 220,221). В противоположность С. Кара-Мурзе прочтем данную цитату полностью без перескоков: «Интернациональное движение пролетариата вообще возможно лишь в среде самостоятельных наций. Скучный республиканский интернационализм 1830 – 1848 гг. тяготел к Франции, призыванием которой считалось освобождение Европы, а следствием этого было усиление французского шовинизма до такой степени, что всемирно-освободительная миссия Франции и вместе с тем ее первородное право возглавлять движение мешают нам еще до сих пор на каждом шагу (в карикатурном виде у бланкистов, но, например, у Малона и К^о тоже в очень сильной степени). И в Интернационале французы придерживались этого взгляда, считая его как бы само собой разумеющимся. Лишь события должны были их - а также и многих других – убедить (и по сей день еще продолжают убеждать), что интернациональное сотрудничество возможно только между равными и что даже

primus inter pares нужен разве только при непосредственном действии. До тех пор пока Польша разделена и угнетена, не может, следовательно, развиваться ни сильная социалистическая партия в самой стране, ни действительно интернациональное общение пролетарских партий Германии и прочих стран с кем бы то ни было из поляков, кроме находящихся в эмиграции. Каждый польский крестьянин и рабочий, пробуждающийся от своей закоснелости к участию в борьбе во имя общих интересов, прежде всего сталкивается с фактом существования национального гнета, который повсюду встает перед ним, как первое препятствие на его пути. Устранение национального гнета является основным условием всякого здорового и свободного развития. Польских социалистов, не ставящих освобождение страны во главе своей программы, я сравнил бы с германскими социалистами, которые не пожелали бы требовать в первую очередь отмены закона против социалистов, введения свободы печати, союзов и собраний. Для того чтобы иметь возможность бороться, нужна сперва почва под ногами, воздух, свет и простор. Иначе все - болтовня». (М., Э., Т.35, С. 220-221).

Добавим к этой цитате завершение статьи: «Как мало, однако, рабочие даже в так называемых «угнетенных» странах заражены панславистскими возжелениями профессоров и буржуа, доказывает замечательная солидарность немецких и чешских рабочих в Богемии». (М., Э., Т.35, С. 224).

В результате получается следующий вывод: призыв Маркса и Энгельса «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» относится именно ко всем пролетариям без исключения и полноценное интернациональное сотрудничество есть идеал, к которому должны стремиться и погрязшие на тот момент в шовинизме французские социалисты, и не решившие свой национальный вопрос польские социалисты. Логика марксизма проста, – вначале надо устранить объективную основу любого национализма, а затем решать социальные задачи. Причем в каждой стране складываются свои особенности следования этим путем: одни должны бороться с шовинизмом своего правительства и народа, другие – за свою национальную независимость. С высоты нашего времени, конечно, можно подвергнуть сомнению такую политическую тактику, но нельзя, как это делает С. Кара-Мурза, ее извращать и тем самым закрывать для изучения.

Прием пятый: **прямая ложь**. С. Кара-Мурза на странице 29 своего труда пишет: «Очевидные массовые страдания, вызываемые вторжением Запада в незападные общества, марксизм принимал за неизбежную и сравнительно невысокую цену того прогресса, который несло это вторжение». Ложь этого утверждения состоит в том, что сам К. Маркс, в отличие от Кара-Мурзы, считал цену этого прогресса весьма высокой. «В своей статье «Британское владычество в Индии» он прямо указывает: «Но не подлежит никакому сомнению, что бедствия, причиненные Индостану британцами, по существу иного рода и не-

измеримо более глубоки, чем все бедствия, испытанные Индостаном раньше». (М., Э., Т.9, С. 131).

«Гражданские войны, вторжения, перевороты, завоевания, голодные годы – все эти сменяющие друг друга бедствия, каким бы бесконечно сложным, бурным и разрушительным ни представлялось их действие на Индостан, затрагивали его лишь поверхностно, Англия же подорвала самую основу индийского общества, не обнаружив до сих пор никаких попыток его преобразовать. Потеря старого мира без приобретения нового придает современным бедствиям жителя Индии особенно удручающий характер и прерывает связь Индостана, управляемого Британией, со всеми его древними традициями, со всей его прошлой историей». (М., Э., Т.9, С. 131-132).

Итак, анализ одного из методов (метода фальсификации), которые использует С. Кара-Мурза в своей работе, позволяет сделать следующий вывод: *либо С. Кара-Мурза по каким-то причинам сознательно пошел на искажение взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса, либо он вообще не читал трудов классиков марксизма, а пользовался чьим-то дурно составленным конспектом.*

Вторая часть разбора марксоведческого творчества С. Кара-Мурзы станет спором с его интерпретацией марксизма. Для этого мы обозначим основные антимарксистские тезисы С. Кара-Мурзы и осуществим их критику.

Главный упрек, который бросает С. Кара-Мурза К. Марксу состоит в том, что тот как бы заранее выступил против русской большевистской революции, обвинив ее в реакционности и представив угрозой Западной цивилизации.

С этой целью С. Кара-Мурза формирует несколько конкретных обвинений, предъявляемых марксистам.

Обвинение первое: К. Маркс и Ф. Энгельс – западники в том смысле, что они в историческом процессе превыше всего ставили интересы западных народов перед интересами других этносов, а тем более перед интересами пролетариата, что категории и понятия классовой борьбы у К. Маркса и Ф. Энгельса «являются лишь надстройкой над видением общественного исторического процесса как войны народов» (С.7), в которой классики марксизма, по мнению С. Кара-Мурзы, оказываются на стороне цивилизованного Запада против нецивилизованного Востока. «Маркс и Энгельс мечтали о пролетарской революции на Западе, – пишет С. Кара-Мурза, – которая покончит с отчуждением людей и устроит братство свободных индивидов. Они видели эту революцию как войну против реакционных народов, в ходе которой эти народы будут сметены с лица земли». (С.203); «Идея, что в ходе мировой пролетарской революции для дальнейшего национального существования будут «отобраны» лишь большие «исторические» нации, а народы сгорят в огне прогресса, поглощенные этими на-

циями, является принципиальной установкой классического марксизма». (С.55).

Как видим, С. Кара-Мурза сплел довольно сложный и противоречивый клубок утверждений. Попробуем его распутать. Для этого нам придется объяснить читателям (а заодно и С. Кара-Мурзе) революционную теорию К. Маркса.

В качестве доказательства своей правоты С. Кара-Мурза приводит, на первый взгляд, «убийственную» цитату Ф. Энгельса из его статьи 1849 г. «Борьба в Венгрии»: «Все остальные большие и малые народности и народы предстоит в ближайшем будущем погибнуть в буре мировой революции. Поэтому они теперь контрреволюционны». (М., Э., Т.6, С. 179).

Закономерен простой вопрос: «О какой революции идет речь: буржуазной или социалистической?» Сам С. Кара-Мурза считает ее социалистической и так развивает свою мысль: «Из рассуждений Энгельса следует совершенно иное – мировая революция призвана не только открыть путь к более прогрессивной общественно-экономической формации...» (С.25).

Мы согласны с тем, что эта мировая революция открывает путь к более прогрессивной формации, но...только не к коммунистической, а к буржуазной. Вчитаемся внимательно в текст отрывка из работы К. Маркса и Ф. Энгельса «Немецкая идеология»: «Это развитие производительных сил является, далее, необходимой предпосылкой потому, что только вместе с универсальным развитием производительных сил устанавливается универсальное общение людей, благодаря чему, с одной стороны, факт существования «лишенной собственности» массы обнаруживается одновременно у всех народов (всеобщая конкуренция), – каждый из этих народов становится зависимым от переворотов у других народов, – и, наконец, местно-ограниченные индивиды сменяются индивидами всемирно-историческими, эмпирически универсальными. Без этого 1) коммунизм мог бы существовать только как нечто местное, 2) сами силы общения не могли бы развиваться в качестве универсальных, а поэтому невыносимых сил: они остались бы на стадии домашних и окруженных суеверием «обстоятельств», и 3) всякое расширение общения упразднило бы местный коммунизм. Коммунизм эмпирически возможен только как действие господствующих народов, произведенное «сразу», одновременно, что предполагает универсальное развитие производительных сил и связанного с ними мирового общения». (Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. – м., 1988. - С. 32-33).

Из слов авторов книги следует четкий вывод, что в мировой коммунистической революции не может в принципе решаться задача борьбы с контрреволюционными народами, ибо таковых уже не будет. По К. Марксу все народы уже втянутся во всеобщую конкуренцию, универсальное общение и использование универсальных производительных сил, а, следовательно, будут обладать статусом «совершенно «лишенных собственности» людей». Кроме того, пусть

С. Кара-Мурза вспомнит, что все эти баски, чехи, далматинцы и т.д. были обозначены марксизмом как контрреволюционные именно по отношению проходившим в то время буржуазным европейским революциям, ибо они еще не имели тех признаков, о которых говорят основоположники. (см. М., Э., Т.22, С. 382).

Можно предположить, что С. Кара-Мурза сделал свой ложный вывод не только под воздействием той эмоциональности и пафоса, с которыми Ф. Энгельс становится на сторону европейских революций 1848 года, но и по причине использования им темы участия пролетариата в этих революциях. Если это так, то следует заявить, что отождествление социалистичности в экономическом плане с государственной монополией, а в социальном – с пролетарской не имеет ничего общего с марксизмом. Согласно его основам установление диктатуры пролетариата и утверждение централизованного планового хозяйства под эгидой государства отнюдь не означает непосредственного социалистического переустройства, предваряющего коммунизм. К. Маркс и Ф. Энгельс по этому поводу писали: ««Несправедливость в отношениях собственности», обусловленная современным разделением труда, современной формой обмена, конкуренцией, концентрацией и т.д., никоим образом не обязана своим происхождением политическому господству класса буржуазии, а, наоборот, политическое господство класса буржуазии вытекает из этих современных производственных отношений, провозглашаемых буржуазными экономистами в качестве необходимых и вечных законов. Поэтому, если пролетариат и свергнет политическое господство буржуазии, его победа будет лишь кратковременной, будет лишь вспомогательным моментом самой буржуазной революции, – как это было в 1794 г., до тех пор, пока в ходе истории, в ее «движении» не создались еще материальные условия, которые делают необходимым уничтожение буржуазного способа производства, а, следовательно, также и окончательное свержение политического господства буржуазии». (М., Э., Т.4, С. 299); «Социал-демократическая партия не имеет ничего общего с так называемым государственным социализмом, системой огосударствления в фискальных целях, которая ставит государство на место частного предпринимателя и тем самым объединяет в одних руках силу экономической эксплуатации и политического угнетения рабочего». (М., Э., Т.22, С. 623)

Очевидная марксистская аксиома, – а, именно то, что до созревания предпосылок всемирной коммунистической революции всякая пролетарская революция и пролетарская власть есть явления местные, ограниченные, не ведущие непосредственно к коммунизму и подходить к ним нужно с величайшей осторожностью, – долгое время признавалась и В.И. Лениным. Размышляя над термином «завершение буржуазно-демократической революции», в работе «Заметки публициста» он писал: «Если его употребляют в широком смысле, то

под ним разумеют решение объективных исторических задач буржуазной революции, «завершение» ее, то есть устранение самой почвы, способной родить буржуазную революцию, завершение всего цикла буржуазных революций. В этом смысле, например, во Франции буржуазно-демократическая революция завершена была лишь 1871 годом (а начата в 1789 г.). Если же употребляют слово в узком смысле, то имеют в виду революцию отдельную, одну из буржуазных революций, одну из «волн», если хотите, которая бьет старый режим, но не добивает его, не устраняет почвы для следующих буржуазных революций» (Ленин, ПСС, Т.19,С. 246-247), еще ранее, в 1908 г., реферируя свою книгу «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905-1907 гг.» для журнала польских марксистов «Социал-демократическое обозрение», В.И. Ленин так изложил свою точку зрения: «Наша революция есть буржуазная революция именно потому, что в ней борьба идет не между социализмом и капитализмом, а между двумя формами капитализма, двумя путями его развития, двумя формами буржуазно-демократических учреждений. И Монархия октябристов или кадетов есть «относительная» буржуазная «демократия» с точки зрения меньшевика Новоседского. И пролетарски-крестьянская республика есть буржуазная демократия» (Ленин, ПСС, Т.17,С. 167).

Таким образом, тезис марксизма о контрреволюционных народах – это констатация факта, характеризующего процессы буржуазной модернизации и никакого отношения к теории мировой коммунистической революции не имеет. И поэтому К. Маркс и Ф. Энгельс никакие не западники, а самые настоящие универсалисты-космополиты. Для них одинаково чужд как панславизм, так и пангерманизм. В статье «Демократический панславизм» Ф. Энгельс писал: «Что сказали бы мы, если бы демократическая партия в Германии поставила во главу своей программы требование возвратить обратно Эльзас, Лотарингию и Бельгию, тяготеющую во всех отношениях к Франции, под тем предлогом, что большинство населения там немецкое? Как смешны были бы немецкие демократы, если бы они захотели устроить пангерманский немецко-датско-шведско-англо-голландский союз для «освобождения» всех стран с населением, говорящим на немецком языке! К счастью, немецкая демократия переросла эти фантазии. Немецкие студенты в 1817 и 1830 гг. носились с подобными реакционными мечтами, и в настоящее время во всей Германии их оценивают по заслугам. Немецкая революция стала возможной и немецкий народ начал играть хоть какую-то роль только тогда, когда он окончательно освободился от подобных пустых фантазий.

Но панславизм отличается не менее ребяческим и реакционным характером, чем пангерманизм. Когда вы читаете историю панславистского движения прошлой весны в Праге, вам кажется, что вы отброшены на тридцать лет назад: трехцветные ленты, допотопные костюмы, старославянское богослуже-

ние, полная реставрация эпохи и нравов первобытных лесов; Сворность – это настоящий буршеншафт, Славянский съезд – новое издание вартбургского празднества; те же фразы, те же фантазии, а потом та же печальная песенка: «Прекрасное здание строили мы» и т.д. Кто хочет прочесть эту знаменитую песенку в переводе на славянскую прозу, пусть прочитает брошюру Бакунина.

Подобно тому как участники немецких буршеншафтов надолго оказались во власти решительных контрреволюционных настроений, свирепого франкофобства и самого ограниченного национального чувства, а впоследствии стали все предателями того дела, которым они якобы увлекались, таким же образом, только быстрее – ибо 1848 год был годом революционным – у демократических панславистов демократическая внешность очень скоро превратилась в фанатическое германо- и мадьярофобство, в косвенную оппозицию восстановлению Польши (Любомирский) и в прямое присоединение к контрреволюции.

И если отдельные честные славянские демократы призывают теперь австрийских славян присоединиться к революции, считать австрийскую монархию своим главным врагом и даже идти в интересах революции вместе с мадьярами, то они напоминают курицу, которая в отчаянии бежит по берегу пруда при виде того, как высиженные ею молодые утята неожиданно ускользают от нее в чуждую стихию, куда она не может последовать за ними.

Впрочем, не будем предаваться иллюзиям. У всех панславистов национальность, то есть фантастическая общеславянская национальность, стоит выше революции. Панслависты согласны примкнуть к революции при условии, чтобы им разрешено было объединить в самостоятельные славянские государства всех славян без исключения, не считаясь с насущнейшими материальными потребностями. Если бы мы, немцы, выставили такие же фантастические условия, далеко бы мы зашли в марте! Но революция не позволяет ставить себе никаких условий. Приходится либо быть революционером и принимать последствия революции, каковы бы они не были, либо броситься в объятия контрреволюции и в одно прекрасное утро очутиться, быть может, против собственного желания, в одном лагере с Николаем и Виндишгрецем.» (М., Э., Т.6, С. 304-305).

Чтобы затушевать универсальный характер марксистского подхода С. Кара-Мурза идет на различные цитатные уловки. Например, пытаюсь доказать, что Энгельс стоит «на стороне угнетателей, на стороне «высшей расы»» (С.54), С. Кара-Мурза приводит очень длинную цитату из работы «Революция и контрреволюция в Германии» где выпячивает национальную судьбу чехов, каритийцев, далматинцев и других славян, выкидывая и заменяя отточием те места, где Ф. Энгельс говорит также о валлийцах, басках, нижнебретонцах, креолах. (см. М., Э., Т.8, С. 84).

С Кара-Мурза возмущается нежеланием К. Маркса и Ф. Энгельса предоставлять право на самоопределение относительно малым славянским народам, входивших тогда в состав Австро-Венгрии. Но что он скажет, если мы сегодня потребуем осуществления этого права для современных чеченцев, табасаранцев, балкарцев, мордвы и др. народов России? А ведь в середине XIX века «австро-венгерские» славянские этносы находились на гораздо более низкой ступени развития, чем российские сегодня.

Обвинение второе: К. Маркс и Ф. Энгельс – русофобы и славянофобы. Пытаясь это доказать, С. Кара-Мурза приводит «до кучи» и различные принципиальные положения из трудов и заявлений основоположников марксизма, и совершенно смехотворные сюжеты из их личной переписки. В качестве примера последних приведем лишь один. На страницах 26-27 своего труда С. Кара-Мурза пишет, что «основоположники марксизма своей русофобии и не скрывали. В их личной переписке они мимоходом обмениваются такими замечаниями. Маркс – Энгельсу (24 октября 1868 г.): «Боркхейм, русофобия которого (я привил ее ему как самое невинное противоядие, чтобы дать выход его излишней жизненной энергии) принимает опасные размеры...» Далее цитата прерывается и у читателя в голове возникают совершенно жуткие вещи: К. Маркс передал Боркхейму какой-то целый набор антирусских расистских положений, а потом сам испугался инициативы в развитии русофобии у своего «ученика», примерно так, как О. Шпенглер отшатнулся от начинаний А. Гитлера – «обезьяна, играющая на рояле». Мы не советуем читателю делать такие скороспелые выводы. Гораздо продуктивнее продолжить цитирование письма К. Маркса с того самого места, на котором остановился С. Кара-Мурза.

Читаем у К. Маркса: «... затеял теперь драку со стариком Филиппом Беккером из-за того, что тот находится в хороших отношениях с Бакуниным и написал Боркхейму, чтобы он не напал на Бакунина в своих письмах. Боркхейм усматривает тут опасный заговор московитов». (М., Э., Т.32, С. 152). Итак, что получается? Русофобия К. Маркса – это всего лишь его «война» с М. Бакуниным, в которой Боркхейм переходит рамки приличия и здравого смысла, за что К. Маркс и высмеивает Боркхейма.

Однако оставим в покое ляпсусы С. Кара-Мурзы и рассмотрим его обвинение по существу. Он, отталкиваясь от тех работ К. Маркса и Ф. Энгельса, в которых они высказывали опасение по поводу экспансии России в Европе и мире, делает, на наш взгляд, необоснованный вывод: «Представление России как азиатской империи, стремящейся покорить Европу, – примитивный исторический миф, сложенный в рамках идеологии евроцентризма в XVIII веке» (С.85). Чтобы развеять это заблуждение С. Кара-Мурзы обратимся к фактам.

В первые годы после Венского конгресса для внешнеполитического курса России была характерна некоторая двойственность и лавирование. С одной

стороны, петербургский кабинет, решительно осуждал испанскую и неополитанскую революции, а, с другой стороны, выступал в целом за дипломатическое урегулирование этих проблем. Однако со временем под воздействием внешних и внутренних обстоятельств позиция Александра I ужесточилась. В ноябре 1820 г. он дал согласие на австрийскую интервенцию и оккупацию Неаполя и сам намеревался в первой половине 1821 г. послать русские войска для участия в подавлении революции в Италии. Еще на конгрессах в Троппау (1820) и Лайбахе (1821) Александр I вынашивал идею организации интервенции для подавления испанской революции и в апреле 1823 г. благодаря соглашению Франции, России, Австрии и Пруссии она обрела плоть – сотысячная французская армия под командованием герцога Ангулемского вторглась в Испанию и разгромила революционные войска.

В 1830 г. внимание России было приковано к революционным событиям, которые разворачивались во Франции и Бельгии. И если Луи-Филиппа Николай I, все-таки признал, то по отношению к бельгийским инсургентам действовал непримиримо. Это определялось не только общей контрреволюционной направленностью политики Николая I, но и другими обстоятельствами: родственными отношениями с нидерландским королевским семейством и размещением в Голландии ряда царских займов. После обращения голландского правительства с просьбой о помощи к главным европейским кабинетам, Россия объявила о принципиальной готовности выставить «требуемое трактатами» количество войск (60 тыс.) для участия в подавлении бельгийской революции. Развернувшиеся военные приготовления в России привели к непредсказуемым последствиям: Франция однозначно восприняла их как проявления агрессивности и стала усиленно вооружаться; перспектива наводнения Царства Польского войсками спровоцировала восстание поляков.

В 1832 г. Николай I грозился послать для наведения порядка в Папской области 200-тысячное войско. В том же году российский генерал А.И. Нейгард отправился в Берлин со специальной миссией – договориться о совместном с союзниками отражении предполагаемой французской агрессии против Германии. Предложения царя повергли прусское правительство в состояние легкого шока, ибо предлагавшаяся Николаем I «оборонительная система», с использованием 200 тыс. русских солдат, означала бы новое возрастание напряженности на континенте.

После подавления польского восстания Николай I поставил вопрос о ликвидации вольного города Кракова. И вот осенью 1835 г. об этом была достигнута договоренность между Австрией, Пруссией и Россией: по секретному протоколу от 14 октября предусматривалось присоединение Кракова к Австрии. В начале 1836 г. Краковская республика была оккупирована войсками трех государств. Консервативные тенденции во внешней политике России проявились и

в том, что Николай I решительно отказался от поддержки греческой революции 1843 г.

В начале 1830-х годов влияние России на Балканах было очень велико. Однако пресловутое «покровительство», зачастую оказываемое в форме открытого вмешательства во внутренние дела молодых государств, стало тяготить местные власти и порождало закономерное стремление избавиться от обременительного контроля России и в конце концов привело к их переориентации на Англию и Францию.

Во взаимоотношениях с Францией Николай I совершил ряд грубых ошибок: во-первых, постоянно старался политико-дипломатически унижить Луи-Филиппа и, во-вторых, в 1840 г. открыто заверяя правительство Тьера в «отсутствии у русского правительства намерений изолировать Францию» немало усилий с целью подтолкнуть Англию к разрыву со своим «сердечным» другом, что надолго предопределило антироссийскую направленность французской внешней политики.

Идя на сближения с Англией, Николай I вместе с тем в 1844 г. допустил двусмысленные «откровения» относительно возможной смерти «больного человека», то есть Турции и дележа ее «наследства», а в 1847 г. испортил отношения с Фридрихом Вильгельмом из-за созыва им ландтагов.

Наибольшее влияние на формирование у общественности Западной Европы образа России как душительницы свободы оказали шаги царской внешней политики в период революций 1848-1849 годов. Тогда главной заботой императорского правительства, в первую очередь, стало устройство на дальних подступах заслонов против «революционной заразы». Так, Николай I после получения известий и февральской революции в Париже рекомендовал Фридриху Вильгельму сосредоточить свою армию на Рейне, обещая через три месяца помощь в 35 тыс. человек. После того как в середине марта революционное движение охватило германские и итальянские государства, а также Австрию Николай I тут же выделил Австрии кредит в 6 млн. руб. серебром и выразил готовность послать войска для борьбы с Сардинией и Францией. Николай лично составил известный манифест 14 (26) марта, о котором писал Паскевичу, что цель его – указать «всем, и нашим, и врагам, что я не хочу трогать других, но и не дозволю трогать себя, в этом вся моя задача». Этот воинственный манифест, опубликованный в берлинских газетах, всполошил всю Европу. Он прозвучал вызовом революционному движению в условиях, когда Россия стягивала войска к своим западным рубежам.

В конце апреля 1848 г. Николай I предъявил ультиматум Пруссии с требованием вывести ее войска из оккупированной Ютландии и в подкрепление этому направил к ее берегам эскадру и двинул в Литву еще одну кавалерий-

скую дивизию. В итоге Пруссия уступила. И вдобавок для предотвращения войны с Россией жестоко подавило познанское восстание поляков.

После того как в 1848 г. революционное движение захватило Дунайские княжества, Россия немедленно ввела туда войска и подавила восстание. Пребывание русских войск в княжествах до мая 1851 г. не раз осложняло отношения России с Англией и Францией.

Вершиной контрреволюционной внешней политики России явился так называемый «венгерский поход», идея которого вынашивалась длительное время по мере нарастания революционного движения в Венгрии и выяснения позиции европейских держав.

26 апреля (8 мая) 1849 г. вышел царский манифест, разъяснявший цели и мотивы военной интервенции и в конце мая 140-тысячная русская армия под командованием Паскевича вступила на венгерскую землю. Не смотря на упорное сопротивление повстанцев венгерская кампания завершилась в двухмесячный срок.

После этого Россия в союзе с Англией и Францией вынудила Пруссию подписать в 1850 г. с Данией мирный договор, а затем создала из Пруссии и Австрии антиреволюционную коалицию и буфер против Франции.

Подводя итог внешнеполитической деятельности России в Европе, следует подчеркнуть, что она в целом носила агрессивный, экспансионистский, антиреволюционный характер и удачно работала на создание в сознании западной общественности антироссийских настроений.

Обвинение третье: К. Маркс и Ф. Энгельс создали такую теорию революции, которая крайне сужает это понятие и тем самым выбивает из разряда прогрессивных революцию 1917 г. в России.

Для доказательства своего тезиса С. Кара-Мурза отталкивается не от воззрений основоположников марксизма, а от... статьи о революции в философском словаре 1991 г. и делает из нее несколько ложных выводов. Он отождествляет понятия «прогресс» и «улучшение жизни общества», что не соответствует действительности. «Прогрессивное» означает не «более лучшее», «хорошее», «доброе» и т.д., а лишь переход к более сложной и высшей в диалектической цепи развития стадии по типу гегелевской (и марксистской) триады. То есть некоторые процессы промежуточного отрицания иногда принимают такую форму, которая может выглядеть как регресс и упадок.

Вооружившись ложным пониманием прогресса, С. Кара-Мурза далее предъявил обвинение формационному подходу к истории за то, что «в его поле зрения не попадают все другие «коренные повороты в жизни общества», которые не вписываются в схему истории как смены «общественно-экономических формаций» и, следовательно, этому определению присущ экономизм». (С.125).

С. Кара-Мурзе, как марксоведу, следовало бы знать, что ни о каких общественно-экономических формациях К. Маркс в своей теории общественных формаций не упоминает. Термин «*okonomische Gesellschafts formation*», который 15 раз используют основоположники марксизма в своих трудах, дословно с немецкого переводится только как «экономическая общественная формация». Кроме этого термина К. Маркс и Ф. Энгельс используют и более широкий по объему термин – «общественная формация». Применительно к истории человечества в целом он используется для обозначения трех общественных формаций: архаической (первичной) общественной формации, экономической (вторичной) общественной формации и коммунистической (третичной) общественной формации. (М., Э., Т.19, С. 404-419).

Раскрывая внутреннее строение экономической общественной формации, К. Маркс отмечает, что «в общих чертах можно обозначить азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный способы производства как прогрессивные этапы экономической общественной формации». (М., Э., Т.13, С. 7).

Из всего приведенного выше следует, что К. Маркс задолго до появления так называемого цивилизационного подхода использовал его логику в своем анализе развития общества для характеристики цивилизационной многомерности экономической (вторичной) общественной формации: азиатский способ производства существовал до античности, во время нее, совместно с ней и после нее; рабство, как основа античного способа производства, присутствовало в той или иной мере во всех «экономических» способах производства; крепостничество, будучи основой феодализма, встречалась в различных уголках мира еще в Древности. Таким образом, формационный взгляд на прогресс истории носит не линейный, а диалектический характер, сочетающий в себе взаимодействие общего, единичного и особенного. Именно поэтому К. Маркс выделил в общественной эволюции формы-стадии, подобные геологическим формациям (до пересмотра этого понятия конгрессом геологов в Болонье в 1881 г.), то есть некие образования с определенным способом возникновения, существования и развития.

При объяснении механизма смены общественных формаций К. Маркс подчеркивал, что в конечном (но только в конечном) счете определяющими являются противоречия материальной жизни, что давало возможность увидеть ключевой элемент развития системы, не отвергая все остальные. Читаем у К. Маркса: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями... Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С

изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке». (М., Э., Т.13, С. 7).

Из использованного нами отрывка следуют очень важные социологические выводы. К. Маркс считал, что в переломные эпохи, в первую очередь, происходит качественный скачок в производительных силах, вслед за ним - в производственных отношениях (социальная революция), а после - в надстроечной сфере и общественном сознании. Отсюда логично заключить, что все эти четыре процесса являются гармоничными гранями одного общественного явления – межформационной революции (термин В.П. Илюшечкина) или социальной революции в широком (не так, как у К. Маркса) в смысле слова.

На основе признака наличия или отсутствия антагонистических классов, эксплуатации и частной собственности К. Маркс выделил три упоминавшиеся нами общественные формации. Кроме того, объединив все сословно-классовые общества вторичной формации, как основанные на производстве потребительной стоимости, он, вместе с тем, их резко противопоставил буржуазному обществу, основанному на производстве меновой стоимости. (М., Э., Т.46, Ч. I, С. 472, 504).

В результате, мы можем констатировать, что история знает три типа межформационных социальных революций: 1. Экономическую сословно-классовую межформационную социальную революцию; 2. Буржуазную межформационную социальную революцию; 3. Постэкономическую межформационную социальную революцию. Конечно, нельзя не отметить одного существенного отличия между этими революциями. Если первая и третья решают одну и ту же проблему, но только с разными знаками, в различных направлениях, а именно, проблему господства частной собственности и мира отчуждения, то вторая лишь изменяет их форму.

Представление о межформационной революции как о длительном преобразовательном процессе, протекающем во всех сферах жизнедеятельности общества позволяет преодолеть глубоко укоренившуюся привычку рассматривать революцию в основном не с точки зрения происходящих качественных изменений, а с позиции быстротечности событий, которая мешает, в свою очередь, верной оценке исторической ситуации, в том числе и в России.

Раскрытие содержания общественных формаций и межформационных революций напрямую влияет на понимание смысла русской революции. С. Кара-Мурза настойчиво подводит нас к решению этой проблемы, когда задает вопрос: «Почему же социалистическая революция была совершена как раз наиболее реакционным народом – русскими? Явная ошибка прогноза Энгельса, который он публикует в 1893 г., практически уже в ходе русской революции, и при этом нисколько не отказывается от своих установок 1849 г., говорит о несостоятельности методологии его анализа». (С.56). Выбор очевиден: если

большевистская революция есть воплощение постэкономической (коммунистической) межформационной социальной революции, то тогда С. Кара-Мурза прав и марксизм посрамлен; если же перед нами один из вариантов **буржуазной** межформационной социальной революции, то тогда С. Кара-Мурза серьезно ошибается и, тем самым, наносит огромный вред социализму. Сегодня, без широких исследований советского строя окончательный вывод делать пока рано. Рискнем лишь выдвинуть предположение о революционном переходе в СССР к буржуазному обществу. Эта гипотеза основана на нескольких положениях.

1. В царской России переход к капитализму далеко не завершился.
2. В результате крушения СССР в России возникло буржуазное общество.
3. Тенденции развития советского общества в корне противоречили марксистскому варианту перехода к коммунизму:
 - переход осуществлялся не во всемирном масштабе;
 - государственность не исчезала, а укреплялась;
 - товарно-денежные отношения развивались;
 - буржуазное сознание народных масс расширялось;
 - из бюрократии и «теневиков» возникала новая буржуазия;
 - национализм нарастал;
 - советская демократия частично отмирала, частично заменялась элементами парламентаризма.

Тенденции эти очевидны и С. Кара-Мурза не сможет их опровергнуть. Он сможет только показать, что процессы, которые протекали в СССР имели другую, нежели чем на Западе, форму. Мы с этим спорить не будем, а поставим вопрос о сущности советского общества. То, что оно было переходным – очевидно. То, что оно было переходным к капитализму, следует из наших рассуждений. Но было ли оно тогда капиталистическим, то есть функционировал ли в нем капиталистический способ производства? На наш взгляд, нет, не функционировал, так как отсутствовал главный элемент капитализма (помимо найма рабочей силы) – рыночно-конкурентные отношения: купля-продажа производилась, но только плановая (теневой сектор не в счет). Поэтому единственно верный ответ на вопрос о сущности советского строя лежит в русле учений великих социалистов-утопистов XIX века: сен-симонистов и Пекера. Они создали умозрительные конструкции нового общества, наиболее полно «совпавшие» с советской действительностью.

Возьмем для примера сен-симонистов.

«Высшая цель, к которой стремится человечество, это образование всемирной ассоциации трудящегося человечества. Современное государство, говорят сен-симонисты, должно в корне изменить свой характер; теперь оно

преследует цели насилия, – в будущем же оно будет существовать для мирной организации общественного труда.

Организация эта будет покоиться, по представлению сен-симонистов, на следующих основаниях. Все средства производства будут сосредоточены в руках государства, носящего характер религиозной общины, так как государство сен-симонистов одновременно является и церковью. Распоряжение этими средствами производства, распределение их между отдельными местностями страны возлагается на центральное государственное учреждение. Его роль будет соответствовать, в хозяйственной области, современному правительству. С этим центральным государственным хозяйственным учреждением будут находиться в непосредственной связи учреждения областные, эти последние – территориально еще более ограниченными учреждениями, разветвляющимися все более и более и все теснее соприкасающимися с отдельными производителями и потребителями.

Все вместе образует сложную иерархию взаимно подчиненных хозяйственных организаций различного порядка, с центральной государственной организацией во главе. От местных организаций будут стекаться в центральную организацию сведения о величине и характере национального спроса. Соответственно этому центральная организация будет распределять между местными организациями средства производства. Для этого центральная организация будет сравнивать запросы отдельных местных организаций между собою, а также и со средствами производства, которыми располагает нация. Ежегодно будет составляться национальный бюджет, подобно теперешнему государственному бюджету. Роль актива в этом бюджете будет играть совокупность продуктов национального производства; роль пассива - спрос на продукты со стороны местных организаций, каждая из которых будет составлять свой бюджет подобным же образом. В результате должна получиться, по мнению сен-симонистов, стройная организация всего национального хозяйства, полное единство плана и подчиненность частей, полное соответствие между национальным производством и национальным потреблением.

«Во главе социального организма – говорят Базар и Анфантен – должны стоять руководящие лица, обязанность которых должна состоять в том, чтобы каждому указывать именно то место, которое ему больше всего соответствует и в его личных интересах и в интересах других. Если руководители отказывают одной отрасли промышленности в кредите, то это потому, что в общих интересах средства производства могут получить лучшее употребление; если один человек не получает орудий труда, которых он просит, то это потому, что компетентные власти признали его более способным выполнять другое дело. Конечно, ошибки свойственны людям, но нужно согласиться, что люди высшего таланта, стоящие на точке зрения общих интересов, взор которых не затемнен

мелочами, имеют всего менее шансов впасть в ошибку в порученном им выборе; так как их чувства и даже личные интересы побуждают их стремиться настолько содействовать общему развитию хозяйства, и в каждой отдельной отрасли его в такой мере снабжать орудиями труда отдельные личности, насколько это допускается состоянием национального богатства и национального труда».

Совокупность работников будет образовывать собой иерархию, в которой будут высшие и низшие, начальники и подчиненные. Правилom распределения будет «от каждого по его способностям, каждой способности по ее делам». Таким образом, в сен-симонистском государстве не будет ничего похожего на равенство распределения, но зато в нем должна быть строгая пропорциональность между тем, что каждый дает обществу и что он от последнего получает. Все привилегии рождения должны исчезнуть, и только личные заслуги должны получать полную оплату. При равной оплате труда, независимой от его производительности, менее производительные рабочие присваивали бы в свою пользу плоды труда более производительных рабочих. Потому сен-симонисты полагают, что именно их принцип распределения всего более согласуется с верховным требованием равноправности всех людей, что именно оплата по труду и заслугам и есть истинное равенство.» (Туган-Барановский М.И. К лучшему будущему. – М., 1996. –С. 284-286).

М.И. Туган-Барановский при классификации разновидностей социализма и коммунизма описанную систему справедливо относит к государственному социализму (коллективизму). Отрицательное отношение к нему основоположников марксизма нами уже приводилось. Поэтому из всего выше сказанного следует, что советское общество представляло собой **государственно-социалистическую переходную к капитализму систему**. То есть советский строй не приводил и не мог в силу своих исторических условий и «задач» привести к посткапиталистическому социализму. Это был докапиталистический социализм и, на наш взгляд, его вполне можно считать прогрессивным историческим явлением, ибо он способствовал тому, что менее развитое общество переходило к более высокой ступени эволюции, то есть к уровню буржуазной формации.

Почему же так получилось, что революционное государственно-социалистическое рабоче-крестьянское движение в России приобрело прогрессивный характер (что, на первый взгляд, вроде бы противоречит воззрениям Маркса и Энгельса)? Это стало возможным в связи со вступлением мира в эпоху империализма. В свое время выдающиеся советские историки - представители «нового» научного направления предметно показали, что в периферийных странах в условиях господства монополистического капитализма ни одна

общедемократическая задача не могла разрешиться без постановки тех задач, которые мы назвали государственно-социалистическими.

Таким образом, С. Кара-Мурзе надо понять, что так называемая «советская цивилизация» была не альтернативным путем к новой коммунистической формации, а альтернативой западному варианту перехода к буржуазному обществу. Субъективно для многих советский социализм стал началом коммунистической эпохи, но объективно это была буржуазная модернизация в форме антикапиталистического бунта модернизирующейся «традиции».

Обвинение четвертое: К. Маркс и Ф. Энгельс неправильно определили субъект будущей коммунистической революции. «Социальной причиной, – пишет С. Кара-Мурза, – по которой классом-могильщиком буржуазии должен стать пролетариат, была, по Марксу, эксплуатация рабочих посредством изъятия капиталистом прибавочной стоимости. Именно пролетариат поэтому был должен и имел право экспроприировать экспроприаторов» (С.131); «Но это теоретическое обоснование неотвратимости пролетарской революции на Западе несет в себе внутреннее противоречие. Дело в том, что, согласно политэкономическим воззрениям самого Маркса, капиталисты были экспроприаторами вовсе не по отношению к пролетариям – у пролетариев они покупали их рабочую силу по ее стоимости, через эквивалентный обмен на свободном рынке труда. Жертвами капиталистической экспроприации были именно крестьяне и ремесленники, жившие и работавшие в некапиталистических хозяйственных укладах, где они вели натуральное хозяйство или мелкотоварное производство» (С.131-132); «**Если так, то как раз не на Западе и не от пролетариата следовало ожидать революции «экспроприированных масс»**» (С.132).

Логика С. Кара-Мурзы упрощена до крайности: экспроприировать экспроприаторов, оказывается, могут только те, у кого собственность когда-то была экспроприирована. Но резонно задать вопрос: почему в список экспроприаторов буржуазии попали только ремесленники и крестьяне, почему на это не имеют право церковь, средневековые феодалы, индейские касики и т.д.? Вопрос второй: кто должен экспроприировать экспроприаторов – те, у кого непосредственно буржуа изъяли собственность или их дети и даже родственники? Неужели С. Кара-Мурза не понимает абсурда в своих «экспроприаторских» построениях? По К. Марксу в коммунистической всемирной революции экспроприатором должен стать только тот, кто им может быть по численности и месту в общественном производстве, а именно пролетариат, то есть класс наемных производительных рабочих, создающих прибавочную стоимость, и, к слову сказать, не всегда продающих свою рабочую силу по ее стоимости. Насколько оправдались прогнозы и надежды К. Маркса по этому поводу, это важный и дискуссионный вопрос, но выставлять в качестве главной революционной силы (в

деле становления новой коммунистической формации) крестьян и ремесленников – это уж слишком!

С. Кара-Мурза, опираясь на произведения В.В. Крылова, всячески стремится умалить роль классической капиталистической эксплуатации рабочих в современном мире и акцентирует внимание на эксплуатации квазикапиталистической, возникающей в периферийных странах в ходе так называемой регрессии капитала. Суть явления состоит в том, что продукт созданный в некапиталистических и полукapиталистических секторах через различные экономические и внеэкономические механизмы присваивается крупным капиталом и поступает на мировой капиталистический рынок. Последствие такой регрессии капитала – капиталистический уклад, окруженный морем пауперизма, безработности и бедности.

Подойдя к данному выводу, С. Кара-Мурза, к сожалению, обрывает раскрытие темы, ведь цель его достигнута: им установлен главный враг, «доказана» необходимость цивилизационной антизападной революции, определен ее ведущий субъект и, в конечном итоге, К. Маркс посрамлен.

В отличие от С. Кара-Мурзы у нас нет идеологических ограничителей в исследовании и поэтому мы можем, во-первых, привести примеры таких стран как Бразилия, Венесуэла, Индия, Мексика и др., страдающих в тисках квазикапиталистической эксплуатации, но постепенно отвоевывающих себе место в списке классических капиталистических стран, и, во-вторых, заглянуть в историю теории данного вопроса и увидеть, что у истоков нового якобы немарксистского взгляда на проблему развития периферийных стран стоял сам К. Маркс.

Именно К. Маркс выдвинул положение о том, что капитал может воспроизводить сам, «от себя», еще докапиталистические по своей внутренней структуре формы производства, а не только разрушать их при соприкосновении с ними. Данный феномен был подробно рассмотрен К. Марксом на примере плантаторской системы, от которой российское крепостничество, к слову сказать, отличалось лишь степенью несвободы и насилия по отношению к эксплуатируемым работникам. Так он пишет: «В колониях второго типа – плантациях, которые с самого же начала рассчитаны на торговлю, на производство для мирового рынка, – существует капиталистическое производство, хотя только формально, так как рабство негров исключает свободный наемный труд, то есть самую основу капиталистического производства. Но здесь перед нами капиталисты, строящие свое хозяйство на рабском труде негров. Способ производства, вводимый ими, не возник из рабства, а прививается ему» (М., Э., Т.26, ч. II, С. 229). Причина появления такого квазикапитализма состоит в переходе от производства, рассчитанного на непосредственное удовлетворение собственных потребностей колоний, к производству с целью получения прибавочной стоимости при вовлечении в мировой рынок, на котором господствует капитали-

стический способ производства и который преобладающим интересом делает продажу продуктов этого производства за границу.

Обвинение пятое: К. Маркс и Ф. Энгельс предложили такой вариант преодоления капиталистического способа производства, который восстанавливает индивидуальную собственность по типу «ваучерной приватизации» по Чубайсу» (С.259) «Затем эти индивидуальные собственники вступают в отношения кооперации с образованием ассоциаций свободных производителей» (С.259). Такое обвинение понадобилось С. Кара-Мурзе для того чтобы, во-первых, умалить размышления К. Маркса на эту тему и, во-вторых, доказать, что советская национализация и есть высший тип обобществления, а, следовательно, и перехода к коммунизму.

С. Кара-Мурза для того чтобы манипулировать сознанием читателей опять приводит усеченную цитату К. Маркса: «Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют.

Капиталистический способ присвоения, вытекающий из капиталистического способа производства, а, следовательно, и капиталистическая частная собственность, есть первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде. Но капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание. Это – отрицание отрицания. Оно восстанавливает не частную собственность, а индивидуальную собственность на основе достижений капиталистической эры: на основе кооперации и общего владения землей и произведенными самим трудом средствами производства» (М., Э., Т.23, С. 773). Дальше у С. Кара-Мурзы идет отточие и затем продолжается цитата: «Там дело заключалось в экспроприации народной массы немногими узурпаторами, здесь народной массе предстоит экспроприировать немногих узурпаторов». (М., Э., Т.23, С. 773). «В тот момент это положение «Капитала», – развивает свою мысль известный марксовед-манипулятор, – наверняка вызвало недоумение. Почему надо восстанавливать «индивидуальную собственность на основе достижений капиталистической эры»? Почему не строить сразу общенародную собственность на основе общинной культуры и достижений некапиталистической индустриализации? Разве это значит «повернуть назад колесо истории»? Это настолько не вязалось со здравым смыслом и культурой русских рабочих и крестьян, что в комментариях к приведенному положению Маркса в канонической книге советской политэкономии цитата Маркса прерывается, а далее своими словами говорится: «На смену капиталистической собственности идет **общественная собственность**». Советскому официальному обществоведению пришлось радикально подправить Маркса, сказав вместо слов «индивидуальная собственность» слова «общественная собственность» (С.259-260).

Если у С. Кара-Мурзы вызвало недоумение теоретическое положение К. Маркса, то у нас совершенно другое - недобросовестность (или бессовестность?) нашего идеологического историка. Ведь там, где С. Кара-Мурза поставил отточие, идут вполне вразумительные слова К. Маркса об общественной собственности, не требовавшие никаких комментариев: «Превращение основанной на собственном труде раздробленной частной собственности отдельных личностей в капиталистическую, конечно, является процессом гораздо более долгим, трудным и тяжелым, чем превращение капиталистической частной собственности, фактически уже основывающейся на общественном процессе производства, в общественную собственность».

Если этого для С. Кара-Мурзы окажется недостаточным, то мы посоветуем ему обратиться и к другим марксистским источникам. В своей работе «Критика Готской программы» К. Маркс четко указывает, что в новом обществе «в собственность отдельных лиц не может перейти ничто, кроме индивидуальных предметов потребления» (М., Э., Т.19, С. 20). Куда там до ваучеров! «Наконец, представим себе, – читаем у К. Маркса, - для разнообразия, союз свободных людей, работающих общими средствами производства и планомерно [selbstbewußt] расходующих свои индивидуальные рабочие силы как одну общую рабочую силу...Весь продукт труда союза свободных людей представляет общественный продукт. Часть этого продукта служит снова в качестве средств производства. Она остается общественной. Но другая часть потребляется в качестве жизненных средств членами союза» (М., Э., Т.23, С. 88-89).

Кроме обильного цитирования есть и другой путь изучения теоретического наследия К. Маркса – понимание его текстов. Так вполне очевидно, что индивидуальная собственность, возникающая на руинах капиталистической частной собственности не есть уничтоженная капитализмом индивидуальная частная собственность. Индивидуальная собственность теряющая свой «частный» характер есть всего лишь личная собственность. В итоге, слова «индивидуальная» и «личная» здесь - синонимы.

На обвинение, предъявленное Марксу С. Кара-Мурзой в том, что тот, мол, уже заранее, исходя из своего расизма, западничества и экономизма отверг Октябрьскую революцию как реакционную, можно ответить следующим образом. Во-первых, К. Маркс жил в своей эпохе и поэтому переносить его оценки в отрыве от нее в другое время недопустимо. Во-вторых, анализ, избегающий фальсификаций, позволяет однозначно заключить, что К. Маркс и Ф. Энгельс не были ни расистами, ни западниками, ни узкими экономическими доктринерами. В-третьих, вся методология марксизма дает основание предполагать, что Октябрьская революция и последующее развитие Страны советов получило бы двоякую оценку основоположников марксизма: и как прогрессивного процесса, так как он передвигал Россию и мир на новую формационную

ступеньку вверх, и как регрессивного, в связи с тем, что это движение вынуждена была возглавить радикальная политическая сила коммунистического толка.

На всю эту поднятую нами марксоведческую схоластику С. Кара-Мурзы можно было бы махнуть рукой, если бы выводы, к которым он приходит, были безобидны по своим последствиям. Однако они наносят несомненный вред историческому сознанию многих активных людей нашей страны. И поэтому заслуживают всеобъемлющей критики.

СОЦИУМ: наши новации

ОРИЕНТАЦИЯ НА КОРПОРАЦИЮ

От редакции

Нынешний кризис в очередной раз показал почти полную беззащитность пролетариев перед своими хозяевами и государством. Такая беззащитность просто обидна. Во-первых, потому, что пролетарии своим трудом содержат угнетающую их публику. Во-вторых, потому, что у работников есть масса способов организовать себя, для защиты своих интересов. А если хорошо организуемся, то и для нападения на враждебные интересы. Хорошо организовать себя - значит создать влиятельные структуры сразу на нескольких уровнях: в производстве, обмене, потреблении, общественной жизни. Такую организованность сломать непросто, а вот она может сломать многое...

Сегодня в любом российском городе есть масса примеров сокращений работников, принуждений их к увольнению, переводов на неполную рабочую неделю, задержек зарплаты и т.п. Все это с новой силой напомнило о проблеме сопротивления труда капиталу. А точнее, об организации работников, способной на такое сопротивление. Как справедливо отмечал Карл Маркс, у пролетариев перед капиталистом есть огромное преимущество – их численность. Но численность ничего не значит, если она не охвачена организацией.

В последние годы проблему решали через создание рабочих профсоюзов. Это правильно, но далеко не достаточно. Профсоюзы имеют ограниченную буржуазными законами сферу деятельности. Часто они вынуждены жертвовать активными действиями в пользу легальности. Профсоюзам, как участникам рыночных отношений, изначально присущи лавирование и компромиссы. Ведь они, по сути, торговцы - коллективные продавцы рабочей силы. А вот противник рабочих профсоюзов - капитал никогда не ограничивал себя рамками буржуазных законов. Достаточно вспомнить череду бандитских нападений на рабочих лидеров, не говоря о бесчисленных нарушениях Трудового кодекса. И это притом, что Кодекс создавался под интересы капитала, а не работников. Суды и прокуратура часто в упор не видят такие нарушения, хотя цепляются к малейшей ошибке профсоюзов.

Даже успешная профсоюзная борьба имеет ограниченное значение. Какое бы повышение зарплаты ни выбили профсоюзы, как бы ни улучшились условия труда, сколько бы льгот ни получил рабочий, всё это завтра может исчез-

нуть. А сам работник всегда остается исполнителем чужой воли, зависимым от начальства человеком...

* * *

Пролетариям нужна организация, которая может не только вести экономическую борьбу, но и учит управлять производством, распределением, учит формировать коллективный быт, влиять на общественно-политические процессы. Словом, организация, которая создает из пролетариев **отдельный от капитала мир**. В дальнейшем именно это позволит работникам сбросить с себя пролетарскую участь – обогащать своим трудом «чужого дядю»...

Чтобы такая организация имела вес и влияние, ей нужно **опираться на собственный экономический базис**, то есть иметь свои производственные структуры. Ничего нового здесь нет. Рабочие кооперативы, «народные предприятия» существуют уже не первое столетие. Они могут создаваться как в виде оздоровления обанкротившихся частных фирм, так и в виде предприятий, принадлежащих трудовому коллективу изначально. Помимо того, что они обеспечивают заработок своим работникам, они дают навыки управления производством, участия трудового коллектива в решении собственных проблем.

Нужны и кооперативные магазины, в которых рабочие приобретали бы товары дешевле и качественнее. И здесь уже существует огромный опыт потребительской кооперации.

Рыночная конкуренция неизбежно разлагает кооперативные предприятия, превращает их в «нормальные» капиталистические фирмы, а их руководство – в капиталистов. Но это не отменяет исторического значения кооперации – структуры, где работник уже сейчас сбрасывает с себя груз пролетарской участи!

Обращаясь к делегатам Генерального совета Первого Интернационала К.Маркс, писал на эту тему: «Мы считаем, что кооперативное движение является одной из сил, преобразующих современное общество, основанное на классовом антагонизме. Большая заслуга этого движения заключается в том, что оно на деле показывает возможность замены современной деспотической и порождающей пауперизм системы подчинения труда капиталу – республиканской и благотворительной системой ассоциации свободных и равных производителей». При этом подчеркивалось: «Однако ограниченная карликовыми формами, которые только и в силах создать своими усилиями отдельные рабы наемного труда, кооперативная система никогда не сможет преобразовать капиталистическое общество...». Для этого необходимы «изменения основ общественного строя».

Рабочим было рекомендовано отдавать предпочтение кооперативному производству перед кооперативной торговлей, а уже существующим кооперативам – содействовать созданию новых. Кроме того, «Во избежание вырожде-

ния кооперативных обществ в обыкновенные буржуазные акционерные общества, рабочие каждого предприятия, независимо от того, являются они пайщиками или нет, должны получать равные доли в доходе».

Помимо производства и обмена, рабочим нужны свои организации и в сфере потребления. Нужны **рабочие коммуны!** Причем, коммуны, способные избежать «минусов» печально известных коммунальных квартир советских времен. Такие коммуны могут и должны быть связаны с кооперативным производством в единую систему. Образец этого дают хотя бы израильские кибуцы. Если оставить в стороне движение кибуцев как школу еврейского национализма и опорную базу для захвата арабских территорий, то это - уникальный массовый опыт коллективного производства и потребления.

Вот показательный отрывок о жизни в кибуце из частного письма, одного бывшего советского гражданина: «Кормились в столовой. Превосходно кормились. Когда я приезжал к сыну, меня допускали до столовой кибуцников. Превосходные свежайшие овощи. Шведский стол. Выбор не менее 5 закусок, 5 супов, 5 вторых. Простая, нефасонистая одежда даром на складе кибуца. Бесплатные квартиры. Бесплатные детские учреждения. Коммунальные услуги, телевизор - за счет кибуца. В гараже два десятка машин, но заказывать надо накануне, на всех не хватает. Машины заправлены под завязку. Деньги в небольшом количестве распределяли в конце года поровну. Работали члены кибуца по разнарядке, пошлют куда нужно. Специалистов, прикрепленных к определенному месту работы, немного. Моя знакомая, в России работавшая детским врачом, возглавила детсад-ясли. Инженер возглавил мебельное производство и т.п. Нанимали со стороны специалистов на конкретные работы (мой сын всегда имел место работы).

По пятницам вечером все собирались на «кабалат-шабат» - подведение итогов работы за неделю, график на следующую, праздничный ужин, немного вина и непременно художественная часть, иногда самодеятельность, чаще приглашенные. Строго соблюдался 8-часовой рабочий день. В каждом кибуце - плавательный бассейн, спортивные площадки. Высокий уровень технологии сельского хозяйства».

«Интересная» получается картина, если сравнить со знакомой каждому борьбой за выживание отдельной пролетарской семьи... А ведь кибуцы существуют в Палестине уже свыше 70 лет!

Кстати, первые марксистские и рабочие кружки в России в 80-90 годы XIX века тоже практиковали жизнь в коммунах, с общим питанием и бытом! Часто это было обусловлено конспирацией – один из кружковцев якобы сдавал углы остальным. Вместе с этим коммуна позволяла отработать правила жизни в коллективе товарищей-единомышленников, «здесь и сейчас» построить маленький социализм.

Итак, нужны **рабочие корпорации** - взаимосвязанные сети профсоюзов, коллективных предприятий и рабочей потребкооперации. Туда должны входить и коммуны, где налажен быт и взаимопомощь рабочих. В таких условиях корпоративности больше возможности установить здоровую моральную атмосферу, когда в людях исчезают озлобленность и безысходность вместе с их следствиями – пьянством, хулиганством, воровством, наркоманией, хамством и т.п. Рабочие корпорации - это и свои образовательные и культурные учреждения и т.д., вплоть до охранных структур.

Кстати, коммуны и кооперативы могут быть своеобразным тылом для профсоюзной борьбы. Там могут находить убежище и моральную поддержку, трудоустраиваться активисты, уволенные за участие в профдвижении.

Повторим: корпорации должны создаваться и работать на то, чтобы рабочие улучшили свою жизнь и уже сегодня научились классово обособляться в самостоятельный, то есть самостоятельный и самоуправляемый социально-экономический сектор. Пожив в таких условиях, познав новые человеческие отношения, пролетарий другими глазами будет смотреть на остальной рыночно-капиталистический мир. Попробуй тогда заставь его жить *там* прежней жизнью!..

**ИНСТРУКЦИЯ ДЕЛЕГАТАМ
ВРЕМЕННОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА
ПО ОТДЕЛЬНЫМ ВОПРОСАМ**

К. Маркс

Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд., Т.16, С. 194-203.

1. ОРГАНИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА

Временный Центральный Совет рекомендует принять в общем и целом *план организации*, изложенный во Временном Уставе. Правильность этого плана и возможности его применения к условиям различных стран без ущерба для единства действий доказаны на опыте двух лет. На следующий год мы рекомендуем оставить место пребывания Центрального Совета в Лондоне, так как обстановка на континенте, по-видимому, не благоприятна для каких-нибудь перемен.

Члены Центрального Совета, само собой разумеется, должны быть избраны конгрессом (§ 5 Временного Устава) с правом кооптации.

Генерального секретаря следует избрать на конгрессе на один год в качестве единственного оплачиваемого должностного лица Товарищества. Мы предлагаем платить ему 2 ф. ст. в неделю*. *Единый годовой взнос для каждого индивидуального члена Товарищества* определяется в полпенни (может быть одно пенни). Стоимость членской карточки (книжки) должна оплачиваться дополнительно.

Призывая членов Товарищества создавать общества взаимопомощи и устанавливать между ними интернациональную связь, мы в то же время оставляем инициативу в этом вопросе (образование обществ взаимопомощи; моральная и материальная помощь сиротам членов Товарищества) швейцарцам, которые выдвинули это предложение на конференции в сентябре прошлого года.

* Во французском и немецком текстах далее следует абзац: «*Постоянный комитет*, фактически являющийся исполнительным органом Центрального Совета, должен быть избран конгрессом; функции отдельных его членов определяются Центральным Советом». *Ред.*

2. ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ ДЕЙСТВИЙ

ПРИ ПОМОЩИ ТОВАРИЩЕСТВА В БОРЬБЕ МЕЖДУ ТРУДОМ И КАПИТАЛОМ

(a) Этот вопрос, вообще говоря, охватывает всю деятельность Международного Товарищества, цель которого объединить, направив в общее русло, до сих пор разрозненную борьбу рабочего класса различных стран за свое освобождение.

(b) Одной из особых функций, которую наше Товарищество до сих пор успешно выполняло, является противодействие проискам капиталистов, всегда готовых, в случае стачек и локаутов, злоупотребить услугами иностранных рабочих, используя их как орудие против местных рабочих. Одна из великих целей Товарищества — добиться того, чтобы рабочие различных стран не только *чувствовали*, но и *действовали* как братья и товарищи, борющиеся за свое освобождение в единой армии.

(c) Великим примером «интернационального объединения действий» является *статистическое обследование положения рабочего класса во всех странах, осуществляемое самим рабочим классом*. Чтобы действовать с какими-либо шансами на успех, надо знать тот материал, на который предстоит воздействовать. Приступив к такому большому труду, рабочие докажут, что они способны взять свою судьбу в собственные руки. Поэтому предлагаем:

В каждой местности, где существуют отделения нашего Товарищества, немедленно приступить к работе и собирать фактические данные по различным пунктам, указанным в прилагаемой схеме обследования.

Конгресс призывает всех рабочих Европы и Соединенных Штатов Америки принять участие, в собирании статистических сведений о рабочем классе; доклады и фактические данные следует направлять Центральному Совету. Центральный Совет на основании этих материалов составит общий доклад, присоединив к нему фактические данные в виде приложения.

Этот доклад вместе с приложением представляется очередному ежегодному конгрессу и, после утверждения им, печатается на средства Товарищества.

ОБЩАЯ СХЕМА ОБСЛЕДОВАНИЯ, В КОТОРУЮ, РАЗУМЕЕТСЯ, МОГУТ БЫТЬ ВНЕСЕНЫ ИЗМЕНЕНИЯ В КАЖДОЙ МЕСТНОСТИ

1. Наименование производства.
2. Возраст и пол занятых в нем лиц.
3. Число занятых в нем лиц.

4. Заработная плата: (a) учеников; (b) поденная или сдельная оплата труда; размер оплаты посредниками. Средний недельный, годовой заработок.

5. (a) Продолжительность рабочего дня на фабриках. (b) Продолжительность рабочего дня у мелких предпринимателей и в домашнем производстве, в случае наличия всех этих видов производства. (c) Ночной и дневной труд.

6. Перерывы на еду и обращение с рабочими.

7. Характеристика мастерской и условий труда: теснота помещения, плохая вентиляция, недостаток солнечного света, применение газового освещения. Чистота и т. д.

8. Род занятий.

9. Влияние работы на физическое состояние.

10. Моральные условия. Воспитание.

11. Состояние производства. Является ли оно сезонным или действует более или менее равномерно в течение всего года, испытывает ли значительные колебания, подвергается ли иностранной конкуренции, обслуживает ли оно преимущественно внутренний или внешний рынок и т. д.

3. ОГРАНИЧЕНИЕ РАБОЧЕГО ДНЯ

Предварительным условием, без которого все дальнейшие попытки улучшения положения рабочих и их освобождения обречены на неудачу, является *ограничение рабочего дня*.

Оно необходимо как для восстановления здоровья и физической силы рабочего класса, который составляет основной костяк каждого народа, так и для обеспечения рабочим возможности умственного развития, дружеского общения между собою, социальной и политической деятельности.

Мы предлагаем в законодательном порядке ограничить рабочий день 8 часами. Такое ограничение является общим требованием рабочих Соединенных Штатов Америки; решение конгресса сделает его общей платформой рабочего класса во всем мире.

К сведению континентальных членов Товарищества, опыт которых в фабричном законодательстве сравнительно невелик, добавим, что никакое ограничение, установленное законом, не достигает цели и нарушается капиталом, если не указано точно то *время дня*, в которое должны укладываться эти 8 часов труда. Продолжительность этого времени должна определяться 8 часами труда и дополнительным временем на перерывы для еды. Например, если различные перерывы для еды занимают *один час*, определенное законом время дня должно охватывать 9 часов, скажем, от 7 утра до 4 пополудни или от 8 утра до 5 по-

полудни и т. п. Ночной труд должен разрешаться только в виде исключения в производствах или отраслях производства, точно установленных законом. Стремиться же надо к полной отмене ночного труда.

Этот параграф касается только взрослых лиц мужского или женского пола; последние, впрочем, совсем не должны допускаться к *какой бы то ни было ночной работе*, а также ко всем видам труда, опасным для более хрупкого женского организма, и подвергающим его воздействию ядовитых или других вредных веществ. Под взрослыми мы понимаем всех лиц, достигших 18-летнего возраста.

4. ТРУД ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ (ОБОЕГО ПОЛА)

Мы считаем тенденцию современной промышленности привлекать детей и подростков обоего пола к участию в великом деле общественного производства прогрессивной, здоровой и законной тенденцией, хотя при капиталистическом строе она и приняла уродливые формы. При разумном общественном строе *каждый ребенок с 9-летнего возраста* должен стать производительным работником так же, как и каждый трудоспособный взрослый человек, должен подчиняться общему закону природы, а именно: чтобы есть, он должен работать, и работать не только головой, но и руками. Однако в настоящее время в нашу задачу входит забота только о детях и подростках из рабочего класса.

Мы считаем необходимым, основываясь на физиологии, разбить детей и подростков обоего пола на *три группы*, требующие различного отношения к себе: в первую группу должны входить дети от 9 до 12 лет, во вторую — от 13 до 15 лет, в третью — 16 и 17-летние. Мы предлагаем, чтобы для первой группы закон ограничил труд в какой бы то ни было мастерской или на дому *двумя* часами; для второй — *четырьмя* и для третьей — *шестью* часами. Для третьей группы должен быть перерыв по крайней мере в один час для еды или для отдыха.

Желательно, может быть, приступить к начальному школьному обучению ранее 9-летнего возраста; но мы касаемся здесь только самого необходимого противоядия против тенденций социального строя, который низводит рабочего до степени простого орудия накопления капитала и превращает задавленных нуждой родителей в рабовладельцев, продающих своих собственных детей. *Права* детей и подростков должны быть защищены. Они не в состоянии сами выступить в свою защиту. Поэтому долг общества вступить за них.

Если буржуазия и аристократия пренебрегают своими обязанностями по отношению к собственным отпрыскам, это их дело. Пользуясь привилегиями этих классов, ребенок вынужден страдать и от их предрассудков.

Для рабочего класса дело обстоит совершенно иначе. Рабочий не свободен в своих действиях. В слишком многих случаях он даже так невежествен, что неспособен понимать подлинные интересы своего ребенка или нормальные условия человеческого развития. Как бы то ни было — наиболее передовые рабочие вполне сознают, что будущее их класса, и, следовательно, человечества, всецело зависит от воспитания подрастающего рабочего поколения. Они знают, что в первую очередь надо оградить работающих детей и подростков от разрушительного действия современной системы. Это может быть достигнуто лишь путем превращения *общественного сознания* в *общественную силу*, а при данных условиях этого можно добиться только посредством *общих законов*, проводимых в жизнь государственной властью. Проведением в жизнь таких законов рабочий класс отнюдь не укрепляет власти правительства. Наоборот, он превращает в свое орудие ту власть, которая теперь используется против него, он осуществляет путем общего законодательного акта то, чего напрасно добивался бы путем множества разрозненных индивидуальных усилий.

Исходя из этого, мы заявляем, что родителям и предпринимателям ни в коем случае не может быть разрешено применять труд детей и подростков, если он не сочетается с воспитанием.

Под воспитанием мы понимаем три вещи:

Во-первых: *умственное воспитание*.

Во-вторых: *физическое воспитание*, такое, какое дается в гимнастических школах и военными упражнениями.

В-третьих: *техническое обучение*, которое знакомит с основными принципами всех процессов производства и одновременно дает ребенку или подростку навыки обращения с простейшими орудиями всех производств.

Распределению детей и рабочих подростков по возрастным группам должен соответствовать постепенно усложняющийся курс умственного и физического воспитания и технического обучения. Расходы на технические школы должны частично покрываться путем продажи их продукции.

Сочетание оплачиваемого производительного труда, умственного воспитания, физических упражнений и политехнического обучения поднимет рабочий класс значительно выше уровня аристократии и буржуазии.

Само собой разумеется, что применение труда всех лиц от 9 до 17 лет (включительно) ночью и во всех вредных для здоровья производствах должно быть строго запрещено законом.

5. КООПЕРАТИВНЫЙ ТРУД

Международное Товарищество Рабочих ставит себе целью объединить, направив в общее русло, *стихийное движение* рабочего класса, но отнюдь не диктовать или навязывать ему какие бы то ни было доктринерские системы. Поэтому конгрессу не следует провозглашать какую-либо *особую систему* кооперации, а следует ограничиться изложением некоторых общих принципов.

(a) Мы считаем, что кооперативное движение является одной из сил, преобразующих современное общество, основанное на классовом антагонизме. Большая заслуга этого движения заключается в том, что оно на деле показывает возможность замены современной деспотической и порождающей пауперизм системы *подчинения труда* капиталу — республиканской и благотворной системой *ассоциации свободных и равных производителей*.

(b) Однако, ограниченная карликовыми формами, которые только и в силах создать своими усилиями отдельные рабы наемного труда, кооперативная система никогда не сможет преобразовать капиталистическое общество. Для того, чтобы превратить общественное производство в единую, обширную и гармоническую систему свободного кооперативного труда, необходимы *общие социальные изменения, изменения основ общественного строя*, которые могут быть достигнуты только путем перехода организованных сил общества, то есть государственной власти, от капиталистов и землевладельцев к самим производителям.

(c) Рекомендуем рабочим братья предпочтительнее за *кооперативное производство*, нежели за *кооперативную торговлю*. Последняя затрагивает только поверхность современного экономического строя, первая подрывает его основы.

(d) Рекомендуем всем кооперативным обществам превращать часть своего общего дохода в фонд для пропаганды своих принципов как делом, так и словом, а именно, содействуя учреждению новых производственно-кооперативных обществ, наряду с распространением своего учения.

(e) Во избежание вырождения кооперативных обществ в обыкновенные буржуазные акционерные общества (*societes par actions*), рабочие каждого предприятия, независимо от того,

являются они пайщиками или нет, должны получать равные доли в доходе. Мы согласны допустить в виде чисто временной меры, чтобы пайщики получали небольшой процент.

6. ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ РАБОЧИЕ СОЮЗЫ (ТРЕД-ЮНИОНЫ). ИХ ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

(a) Их прошлое.

Капитал является концентрированной общественной силой, тогда как рабочий располагает только своей рабочей силой. Следовательно, *договор* между капиталом и трудом никогда не может быть заключен на справедливых условиях, справедливых даже с точки зрения общества, в котором собственность на материальные средства существования и труда противостоит живой производительной силе. Социальная сила рабочих заключается только в их численности. Но сила численного превосходства уничтожается их разобщенностью. Разобщенность рабочих создается и продолжает существовать вследствие *неизбежной конкуренции между ними самими*.

Профессиональные союзы первоначально возникли из *стихийных* попыток рабочих устранить или по меньшей мере ослабить эту конкуренцию, чтобы завоевать такие условия договора, которые хотя бы избавили их от положения простых рабов. Непосредственная задача профессиональных союзов ограничивалась поэтому повседневными нуждами, попытками остановить непрерывное наступление капитала, одним словом, — вопросами заработной платы и рабочего времени. Такая деятельность профессиональных союзов не только законна, но и необходима. Без нее нельзя обойтись, пока существует современный способ производства. Более того, эта деятельность должна получить всеобщее распространение путем создания и объединения профессиональных союзов во всех странах. С другой стороны, — сами того не сознавая, профессиональные союзы становились *организационными центрами* для рабочего класса, подобно тому как средневековые муниципалитеты и коммуны были организационными центрами для буржуазии. Если профессиональные союзы необходимы для партизанской борьбы между капиталом и трудом, то они в еще большей степени важны как *организованная сила для уничтожения самой системы наемного труда и власти капитала*.

(b) Их настоящее.

Слишком часто занятые исключительно местной и непосредственной борьбой с капиталом, профессиональные союзы еще

не вполне осознали, какую силу они представляют для борьбы против самой системы наемного рабства. Поэтому они держались слишком в стороне от общего социального и политического движения. За последнее время все же в них, по-видимому, пробудилось* сознание их великой исторической миссии; об этом свидетельствует, например, их участие в нынешнем политическом движении в Англии [170], более широкое понимание ими своей функции в Соединенных Штатах [171] и принятая на состоявшейся недавно большой конференции делегатов тред-юнионов в Шеффилде следующая резолюция:

«Настоящая конференция, должным образом оценивая деятельность Международного Товарищества по объединению рабочих всех стран в единый братский союз, самым настоятельным образом рекомендует различным обществам, представленным здесь, войти в это Товарищество, полагая, что оно существенно содействует прогрессу и процветанию всего рабочего люда» [172].

(с) Их будущее.

Независимо от своих первоначальных целей, они должны теперь научиться сознательно действовать в качестве организующих центров рабочего класса, ставя своей великой задачей его *полное освобождение*. Они должны поддерживать всякое социальное и политическое движение, идущее в этом направлении. Считая себя и выступая на деле представителями всего рабочего класса и борцами за его интересы, они обязаны привлекать в свои ряды и неорганизованных рабочих. Они должны особенно заботиться об интересах рабочих хуже всего оплачиваемых отраслей производства, например, сельскохозяйственных рабочих, которые в силу неблагоприятных условий совершенно беспомощны**. Профессиональные союзы должны доказать всему миру, что они борются отнюдь не за узкие, эгоистические интересы, а за освобождение угнетенных миллионов.

7. ПРЯМЫЕ И КОСВЕННЫЕ НАЛОГИ

(а) Никакие изменения в форме налогового обложения не могут вызвать существенного изменения в отношениях между трудом и капиталом.

(b) Тем не менее, если нужно выбирать между двумя системами налогового обложения, мы рекомендуем *полную отмену косвенных налогов и общую замену их прямыми налогами*;

* В немецком тексте добавлено: «по крайней мере, в Англии». *Ред.*

** Во французском тексте вместо слов «совершенно беспомощны» напечатано: «неспособны к организованному сопротивлению». *Ред.*

Потому, что косвенные налоги повышают цены на товары, так как торговцы прибавляют к этим ценам не только сумму косвенных налогов, но и процент, и прибыль на капитал, авансированный на их уплату;

Потому, что косвенные налоги скрывают от каждого отдельного лица сумму, которую оно платит государству, тогда как прямой налог ничем не замаскирован, взимается открыто и не вводит в заблуждение даже самого темного человека. Прямые налоги, следовательно, побуждают каждого контролировать правительство, тогда как косвенные налоги подавляют всякое стремление к самоуправлению.

8. ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ КРЕДИТ

Инициативу следует предоставить французам.

9. ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС*

(a) Почему европейские рабочие поднимают этот вопрос? В первую очередь потому, что буржуазные писатели и агитаторы сговорились замалчивать его, хотя они и покровительствуют всем национальностям на континенте, даже Ирландии. Какова причина этого замалчивания? Причина та, что и аристократы и буржуа смотрят на темную азиатскую державу, которая держится на заднем плане, как на последний оплот против поднимающейся волны рабочего движения. Эта держава может действительно быть сломлена только путем восстановления Польши на демократической основе.

(b) При современном изменившемся положении Центральной Европы, и в частности Германии, более чем когда-либо необходимо существование демократической Польши. Без нее Германия превратится в форпост Священного союза, при ней она войдет в сотрудничество с республиканской Францией. Рабочее движение всегда будет встречать преграды, терпеть поражения и развитие его будет задерживаться, пока остается нерешенным этот важный европейский вопрос.

(c) Взять на себя инициативу в этом вопросе является в особенности долгом рабочего класса Германии, потому что Германия — одна из участниц разделов Польши.

* Во французском тексте: «О необходимости уничтожения русского влияния в Европе путем осуществления права наций на самоопределение и восстановления Польши на демократических и социальных основах». *Ред.*

10. АРМИИ*

(a) Гибельное влияние больших постоянных армий на *производство* достаточно доказывалось на буржуазных конгрессах всевозможных наименований, на мирных, экономических, статистических, филантропических и социологических конгрессах. Поэтому мы считаем совершенно излишним распространяться на эту тему.

(b) Мы предлагаем всеобщее вооружение народа и всеобщее обучение пользованию оружием.

(c) Мы допускаем в качестве временно необходимой меры существование небольших постоянных армий, служащих школами для обучения командного состава милиции; каждый гражданин мужского пола должен в течение очень короткого времени служить в этих армиях.

11. РЕЛИГИОЗНЫЙ ВОПРОС**

Инициативу следует предоставить французам.

* Во французском тексте: «Постоянные армии в их отношении к производству». *Ред.*

** Во французском тексте: «Религиозные идеи; их влияние на социальное, политическое и интеллектуальное развитие». *Ред.*

Написано К. Марксом в конце августа 1866 г.

Напечатано в газетах «The International Courier»

№№ 6—7, 20 февраля и №№ 8—10, 13 марта 1867 г.

и «Le Courier international» №№ 10 и 11, 9

и 16 марта 1867 г., а также в журнале

«Der Vorbote» №№ 10 и 11, октябрь

и ноябрь 1866 г.

Печатается по тексту газеты «The International

Courier», сверенному с текстом газеты

«Le Courier international» и журнала

«Der Vorbote»

Перевод с английского

КРИТИКА МАРКСИЗМА

РЕВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНАЯ ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКАЯ?²

В. Дамье

Начался двадцать первый век. Для обывателей - это время смутных страхов, мистических увлечений и апокалиптических прогнозов. Для историков - хороший повод оглянуться назад и окинуть взглядом миновавшее столетие.

Здесь не место и не время рассуждать о том, чем был этот век - эпохой войн и революций, борьбы тоталитаризма и демократии или же периодом самой глубокой контрреволюции. Обратим внимание только на два сегмента из пестрой палитры событий, тенденций, идей и людей.

Первый. В двадцатом веке была окончательно (окончательно ли?) похоронена теория освобождения человека через «идеальное» рациональное государство. Мечта Платона, тысячелетия вдохновлявшая утопистов, оказалась несостоятельной. Свобода не может придти через рабство, равенство (отсутствие иерархии) недостижимо через иерархию, самоуправление немислимо через авторитаризм и власть.

Второй момент, вытекающий из первого. Исторический спор, перенятый двадцатым веком из предшествовавшего ему столетия, - спор между авторитарным и антиавторитарным социализмом, между марксизмом и анархизмом - завершается в пользу анархизма. Правда, это почти посмертная победа, пока что не более, чем моральное удовлетворение. Анархистские движения, объединявшие миллионы людей до второй мировой войны, истекли кровью в неравной борьбе со своими противниками со всех сторон. Им так и не было дано реализовать свой идеал на практике, и они ушли в историю, оставив после себя лишь небольшие группы, хранящие огонь идей. Но их исторический соперник - марксизм - с его идеей освобождения через принуждение или, говоря словами Г. Маркузе, «воспитательной диктатуры» (1) потерпел крах. Цель свободы не оправдала авторитарных и этатистских средств. Попытки создать социал-демократическое «народное государство» или «пролетарское полугосударство» закончились - в первом случае обыкновенным капитализмом, в котором «демократия ... является наиболее эффективной формой господства» (2), во втором - «особым путем» к капитализму: установлением жесточайшей тоталитарной диктатуры бюрократии, перешедшей затем в более «нормальный» буржуазный строй. Сегодня бывшая марксистская левая полностью отказалась

² http://bakunista.nadir.org/index.php?option=com_content&task=view&id=163&Itemid=41

от своей конечной цели - если не на словах, то на деле. Бывшие и нынешние «коммунистические» партии поддерживают приватизацию и вполне верны неолиберальному духу времени.

Даже такой убежденный противник левых, как Э. Нольте, сейчас признает: «Совершенно новая ситуация может возникнуть лишь в том случае, если вечная левая вновь обретет мужество для возвращения к своим самым старым интенциям, а именно, к своей принципиальной враждебности по отношению к границам, дифференциации, конфликтам, и выступит за «смешение всех рас и народов», за ликвидацию индустриальной экономики, основанной на разделении труда, за устранение «мужского культа» и связанной с этим динамики европейско-американской цивилизации как основы раздора и дисгармонии». (3) Иными словами, единственный шанс для левой альтернативы - это возврат к ценностям и идеям антиавторитарного социализма.

Настало время для историков вернуться к истокам и перипетиям спора между антиавторитарным и авторитарным крылом революционного движения и заново проанализировать идеи и доводы тех и других. Там, в прошлом мы сумеем отыскать не только основы идейно-политического противоборства двадцатого века, но, возможно, и некоторые аргументы для будущего.

* * *

По меткому замечанию аргентинского теоретика анархизма Э. Лопеса Аранго, как антиавторитарный, так и авторитарный социализм сложились на основе различных ответов - не на вопрос «почему» существует эксплуатация, а на вопрос «как» покончить с несправедливой общественной системой. (4)

В созданном в 1864 г. Первом Интернационале, который представлял собой, по существу, «организованный в международном масштабе профсоюз» (5), состояли сторонники самых разных течений, у каждого из которых были свои представления о социальной трансформации. Среди них были британские тред-юнионисты, французские прудонисты и бланкисты, немецкие марксисты и лассальянцы, итальянские мадзинисты, бельгийские коллективисты, наконец, сторонники «Альянса социалистической демократии» (бакунисты). Не все из них были революционными. Тем не менее, на первом этапе можно было говорить о некоем консенсусе. Он был зафиксирован во введении к уставу Интернационала: «...экономическое освобождение трудящихся есть та великая цель, которой должно быть подчинено всякое движение политическое». (6) Более того, марксисты и бакунисты выступали совместно по ряду принципиальных вопросов, особенно в борьбе с прудонизмом (предшественниками современного «рыночного социализма») по вопросу об общественной собственности на средства производства на Базельском конгрессе Первого Интернационала (1869 г.). Однако это коллективистское большинство, «объединяющее Гене-

ральный совет, вдохновляемый Марксом, представителей британских профсоюзов, немецких социалистических организаций, бельгийской секции, представленной С. Де-Папом, и секциями, находившимися под влиянием Бакунина, не пережил собственной победы». (7) Уже в 1872 г. Интернационал раскололся на две организации: марксистскую и антиавторитарную («бакунистскую»). От них берут начало соответственно авторитарный и антиавторитарный (анархистский) социализм XIX - XX вв.

Размежевание в международном движении было связано не только с личными конфликтами в организации, но и, в первую очередь, с различным пониманием самой революционной борьбы и ее задач. Расхождения в цели существовали, но играли второстепенную роль. (8) Маркс «хочет того же, чего хотим мы: полного торжества экономического и социального равенства, - но в государстве и при посредстве государственной власти, при посредстве диктатуры очень сильного и, так сказать, деспотического временного правительства, то есть посредством отрицания свободы», - писал Бакунин. (9)

Маркс еще в середине 40-х гг. XIX в. пришел к принципиальному выводу о том, что «пролетарии, чтобы отстоять себя как личности, должны уничтожить имеющее место до настоящего времени условие своего собственного существования, ... т.е. должны уничтожить труд. Вот почему они находятся в прямой противоположности к той форме, в которой индивиды, составляющие общество, до сих пор выражали себя как некоторое целое, а именно к государству, и должны низвергнуть государство, чтобы утвердить себя как личности». (10) Такие высказывания, а так же резкое противопоставление Марксом Парижской коммуны 1871 года с ее территориальным самоуправлением и вольными ассоциациями работников бонапартистскому бюрократическому государству дали основания некоторым исследователям утверждать, что Маркс был «теоретиком анархизма», который «зложил рациональные основы анархистской утопии» и намеревался написать (но так и не написал) книгу о государстве с безвластных позиций. (11) Однако и они признают, что Маркс, конечно же, не был «практиком анархизма». Антиэтатистская цель оказалась принесена в жертву соображениям «реальной политики». Разумеется, это не было случайностью, а коренилось глубоко в самой марксовой философии истории. Согласно ей, социальная революция и будущее свободное общество станут естественным следствием противоречий самого капитализма, плодом его «диалектического развития», концентрации, централизации и рационализации производства. Иными словами, свержение капитализма следует логике самого капитализма и может быть лишь столь же авторитарным, как и она. (12)

«В классической теории Маркса переход от капитализма к социализму рассматривается как политическая революция: пролетариат разрушает политический аппарат капитализма, сохраняя при этом технологический аппарат и

подчиняя его целям социализации», - отмечал Г. Маркузе. - «Революция обеспечивает определенную непрерывность: в новом обществе технологическая рациональность, освобожденная от иррациональных ограничений и деструктивных функций, сохраняется и совершенствуется... Маркс полагал, что организация аппарата производства «непосредственными производителями» должна привести к качественным изменениям в технической непрерывности: а именно, к направлению производства на удовлетворение свободно развивающихся индивидуальных потребностей». (13) Его ошибка заключалась во мнении, будто индустриальная форма общественной и производственной организации, «по крайней мере, в том, что касается технической основы развития производительных сил, может служить моделью для построения нового общества». (14) В действительности огромные централизованные индустриальные комплексы почти невозможно социализировать, то есть поставить под сознательный контроль ассоциированных производителей. То же самое относится к системе централизованного управления общественными делами, то есть к государству.

Однако, следуя теории о том, что буржуазная политическая форма («надстройка») сдерживает развитие производственной и технической основы общества, Маркс и Энгельс уже в 1848 - 1850 гг. пришли к выводу о том, что первоочередная задача сводится именно к разрушению этой политической формы и к замене ее новой. По их мнению, следовало сосредоточиться на «завоевании пролетариатом политической власти как первом средстве преобразования всего существующего общества». В результате произойдет «низложение всех привилегированных классов, подчинение этих классов диктатуре пролетариев». «Первым результатом пролетарской революции... будет централизация крупной промышленности в руках государства, то есть господствующего пролетариата». Но установление самой этой новой власти лишь откроет процесс «непрерывной революции вплоть до установления коммунизма», как «необходимая переходная ступень к уничтожению классовых различий вообще, к уничтожению производственных отношений, на которых покоятся эти различия, к уничтожению всех общественных отношений, соответствующих этим производственным отношениям». (15) Иными словами, политическая революция открывала революцию социальную: предстояло «сломать» старую государственную машину и создать новую, «пролетарскую», которая затем должна была осуществить преобразование производственных и общественных отношений с тем, чтобы впоследствии исчезнуть вместе с классовым делением общества.

Но марксистская «реальная политика» этим не ограничивалась. На пути к революции предполагалось широко использовать политические формы существующей буржуазной системы. Последователи Маркса выступили за участие в парламентских выборах и «давление» на буржуазию, поскольку «в интересах

рабочих поддерживать буржуазию в ее борьбе против всех реакционных элементов до тех пор, пока она верна самой себе». «С помощью свободы печати, права собраний и союзов он (пролетариат) завоевывает себе всеобщее избирательное право, с помощью же всеобщего и прямого избирательного права, в сочетании с указанными агитационными средствами, - все остальное». (16)

С такими представлениями Маркс и его сторонники пришли в Первый Интернационал. Там они попытались добиться принятия этой линии. В подготовленной Марксом редакции манифеста («адреса») говорилось о том, что «завоевание политической власти стало... великой обязанностью рабочего класса». (17) Аналогичные положения содержались и в ряде других документов Генерального совета (в докладе о кооперативных товариществах на Женевском конгрессе 1866 г., в заявлении по поводу мнимого заговора французских членов Интернационала 1870 г.), но не находили отражения в решениях Интернационала (Генеральный совет был не решающим, а техническим и связующим органом).

Против такого подхода выступило антиавторитарное крыло Интернационала, которое начало формироваться вокруг Бакунина и его сторонников. Сам Бакунин характеризовал его позиции так: «Мы хотим достичь того же торжества экономического и социального равенства путем уничтожения государства и всего, что зовется юридическим правом и, с нашей точки зрения, является перманентным отрицанием человеческих прав. Мы хотим перестройки общества и объединения человечества не сверху вниз, при посредстве какого бы то ни было авторитета и с помощью социалистических чиновников, инженеров и других официальных ученых; мы хотим перестройки снизу вверх, путем свободной федерации освобожденных от ярма государства рабочих ассоциаций всех видов». (18)

С точки зрения Бакунина, государство не может быть нейтральным инструментом, которое в состоянии использовать любые социальные силы и с любой целью. Он сформулировал положение о противоречии между обществом и государством: «Общество - это естественный способ существования совокупности людей... Оно медленно развивается под влиянием инициативы индивидов, а не мыслью и волей законодателя... Государство не является непосредственным созданием природы; оно не предшествует, как общество, пробуждению человеческой мысли... Оно стоит над обществом и стремится его полностью поглотить». Государство было «необходимым злом» на протяжении части человеческой истории, но больше оно не нужно. Более того, оно - орудие господства и несвободы и потому не может быть инструментом или средством освобождения. «Если есть государство, то непременно есть господство, следовательно, и рабство; государство без рабства... немислимо - вот почему мы враги государства». (19)

История развития «естественного общества», согласно Бакунину, - это история развития коллективной и индивидуальной свободы людей. «Свобода - подобно человечности, чистейшим выражением которой она и является - представляет собою не начало, а наоборот, завершительный момент истории». Этой свободе противостоит стремление к господству: «Все исторические несправедливости, все войны, все политические и социальные привилегии имели и имеют своей главной причиной и своей целью захват и эксплуатацию какого-либо ассоциированного труда в пользу более сильных... Такова истинная историческая... причина так называемого права частной и наследственной собственности». Вот почему для освобождения человечества необходим решительный разрыв со всеми основами существующего строя, «радикальная и всемирная, одновременно философская, политическая, экономическая и социальная революция». (20) Она призвана немедленно уничтожить политическую власть (государство) и частную собственность, заменив их вольной ассоциацией производителей.

Бакунин не разработал систематической теории революции. Но можно утверждать, что он подходил к ней в соответствии со своей концепцией истории, которая позволяет считать его одним из основоположников «негативной диалектики» - представления о возникновении нового не из противоречий старого, а как отрицания логики старого. Согласно Бакунину, «история представляется нам как революционное отрицание прошлого, иногда медленное, апатичное, сонное, иногда страстное и мощное. Она состоит именно в прогрессивном отрицании первобытной животности человека посредством развития его человечности». (21) В социальной революции, свергающей капитализм и государство, он видел прежде всего, стихийный бунтарский взрыв масс и спонтанную самоорганизацию снизу вверх.

Бакунин выступил против предложенной Марксом очередности: сначала - политическая революция, затем - социальная и экономическая. Он предостерегал авторитарных социалистов, что такой подход - попытка освободить «несознательных» трудящихся через создание «их» государства - даже против воли самих марксистов приведет к перерождению революции и установлению господства нового привилегированного класса - бюрократии и технократии. В таком режиме Бакунин видел попытку осуществить идею «государства ученых» (мнимых или действительных), которое понимает себя как «временную» диктатуру с целью «образовать и поднять народ как экономически, так и политически до такой степени, что всякое управление делается... ненужным» и государство «упразднится». В действительности, предсказывал он, эта деспотическая власть будет лишь поддерживать сама себя. (21)

Столкновение двух столь различных представлений о революции должно было рано или поздно взорвать Интернационал. Так и произошло. В сентяб-

ре 1871 г. Генеральный совет во главе с Марксом собрал в Лондоне конференцию, на которой были в одностороннем порядке приняты принципиальные решения, менявшие структуру и курс международной организации. В частности, расширены полномочия Генерального совета (ему приданы решающие функции). В резолюции «О политическом действии рабочего класса» говорилось о необходимости завоевания рабочими политической власти и объединения их с этой целью «в особую политическую партию». (22) В ответ на это конгресс Романской федерации Интернационала, находившейся под влиянием антиавторитарного крыла, принял резолюцию, в которой указывалось, что «всякое правительство, или политическое государство, есть ничто иное, как организация буржуазной эксплуатации», и «всякое участие рабочих в буржуазной правительственной политике не может иметь других последствий, как только укрепление существующего порядка вещей». Конгресс рекомендовал всем секциям Интернационала «отказаться от всякой деятельности, имеющей целью социальные изменения при посредстве политических национальных реформ и предлагает перенести всю свою энергию на устройство федеративных профессиональных союзов, - единственного орудия, могущего обеспечить успех социальной революции». (23) В 1872 г. марксисты и бланкисты на конгрессе Интернационала в Гааге добились подтверждения решений Лондонской конференции и исключения Бакунина. Сторонники антиавторитарного крыла провели собственный конгресс в Сент-Имье, на котором объявили решения, принятые в Гааге, недействительными. Участники заявили: «Любое государство, то есть любое правительство и любое администрирование народными массами, неизбежно основанное на бюрократии, армиях, судах, шпионаже и клире, никогда не сможет установить социальную организацию на основе свободного труда и справедливого участия в произведенных продуктах, поскольку по самой сути своих институтов оно является тираническим и несправедливым. Рабочий может освободиться от векового угнетения только заменив государство... свободной федерацией всех групп производителей на основе солидарности. Для достижения этой цели, необходима организация для сопротивления посредством стачки, которая научит... рабочих сознавать бездну, отделяющую буржуазию от пролетариата, укрепит рабочую организованность и подготовит трудящихся к великой революционной борьбе...» (24) Конгресс постановил, что первой обязанностью пролетариата является уничтожение всякой политической власти, что любая организация политической власти, пусть даже временная, революционная и служащая только осуществлению своего разрушения, стала бы очередным обманом. (25) Так возникли две различные международные организации под одним и тем же названием - Международная ассоциация трудящихся (старый, традиционный перевод - «Международное товарищество рабочих»).

Пути государственнического и антиавторитарного социализма окончательно разошлись.

* * *

Последующее развитие марксистского течения знаменовалось дальнейшим нарастанием этатистских и индустриалистских тенденций. Политической формой его организации стали социал-демократические партии. Первая из них возникла в Германии в 1869 г. (Социал-демократическая рабочая партия), в 1875 г. она объединилась с лассальянцами в Социалистическую рабочую партию Германии (позднее - Социал-демократическая партия Германии). СРПГ приняла программу в лассальянском духе, гласившую, что партия «прежде всего действует в национальных рамках», требует демократизации существующего государства и «добивается всеми средствами осуществления свободного государства и социалистического общества». И хотя Маркс подверг эти положения критике, они были утверждены и действовали до 1890 г. (26)

Теоретики социал-демократии постепенно все больше отходили от прежней, разработанной Марксом концепции революции и «переходного» государства. Апологетизация средств достижения цели в ущерб самой цели, которая чем дальше, тем больше отодвигалась в нереальное будущее, отнюдь не была характерна только для правого (так называемого ревизионистского) крыла партийных социалистов. Эта тенденция вполне соответствовала жестко-детерминистскому истолкованию философии Маркса, в соответствии с которым социалистическое общество закономерно и «необходимо» выросло из капиталистического. Механистический детерминизм был в духе индустриальной эпохи с ее всепроникающей «формальной рациональностью».

Выступая на съезде СДПГ в Галле в 1890 г., лидер СДПГ В. Либкнехт заявил: «Кто может четко разграничить современное государство и будущее? Современное государство вырастает в будущее, равно как и будущее государство проглядывает уже в современном». Через год, на съезде в Эрфурте, он пояснил: «Социализм не есть произвольное изобретение... Так называемое государство будущего,... основы которого мы можем, само собой разумеется, обрисовать только в общих чертах, является необходимым, неизбежным последствием современного капиталистического государства, также как и социалистическое производство есть необходимое последствие и вывод из современного капиталистического производства... Социализм есть последствие современного капитализма, социалистическое государство есть преемник и наследник капиталистического государства». (27)

Подобная позиция социал-демократии вела, прежде всего, к представлению о социалистической экономике как о чем-то еще более укрупненном и централизованном, нежели капиталистическое хозяйство, некоем едином ор-

ганизме, «научно» и рационально управляемом из единого центра. Ведущий теоретик СДПГ К. Каутский, говоря об «исторической задаче капитала», которая состоит в том, чтобы «дисциплинировать и организовать рабочих», призывал учиться рационализации производства у «американских трестов». (28) Иными словами, «подавление спонтанности рабочих, их подчинение дисциплине в соответствии с потребностями капитала в ходе промышленной революции и развитой индустриализации приветствуются как предпосылка для функционирования социалистического общества». (29)

Заметим, что восхваление индустриально-капиталистической формы организации производства было характерно отнюдь не только для немецких социал-демократов. К тем же самым доводам прибег В. Ленин в полемике с П. Аксельродом, который критиковал централистское устройство по образцу индустриальной фабрики: «Именно фабрика... и представляет из себя ту высшую форму капиталистической кооперации, которая объединила, дисциплинировала пролетариат...». Лидер большевиков пояснял, что имеет в виду дисциплину, основанную «на совместном труде, объединенном условиями высокоразвитого технического производства». (30) Позиция самого Маркса по этому вопросу была гораздо более неоднозначной и противоречивой. Считая капитализм явлением прогрессивным, с точки зрения развития кооперации и общественного характера производства, он, в то же самое время, утверждал: «Техническое подчинение рабочего однообразному ходу средств труда и своеобразное сочетание трудового организма из индивидуумов обоего пола и самых различных возрастных ступеней создают казарменную дисциплину, которая вырабатывается в совершенный фабричный режим...». (31) В сознании большинства социал-демократов эта двойственность была преодолена в пользу явной индустриалистской апологетики.

Вторым следствием детерминистского подхода стал отказ ведущих социал-демократических теоретиков от антиэтатистских элементов в позиции Маркса. Идеализированная модель индустриально-капиталистической фабрики была перенесена ими на представления об обществе в целом. Социализм стал пониматься прежде всего как рационально организованная общественная система, с детальным разделением труда и профессиональной функциональной специализацией, то есть с иерархией функций, ролей и прав принимать те или иные решения. На Эрфуртском съезде СДПГ В. Либкнехт, говоря о спорах, «есть ли социалистическое общество государство или нет», заявил: «Я не мог убедиться в том..., что в слове и понятии «государство» само по себе заключено понятие о подчиненности и эксплуатации. Ведь слово «государство» имеет очень широкое значение; вообще оно означает упорядоченное общество». (32) И хотя мнение о сохранении государства при социализме еще оспаривалось некоторыми товарищами В. Либкнехта по партии, СДПГ в далеко идущей сте-

пени отождествляла огосударствление и обобществление средств производства. В резолюции Ганноверского съезда социал-демократии прямо указывалось, что «она видит историческую задачу пролетариата в завоевании политической власти, чтобы с помощью ее обобществить средства производства...» (33) При этом чем дальше, тем больше отодвигалась сама революция, становясь все более абстрактным «актом в (отдаленном - В.Д.) будущем, политической катастрофой». (34) Процесс «формализации» захватил социал-демократию, приводя к подмене цели набором средств. На практике речь шла уже не столько о разрушении старого, буржуазного государства (даже с заменой его «временным», пролетарским, как у Маркса), а о приобретении власти в нем. Как писал К. Каутский, цель политической борьбы социал-демократов состоит в «завоевании государственной власти посредством приобретения большинства в парламенте и превращение парламента в господина над правительством. Но не в разрушении государственной власти». Если революция уничтожит старую государственную машину, то это сделает невозможным последовательное, конструктивное созидание нового, поскольку «ввести социалистический способ производства» можно лишь «с помощью законодательных мероприятий», «огосударствления отраслей экономики». (35) Еще дальше в этом отношении пошли правые социал-демократы. Они открыто отвергли идею «диктатуры пролетариата» как «примитивной демократии» без функционеров и чиновников-профессионалов. (36)

Орудием завоевания политической власти в государстве, с точки зрения социал-демократов, должна была стать их партия. В представлениях Маркса, «пролетарская партия» должна была объединять в условиях старого общества тех представителей или сторонников рабочего класса, кто сознательно встал на позиции «научного социализма»; в предлагавшейся им «пролетарской диктатуре» (на примере Парижской Коммуны) для нее уже не было места. Ориентация на завоевание политической власти в существующем государстве предполагала переосмысление роли партии как инструмента борьбы за нее. Одним из ведущих теоретиков такого рода организации выступил К. Каутский. Он отстаивал «необходимость» не только идейного просвещения рабочего класса партией («извне»), но и партийного руководства классово-борьбой пролетариата - в чисто организационном, техническом смысле. Речь шла о формировании особой централизованной и иерархически построенной структуры профессиональных политиков, литераторов и т.д., за которыми закреплялись определенные властные и руководящие функции. Эти партийные и профсоюзные чиновники, а также депутаты парламентов должны были являться освобожденными работниками, работающими за особую плату, чиновниками. При завоевании политической власти партийная верхушка занимала, таким образом, также лидирующее положение в государстве, основанном на тех же централистских и

властных началах, что и сама партия, перенимающая индустриалистски-капиталистическую организационную логику. В партиях II Интернационала и находящихся под их влиянием профсоюзах формировалась иерархия бюрократии, которая заявляла, что представляет интересы трудящихся, но на деле все больше действовала в собственных политических интересах.

Если Маркс допускал участие в парламентских выборах, как одно из средств борьбы, позволяющее, по его мнению, расширить права и гарантии для рабочего класса, то для социал-демократов выборы превратились в едва ли не основной путь завоевания политической власти.

Результатом идейной и практической эволюции марксизма в его социал-демократической (II Интернационала) интерпретации стал, по существу, отказ от марксовской концепции политической революции как начала революции социальной и интеграция социалистических партий в системы национальных буржуазных государств. Произошло «врастание в мир идей старого общества»; «те самые партии, которые выступили вначале, чтобы под флагом социализма завладеть политической властью, под давлением железной логики обстоятельств вынуждены были шаг за шагом жертвовать своими социалистическими принципами в пользу национальной политики государств». (37)

Левое крыло социал-демократии пыталось защищать прежнюю, предложенную Марксом модель политической революции, разрушающей буржуазное государство. Наиболее решительно за разрыв с господствующей логикой II Интернационала выступила так называемая «голландско-германская» школа «левых коммунистов» (будущие «коммунисты рабочих Советов»). Ее виднейший теоретик А. Паннекук еще в 1912 г. заявлял: «Борьба пролетариата - это не просто борьба против буржуазии за государственную власть как объект, но борьба против государственной власти... Содержание этой революции - уничтожение и растворение средств власти государства средствами власти пролетариата... Борьба прекращается только тогда, когда в конечном результате наступает разрушение государственной организации». (38)

Для А. Паннекука революция была не политическим актом завоевания власти партией (в результате «катастрофического» переворота в отдаленном будущем или же парламентских выборов), а «процессом» самоорганизации, собирания сил и массовых действий рабочего класса, логически приводящих к слому государственной машины и к «господству пролетариата». (39)

Лидер российских большевиков В. Ленин в 1917 г. также заявлял «все прежние революции усовершенствовали государственную машину, а ее надо разбить, сломать. Этот вывод есть главное, основное в учении марксизма о государстве». Следуя за индустриалистскими воззрениями II Интернационала, Ленин считал экономическую структуру послереволюционного общества дальнейшим развитием капиталистического фабричного производства, но, в отли-

чие от них, полагал, что поставить его на службу всему обществу может только новое пролетарское «полугосударство - Коммуна»: «Свергнуть капиталистов, разбить железной рукой вооруженных рабочих сопротивление всех эксплуататоров, сломать бюрократическую машину современного государства - и перед нами освобожденный от «паразита» высоко технически оборудованный механизм, который вполне могут пустить в ход сами объединенные рабочие, нанимая техников, надсмотрщиков, бухгалтеров, оплачивая работу всех их, как и всех вообще «государственных чиновников, заработной платой рабочего». (40)

Верный марксистской теории стадий в развертывании социальной революции, В. Ленин утверждал, что после политической революции и экспроприации «все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством зарплаты. Но эта «фабричная» дисциплина, которую победивший капиталистов, свергнувший эксплуататоров пролетариат распространит на все общество, никоим образом не является ни идеалом нашим, ни нашей конечной целью, а только ступенькой, необходимой для радикальной чистки общества от гнусности и мерзости капиталистической эксплуатации и для дальнейшего движения вперед». (41) В ходе этого движения будет происходить постепенное «отмирание государства».

Эти ключевые идеи, высказанные Лениным в его брошюре «Государство и революция», представляли собой, во многом, возвращение от этатизма II Интернационала к «смешанному» взгляду Маркса на политическую и социальную революцию. Однако в таком существенном вопросе, как роль авангардной партии «нового типа», В. Ленин остался верен централистским воззрениям, преобладавшим в лоне довоенной социал-демократии. Более того, он значительно ужесточил их. Он высказывал убежденность, что «поголовная организация пролетариата диктатуры его осуществить непосредственно не может», и эта функция должна принадлежать партии. После прихода к власти ее задачей станут «просвещение, воспитание, организация» масс, «превращение их в... союз свободных работников». (42) На практике правление большевистского авангарда в России привело к созданию жестко иерархического режима, к установлению тотального контроля партийно-государственной бюрократии над обществом. При этом Советы превратились в придаток партии, осуществлявшей свою политику при помощи открыто-террористических методов. «В России подтвердилось на практике то, что теоретически само собой разумеется: что централистская партия - какое бы честное желание ее ни окрыляло - никогда не сможет создать Советы. Она тонет в бюрократизме. Она существует в нем и через него. В России бюрократия комиссариатов. Именно она правит. Там нет системы Советов. Образованные в ходе открытых выборов, по партийным спискам и в условиях неслыханного правительственного террора «Советы» - это не Советы в революционном смысле слова. Это фасад. Это политический обман.

Обман всего мира. Вся власть в России принадлежит бюрократии - смертельному врагу системы Советов. Смертельному врагу, поскольку то, что наполовину - всегда враг целого» - писал в 1921 году немецкий левый коммунист Отто Рюле. Результатом деятельности такого режима стал строй гонимого капитализма.

Опыт большевистского эксперимента наглядно подтвердил предупреждения анархистов о невозможности осуществления социальной революции через политическую, то есть с помощью захвата власти. Разрыв во времени акта слома государственной машины буржуазии и процесса экспроприации частной собственности неизбежно должен был привести к возникновению ситуации «небуржуазной» политической надстройки над «смешанным» базисом, то есть к сохранению классов и классовой борьбы после переворота. При этом новая политическая структура превращалась в авторитарный, властный орган как для подавления сохраняющей экономическую власть буржуазии (с помощью национализации хозяйства «сверху» и мер карательного характера), так и для управления «некапиталистическим» сектором экономики, который должен был существовать в условиях конкуренции с частным. Таким образом, политическая революция открывала дорогу не столько социальной революции снизу, сколько социальным преобразованиям, осуществляемым сверху новой властью. При этом «воспитательная диктатура» нуждалась в аппарате, механизме реализации принимаемых ею решений. Вот почему неминуемым образом возникли бюрократические структуры, которые рано или поздно должны были отбросить саму идею «воспитательной диктатуры» - если не открыто, то на деле, сохраняя при этом прежний, революционный фасад исключительно в целях легитимации собственного господства. В этом смысле, как писал П. Кропоткин, большевики действительно продемонстрировали всем, «как не следует делать» социальную революцию. (43)

Вместо «отмирания» государства после революции произошло его восстановление и укрепление. Выросшая из этого процесса сталинистская диктатура означала, по существу, полный разрыв с социализмом в его марксовом понимании.

«Левые коммунисты» в Голландии и Германии выступили против партийной диктатуры. Они пришли к заключению, что «создание рабочими их собственных органов власти и действия - Советов - уже означает разложение и растворение государства», а «основная линия развития» от капитализма к коммунизму - это «завоевание политической власти, введение системы Советов, ликвидация частного хозяйства». При этом - в отличие от того, что произошло в России - следует противодействовать возникновению «рабочей бюрократии». (44) Новая пролетарская власть, то есть «отмирающее государство», не должна быть диктатурой партии или ее вождей, напротив, задача партии состоит имен-

но в том, чтобы «по мере сил поддерживать... пролетариат на его пути к освобождению от всякого вождизма». (45) Установление партийной власти - это «преступление против революции»; «нужна не диктатура партии или клики вождей, а диктатура класса», - писал «левый коммунист» Г. Гортер. Он описывал эту систему как возникающую еще в предреволюционный период структуру производственных и отраслевых рабочих организаций - Советов и их объединений. В ходе революции этой всеобщей рабочей ассоциации предстояло сломать государственную власть буржуазии и заменить ее системой рабочего самоуправления. Коммунистическая партия, в представлении Г. Гортера, должна была объединить на предреволюционном этапе «ту часть пролетариата, которая обладает большими и глубокими знаниями» и, тем самым, позволить «избежать оппортунизма, индивидуализма, утопизма в производственной организации». (46)

Впоследствии часть «левых коммунистов» заявила о ненужности политической «пролетарской партии» вообще и о своей ориентации на самоорганизацию рабочего класса в ходе классовой борьбы. Не отказываясь от философии и аналитических методов Маркса, многие «коммунисты рабочих Советов» стали сближаться в практических выводах с анархистскими представлениями о социальной революции и социалистическом обществе. Они продолжали говорить о «пролетарской власти», но подчеркивали «незначительность» отличий своих позиций от анархистских, сводя функции всеобщей рабочей организации не к роли государства, а к координации хозяйственной деятельности на основе статистического выявления потребностей конкретных людей и их удовлетворения (то есть «планирования снизу») и к «управлению вещами и процессами». (47)

Таким образом, эволюция традиционно-марксистского крыла социализма привела шаг за шагом к тому, что сначала большинство социал-демократии, а затем и ее левого крыла отказались от выдвинутой Марксом модели социальной революции, начинающейся с революции политической. Социал-демократические партии отвергли революционный путь преобразования капиталистического общества (официально и окончательно это было сделано только после второй мировой войны). Сталинисты, на словах сохранявшие верность ленинистской схеме «воспитательной диктатуры партии», на деле уже не хотели никого воспитывать, а выражая интересы бюрократической верхушки партии и государства продолжали ленинский курс на установление государственно-капиталистических режимов, не имевшие ничего общего с социализмом. Небольшая часть ленинистов, не принявших сталинизм (прежде всего, троцкисты) продолжали ссылаться на идеи «Государства и революции» и настаивали на ведущей роли партии как основы для воспитательной диктатуры. Что касается «левых коммунистов», которые попытались вернуться к марксовой ортодок-

сии в вопросе о революции, то сама логика развития заставила их выбирать между двумя полюсами в противоречивой концепции Маркса - антиавторитарной целью и авторитарным путем к ней. «Коммунисты рабочих Советов» выбрали первую и сблизилась с анархистами.

* * *

Посмотрим теперь, как развивались представления о революции в другом крыле наследников I Интернационала - «антиавторитарном», то есть анархистском.

Если у Бакунина революция была, прежде всего, разрушительно-созидательным бунтом, то последующие теоретики анархизма стремились развить прежде всего понимание социальной революции как общественного процесса, продолжающего определенные тенденции развития человечества. «Революция, ликвидируя государственную власть и монополию частной собственности, не может создать новые силы, которые еще не существуют. Однако она освободит пространство для развития всех имеющихся сил, всех способностей, она устранил все классы, заинтересованные в том, чтобы сохранять массы в невежестве и нужде, и сделает возможным для каждого действовать в соответствии со своими способностями, интересами и склонностями и оказывать влияние на других», - утверждал итальянский анархист Э.Малатеста. (48) Революция должна быть праздником освобождения людей, а не авторитарным актом мести. Он писал: «лишь только если понимать революцию как большое наслаждение (праздник) человечества, как освобождение и братание всех людей, к каким бы классам и партиям они ни принадлежали, можно осуществить наш идеал. Жестокое возмущение, безусловно, будет иметь место, и оно послужит для того, чтобы нанести последний удар, который низвергнет существующий порядок. Но если оно не найдет противовеса со стороны революционеров, которые борются за идеал, оно пожрет само себя. Ненависть не порождает любви, ненавистью нельзя омолодить мир. И революция ненависти либо полностью провалится, либо уступит место новому угнетению...» (49)

Французский анархист Э.Реклю подчеркивал неразрывное единство эволюции и революции в деле социального освобождения человечества. По его словам, вторая следует за первой «как дела за волей к действиям. В общем, эти два слова имеют различное значение лишь постольку, поскольку они обозначают различные степени развития». Анархисты являются революционерами и одновременно подлинными эволюционистами. Они осознают дух и веяния нового, которые уже инстинктивно чувствуют широкие массы, и «этот инстинкт содержит в себе зерно будущего развития; день ото дня он становится все более определенным и превращается в ясное осознание». Революция освобождает путь уже имеющимся тенденциям: «Если внутри общества имеются силь-

ные, движущие силы, то и внешняя форма общества рано или поздно претерпит изменения». (50)

Каковы были, с точки зрения анархистов, эти общественные тенденции, которые вели человечество к социальной революции? На этот вопрос анархистские теоретики давали различный ответ. Так, для Э.Реклю, к ней ведет эволюция и прогресс идей свободы и солидарности, поскольку «общество всегда формируется сообразно своему идеалу». Репрессивного аппарата государства «недостаточно, чтобы пересилить идею, - и весь старый порядок... вынужден будет быстро перейти в предание о далеком прошлом». По его словам, «неизбежно подступающая теперь революция... будет похожа на предыдущие революции в том, что она не представит собой быстрого скачка: в природе их не бывает». Однако «тысячами передовых явлений, тысячами глубоких совершающихся уже изменений анархическое общество уже давно начало развиваться. Оно проявляется всюду, где свободная мысль сбрасывает с себя путы буквы и догмата, где... воля человека проявляется в независимых поступках, - везде, где люди искренние, возмущившиеся против всякой наложенной на них дисциплины, сходятся по доброй воле, чтобы учиться друг у друга, и без всякого начальства стремятся завоевать свою долю жизни, свое право на удовлетворение своих нужд. Все это - уже анархия, даже тогда, когда она бессознательна, причем, однако, все более и более развивается и сознание». (51) В то же время, Э. Реклю крайне скептически относился к попыткам еще до революции создавать органы и институциональные формы будущего свободного общества (коммуны, кооперативы и т.д.), считая их попытками изолироваться от окружающего мира, которые, к тому же, обречены на поглощение коммерческой и государственной машиной капитализма. (52) Такую же позицию занимал в отношении кооперативов и иных «альтернативных капитализму» хозяйственных структур, к примеру, основоположник испанского анархо-синдикализма А. Лоренсо, заявивший: «...кооперативисты - ни что иное, как дезертиры из рядов труда, которые со своим оружием и багажом переходят к врагу-капиталу». (53) Возражали против попыток предвосхитить в каких-либо организационных формах будущее свободное общество аргентинские анархисты из ФОРА. Они полагали, что в момент осуществления революции трудящиеся должны иметь «полную свободу определять формы структурирования и организации». Главное - это не создание еще в условиях капитализма тех структур, которые могли бы взять на себя функции общественного регулирования «на следующий день» после революции, а распространение идей свободы и солидарности, руководствуясь которыми люди могли бы, свергнув государство и капитал, сами строить свою жизнь на началах анархо-коммунизма. «Чтобы разработать в настоящем этические и экономические основы коммунистического общества, необходимо разрушить в трудящихся дух и привычки рабства, культ закона и почте-

ние к представителям принципа авторитета». Анархистские рабочие организации должны были, по мнению ФОРА, служить делу практического осуществления этих идей, обучения им. (54)

Совершенно иного мнения придерживался немецкий анархист Г. Ландауэр. «Социализм вообще не наступит, если его не создать...», - писал он. - «Мы не ожидаем, пока произойдет революция, чтобы пришел социализм; мы начинаем осуществлять социализм на практике, чтобы тем самым произошел великий перелом». Он призвал трудящихся «выйти из капитализма», создать сеть собственных производственных и потребительских ассоциаций, объединенных в «Социалистический союз», собственную экономическую систему. Постепенно расширяясь, такая структура могла бы не только подготовить социальную революцию, но и стать организационной основой нового общества. (55) Революционные синдикалисты начала XX века утверждали, что рабочие профсоюзы (синдикаты) призваны стать не только органами борьбы с капитализмом, не только школой «революционной гимнастики», но и «ячейками будущего общества», той структурой самоорганизации, которая должна была взять в свои руки в ходе всеобщей экспроприационной стачки управление сначала всеми предприятиями и экономическими учреждениями, а затем - и всеми основными общественными функциями. При этом они аргументировали, во многом, в духе марксистской теории стадий революции. Революционные синдикалисты ожидали, что «ближайшая революция» не приведет непосредственно «к полной реализации анархо-коммунистического идеала», к уничтожению государства, а станет экспроприацией «заводов, фабрик, рудников и т.д. непосредственно синдикатами». Ограниченное таким образом государство будет обречено на постепенное исчезновение: «...Дальнейшая эволюция синдикалистского строя, - переход к полному проведению коммунистических принципов в экономических отношениях, - должна будет привести также к полному исчезновению, вследствие ее ненужности, политической формы сожителства людей». (56)

На фоне двух крайних точек зрения (теории стихийных действий масс и теории стадий) более гибким и разносторонним представлялось мнение П. Кропоткина. Он был убежден, что «скорость человеческой эволюции в данном направлении вполне зависит от интеграла единичных волей» и «найти этот интеграл или хотя бы только оценить его количественно можно, только... следя за самыми простыми, обыденными, мелкими проявлениями человеческой воли». Русский анархист разделял представление французского философа А. Фулье о нравственно-этических «идеях-силах», которые «верны и достаточно широки, чтобы выразить истинную жизнь природы во всей ее совокупности». (57) Развившись из природных инстинктов, они эволюционируют и прогрессируют в человеческом обществе. По мысли П. Кропоткина, эти идеи (прежде всего,

взаимопомощи и свободы) служили мотивами и побуждениями действий человека на протяжении всей истории. Руководствуясь ими и основанными на них идеалами, люди создавали и создают солидарные формы совместной жизни и социальной организации (общины, вольные ассоциации, вольные города, цехи, гильдии, добровольные гражданские объединения, просоюзы, кооперативы и т.д.). Реалии, порожденные классовым разделением, государством и господством, тормозят развитие человеческой солидарности и свободы и находятся с ними и их носителями в постоянной борьбе. Социальная революция призвана устранить эти преграды.

Вот почему для П. Кропоткина имели значение не только процессы идейной и духовной эволюции, но и практические формы организации и подготовки будущей революции. Он полагал, что следует «заняться рассмотрением идеала будущего строя», который сможет послужить мотивирующей «идеей-силой» для человечества. Этот идеал, разумеется, не должен быть плодом чистой и абстрактной фантазии, он призван выражать существующие социальные тенденции. П. Кропоткин пришел к выводу о том, что «среди культурных наций зарождается новая форма общества на смену старой: общество равных между собою». Этот социальный строй анархического (вольного) коммунизма, по его мнению, примет облик своего рода «тройной федерации» - объединения самоуправляющихся производственных ассоциаций, территориальных коммун и функциональных союзов по интересам. Некоторые из таких союзов уже существуют, другие возникнут в ходе революции или позднее, по мере надобности и в соответствии с решением самих заинтересованных в них людей. Социальная революция представлялась русским анархистом как всеобщее народное выступление, в ходе которого немедленно происходит общественная экспроприация государства и капитала (жители берут в свои руки управление населенными пунктами, запасами продуктов и предметов потребления, производственные ассоциации - фабриками и заводами и т.д.). Тем самым уничтожается разделение на классы и особые, отдельные от самих ассоциаций и коммун, аппараты управления. (58) Таким образом, политическая революция (ликвидация старой - и вообще всякой - государственной власти) была для анархистов не начальным моментом последующей социальной революции, а одной из сторон и проявлений ее как комплексного и цельного процесса самоорганизации, экспроприации и самоуправления.

Некоторые из таких самоорганизованных союзов людей, полагал П. Кропоткин, возникают уже при существующем капиталистическом обществе - пусть даже в зародышевом, неразвитом виде. Именно так он относился, например, к рабочим профсоюзам (синдикатам), коммунам и другим организациям, полагая, что только будущее, практический опыт покажут, какую роль

будут играть те или иные из них в ходе социальной революции и развития нового общества. (59)

Тем не менее, свою позицию русский революционер формулировал достаточно ясно. По существу, он выступал за разрыв не только с государством и капитализмом, но и с индустриалистской формой организации хозяйства, с социальной логикой фабричного деспотизма. Подобно другому критику капиталистического индустриального разделения труда Э. Реклю, он считал основой будущего общества вольную территориальную коммуну, которая станет действовать в солидарной координации с другими, но будет в максимально возможной степени ориентироваться на диверсификацию своей хозяйственной жизни, на самостоятельное удовлетворение своих потребностей, на коммунальное «самопроизводство».

Позиция большинства анархистов (кроме части революционных синдикалистов) по вопросу о классах и роли классовой борьбы в революции сильно отличалась от марксистской. Они считали разделение общества на классы не закономерным следствием социально-экономического разделения труда, а социальным злом, подрывающим естественные начала человеческой солидарности и взаимопомощи. «С одной стороны, - писал Э. Малатеста, - люди стремятся объединяться... С другой, среди них проявляется тенденция к расколу на различные и враждебные группы сообразно различию их географической и этнографической ситуации и их экономического положения, а также наличию людей, которым удалось добиться для себя преимуществ, которые они хотят защищать и умножать, и тех, кто борется за какие-либо привилегии или же страдает от несправедливости и привилегий других, желая освободиться от них». Хотя угнетенные и эксплуатируемые вынуждены сопротивляться и бороться против своего положения, само по себе состояние борьбы «противоречит интересам людей и человечества». Вот почему цель анархистов состояла не в победе одного класса общества над другим, а в ликвидации разделения на классы и прекращении социальной борьбы. Обращаясь в первую очередь к угнетенному трудовому народу вообще и пролетариату в частности, они отнюдь не считали, что сама по себе принадлежность к тому или иному классу определяет убеждения человека и делает его привилегированным субъектом движения за социальное освобождение. По словам Э. Малатесты, «анархистская революция... выходит далеко за интересы одного отдельного класса. Ее целью является полное освобождение всего ныне угнетенного человечества в тройном смысле, а именно экономическом, политическом и моральном». (60)

Существенное влияние на разработку анархистской концепции социальной революции оказали в XX веке революция в России и развитие индустриального общества на Западе.

Немалое количество анархистов было вначале настолько воодушевлено революционными событиями в России, что увидело в них то, что желало видеть - торжество своих представлений. Некоторые объявили себя «друзьями большевиков» и сторонниками «диктатуры пролетариата», понимая под ней не столько систему власти, сколько «революционное действие, с помощью которого рабочие овладевают землей и средствами труда и пытаются создать общество, в котором нет места для класса, эксплуатирующего и угнетающего производителей. В этом случае, - пояснял Э.Малатеста, - «диктатура пролетариата» означала бы диктатуру всех и потому уже не была бы диктатурой, точно так же как правительство всех не есть правительство в авторитарном, историческом и практическом смысле слова». (61) Ряд анархистских и синдикалистских организаций даже приняли решение о вступлении в Коминтерн, надеясь в той или иной мере на объединение с левым крылом марксистов, порвавшим, по их мнению, с социал-демократической традицией. Но реальный ход российской революции, установление и укрепление большевистской диктатуры, репрессии против левых сил в новой России быстро открыли глаза большинству анархистов. Стало ясно, что большевистский эксперимент является выражением авторитарных сторон марксизма и не имеет ничего общего с социальной революцией. Размежевание с большевиками стимулировало процессы объединения революционных анархистов. В декабре 1922 г. на конгрессе в Берлине был создан анархо-синдикалистский Интернационал, принявший традиционное имя «Международная ассоциация трудящихся». (62) Однако несбывшиеся надежды оставили глубокую травму. Некоторые из анархистов, не отказываясь от основных своих идейных принципов, все же сочли под влиянием «русского опыта», что «для организации в широких масштабах коммунистического общества необходимо радикально преобразовать всю экономическую жизнь - способ производства, обмена, потребления, а это можно сделать только поэтапно». Анархическая революция должна была, по их мнению, привести вначале к возникновению плюралистического общества, состоящего из многочисленных общин, связанных как коммунистическими, так и коммерческими отношениями. (63) Другие пытались дать ответ на вопрос, почему большевикам удалось одержать победу в русской революции, и полагали, что у них есть чему поучиться в тактической и организационной области. Так, «платформисты» (группа во главе с Н. Махно и П. Аршиновым) выступили за признание принципа классовой борьбы в истории, за создание прочной организации анархистов (фактически - партийного типа), которая могла бы в качестве сплоченной силы участвовать в рабочем профсоюзном движении, играть руководящую идейную и конструктивную роль в революции. По существу, «платформисты» допускали наличие этапов в революции и выполнение Советами властных функций. (64) Немалая часть анархи-

стов подвергла критике такие позиции, сочтя их отходом от антиавторитарных принципов и ценностей вольного коммунизма. (65)

Другой аргумент против немедленного осуществления анархического коммунизма состоял в том, что идея вольной коммуны противоречит «подлинному духу и тенденциям» индустриального этапа развития общества с ее стремлением к универсальности и растущей специализации. Видный историк анархизма М.Неттлау, например, подверг критике «индустриально-деревенскую атомизацию человечества» в анархо-коммунизме и заявил: «Децентрализация... создала нечто противоположное солидарности и умножила причины трений и напряженности. Надежды на улучшение заключаются в восстановлении солидарности, в федерации более крупных единиц, в разрушении новых местных барьеров и ограничений, в коллективном контроле недр земного шара, естественных богатств и других преимуществ». (66)

Острые дискуссии и споры о путях социальной революции велись в 20-е - 30-е гг. в анархо-синдикалистской Международной ассоциации трудящихся. В какой-то мере они служили продолжением и развитием полемики между анархо-коммунистами и синдикалистами начала века. Выразителями двух диаметрально противоположных позиций были, с одной стороны, французские анархо-синдикалисты, а с другой - аргентинские рабочие анархисты (ФОРА).

Теоретик и практик французского анархо-синдикализма П.Бенар исходил, подобно многим синдикалистам до первой мировой войны, из теории прогрессивности индустриального развития человечества. По его мнению, технологические изменения, связанные с конвейерной, «фордистско-тейлористской» эрой открывают новые широкие перспективы для социального освобождения трудящихся. Рабочие организации, ведя борьбу с капитализмом, должны сами строиться так, как устроена капиталистическая экономика, чтобы сразу после победоносной всеобщей революционной стачки взять управление хозяйством в свои руки. Именно возникающей при капитализме структуре синдикатов и их федераций предстояло стать нервом нового общества, органом экономического взаимодействия, планирования и т. д. На первом этапе, который П.Бенар называл «либертарным коммунизмом», должны были сохраняться элементы денежной системы и распределения «по труду». Только на втором этапе (его П.Бенар именовал «вольным коммунизмом») можно будет полностью осуществить идеал самоуправляющегося коммунистического общества. (67)

На конгрессе М.А.Т. в Мадриде в 1931 г. П. Бенар предложил «План реорганизации международного синдикализма». Поскольку капитализм теперь «осуществляет одновременно две рационализации - экономическую и социальную», синдикалистское движение должно «находиться на уровне противника» и само провести «рационализацию в мировом масштабе». Он призвал пе-

рестроить международную организацию в виде однотипной для всех стран структуры отраслевых профсоюзов снизу доверху. (68)

Против концепции П. Бенара резко выступила аргентинская ФОРА. Ее теоретики воспринимали хозяйственную структуру индустриально-капиталистического общества (фабричную систему, отраслевую специализацию, жесткое разделение труда и т. д.) как «экономическое государство» - наряду с «политическим государством» - властью. Новое общество анархического коммунизма ни в коем случае не должно строиться «по матрице» старого, иначе его ждет судьба русской революции, - предупреждал Э.Лопес Аранго.(69) Пролетариат «должен стать стеной, которая остановит экспансию индустриального империализма. Только так, создавая этические ценности, способные развить в пролетариате понимание социальных проблем независимо от буржуазной цивилизации, можно придти к созданию неразрушимых основ антикапиталистической и антимарксистской революции: революции, которая разрушит режим крупной индустрии и финансовых, промышленных и торговых трестов». (70)

На конгрессе Международной Ассоциации Трудящихся в 1931 г. один из аргентинских делегатов заявил: «Не только политический фашизм, но и капиталистический индустриализм является опаснейшей формой тирании. Товарищи полагают, что экономический вопрос один имеет решающее значение. Однако капиталистический аппарат, если он останется, как есть, и в наших руках никогда не станет инструментом освобождения человека, подавленного гигантским механизмом. Экономический кризис вызван огромным развитием машин и рационализации, он не ограничивается только городской индустрией, но распространяется и на сельское хозяйство, это универсальный кризис, который может быть решен только социальной революцией». Поэтому латиноамериканские делегаты на конгрессе отвергли предложенный французскими синдикалистами план реорганизации международного анархо-синдикалистского движения в виде всемирной структуры индустриальных синдикатов, способных в случае революции перенять управление существующей системой индустриального производства. «Индустриализация не является необходимой», - утверждали они. - «Люди тысячелетия жили без нее, жизненное счастье и благосостояние не зависят от индустриализации». «Не следует полагать, что грядущая революция раз и навсегда все разрешит. Следующая революция не будет последней. В буре революции все приготовления будут выброшены за борт, революция создает себе свои собственные формы жизни». По словам другого аргентинского делегата, французские синдикалисты «совершают ошибку, пытаясь механизировать М.А.Т. Надо думать не исключительно о производстве, а больше о самих людях; главная задача - не организация хозяйственной системы, а распространение анархистской идеологии». Он выступил против рационализации, по-

скольку «не человек существует для общества, а общество для людей» и призывал «чистых синдикалистов: назад к простоте природы, к сельскому хозяйству, к коммуне. Только следуя этим принципам, можно преодолеть рыночное производство и перейти к системе свободного распределения». (71)

Большинство секций М.А.Т. занимали промежуточное положение между этими крайними позициями. В крупнейшей анархо-синдикалистской организации мира - испанской Национальной конфедерации труда существовали течения как близкие к «революционному синдикализму» с его идеей «синдикального устройства общества», так и поддерживавшие концепцию «вольной коммуны». В середине 30-х гг. стало ясно, что страна идет к социальной революции, и перед НКТ встала настоятельная задача превратить общие положения анархической «программы» в реальный план преобразования общества на началах вольного коммунизма. В ходе острой дискуссии между «синдикалистами» и «коммунитаристами» (72) был найден компромисс, который был все-таки ближе к позиции сторонников «вольной коммуны». Конгресс НКТ в Сарагосе (май 1936 г.) утвердил документ, ставший первой в истории анархистской программой конкретных мер социальной революции. Предполагалось с самого начала приступить к осуществлению принципов вольного коммунизма: «С завершением насильственного аспекта революции будут упразднены частная собственность, государство, принцип авторитета и, следовательно, классы... Богатства социализируются, организации свободных производителей возьмут в свои руки непосредственное управление производством и потреблением. В каждой местности установится Вольная Коммуна, вступит в действие новый социальный механизм. Объединенные в профсоюзы производители в каждой отрасли и профессии и на своих рабочих местах свободно определяют форму его организации». Координацию экономической и общественной жизни, функции обороны и т. д. предполагалось возложить на «двойную федерацию» - коммун и синдикатов (профсоюзов). Большое место в программе уделялось коммунистическому принципу распределения, преобразованиям в отношениях между полами и образовании, свободному развитию искусства и науки...(73)

Полному и последовательному осуществлению «Сарагосской программы» помешала гражданская война в Испании, но многие ее положения были реализованы на республиканской территории Арагона и Каталонии. Победа фашизма в Испании окончательно прервала революционный процесс и покончила с попытками анархистов претворить в жизнь свои идеи о социальной революции.

* * *

Развитие мира после второй мировой войны пошло в направлении, не способствовавшем реализации революционных идей и теорий. Торжество

«фордистско-тейлористского» индустриализма и его политической формы организации - «социального государства» на Западе привело к длительному затуханию классового сопротивления людей труда. Только теперь, в самом конце века, на фоне новых технологических сдвигов, внедрения «постфордистских» методов ведения хозяйства, а также связанным с этим наступлением неолиберализма и демонтажем «социального государства» ситуация, возможно, начинает меняться. А значит, исторический спор между антиавторитарным и авторитарным социализмом приобретает новую актуальность.

Примечания

1 Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии Развитого Индустриального Общества. М., 1994. С.52.

2 Там же. С.69.

3 Nolte E. Die Linke und ihr Dilemma. Was an ihrer Position ewig ist. // What's Left? Prognosen zur Linken. Berlin, 1993. S.89.

4 Lopez Arango E. Doctrina y tactica // Certamen Internacional de La Protesta. Buenos Aires, 1927. P. 97.

5 Ramus P. Nach vierzig Jahren - Ein historisches Gedenkblatt zur vierzigjährigen Grundung der Internationalen Arbeiter Association // Die Erste Internationale. West -Berlin, 1979. S.12.

6 Цит по: Лебедев Н.К. К истории Интернационала. Этапы международного объединения трудящихся. Петербург - Москва, 1921. С.33. Н. Лебедев - как и другие анархистские авторы - цитирует текст временного устава по изданиям на романском языке. Марксисты ссылаются на отличающийся текст, приводимый в германоязычных изданиях: «...экономическое освобождение рабочего класса есть великая... цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено как средство» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 12). Впоследствии различное истолкование этого текста марксистами и антиавторитариями вызвало разногласия в Интернационале, поскольку последние утверждали, что слова «как средство» были произвольно вписаны марксистским Генеральным советом. По предположению Х. Цокколи, «эти слова имелись в написанном по большей части Марксом временном уставе 1864 г... В принятом на конгрессе в Женеве в 1866 г. с небольшими изменениями и с дополнением окончательном тексте устава этих слов не было (изданные там на французском языке протоколы послужили источником для всех итальянских и французских переводов)... Позднее Генеральный совет совершенно самовольно вписал эти слова и провел их ратификацию на Лондонской конференции 1871 г.» (Zoccoli H. Die Erste Internationale// Die Erste Internationale 1864. West-Berlin, 1979. S.21).

7 Bougarel X. Aux origines de l' anarcho-syndicalisme. P.6. (неизданная рукопись).

8 Известны резкие нападки самого Бакунина на «коммунизм», но речь при этом шла не столько о конечной цели, сколько о предлагавшемся сторонниками Маркса («коммунистами») огосударствлении средств производства. По утверждению видного итальянского анархиста Л. Фаббри, Маркс и Бакунин сходились в понимании цели социальной трансформации («экспроприации для установления эгалитарной социальной организации»), но расходились в представлении о его средствах и путях (см.: Fabbri L. Die historischen und die sachlichen Zusammenhänge zwischen Marxismus und Anarchismus// Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. XXVI. Jg. 1908.). С подобными высказываниями выступали и некоторые марксисты. Это утверждение в целом представляется верным, но нуждается в историческом уточнении. В действительности большинство бакунистов не были сторонниками экономического коммунизма (распределения по принципу: каждый по своим способностям, каждому - по его потребностям), по крайней мере, в обозримой перспективе. Соратник Бакунина Джеймс Гильом еще в 1874 г. полагал, что сразу после социальной революции между производителями и потребителями сохранятся отношения обмена, причем стоимость обмениваемых продуктов должна была определяться совместно ассоциациями производителей на основе статистики. Со временем, по мере наступления «изобилия» тех или иных продуктов и благ, «мало-помалу старую систему заменит новая: обмен в собственном смысле слова исчезнет и уступит место чистому и простому распределению» на основе прямого удовлетворения потребностей. (Guillaume J. Idées sur l'organisation sociale. Paris, 1979. P. 21-23). Идея установления вольного (безгосударственного) коммунизма непосредственно после социальной революции была принята анархистами в 1876 - 1880 гг. Марксисты же - даже наиболее левые - продолжали откладывать внедрение коммунистических принципов самоуправления и распределения на неопределенно далекое будущее, а на практике были сторонниками «коллективизма», то есть распределения в соответствии с трудовым вкладом каждого члена общества («по труду»). В «Критике Готской программы» (1875 г.) Маркс сформулировал теорию пути к коммунизму, состоящего из достаточно жестких стадий. На «первой фазе коммунистического общества», при сохранении «родимых пятен старого общества» каждый производитель «получает... такое количество предметов потребления, на которое затрачено столько же труда», сколько сам «он дал обществу». И только «на высшей фазе коммунистического общества», когда «вырастут производительные силы и источники общественного богатства польются полным потоком», возможен будет коммунистический принцип распределения. (См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.19. С. 11-32).

9 Цит по: Материалы для биографии М. Бакунина. Т.3. Бакунин в Первом Интернационале. М.,Л., 1928. С.330.

10 Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. О социалистической революции. М., 1974. С.52.

11 См.: Rubel M. Marx anarchiste. // L'Europe en formation. 1973. N. 163/164.

12 В наиболее четкой форме это соображение было высказано Энгельсом: «...Комбинированная деятельность означает организацию, а возможна ли организация без авторитета?... Желать уничтожения авторитета в крупной промышленности значит желать уничтожения самой промышленности...» (Энгельс Ф. Об авторитете// Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.18. С. 302 - 305).

13 Маркузе Г. Указ. соч. С. 30 - 31.

14 Marcuse H. Ideen zu einer kritischen Theorie der Gesellschaft. Frankfurt a.M., 1969. S.186.

15 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С.249, 551, 256, 339.

16 Там же. Т. 16. С. 76 - 78.

17 Там же. С. 10-11.

18 Материалы для биографии М. Бакунина. Т. 3. Бакунин в Первом Интернационале. С. 330.

19 Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. М., 1989. С. 87-88, 482.

20 Материалы для биографии М. Бакунина. Т.3. С. 123, 124 - 125, 114.

21 Bakounine M. Dieu et l'Etat. // Michel Bakounine de la guerre a la Commune. Paris, 1972. P. 296.

21 Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. С. 482 - 484.

22 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 17. С. 426 - 427.

23 Цит. по: Лебедев Н.К. Указ. соч. С.65 - 66.

24 Цит. по: Lopez A. La FORA en el movimiento obrero. I. Buenos Aires, 1987. P.85.

25 Zoccoli H. Op. cit. S. 42; Лебедев Н.К. Указ. соч. С. 70.

26 См.: Основные вопросы программы и тактики на съездах германской социал-демократии. Выпуск 1. Программа партии. Москва, 1907. С. 5, 6; Маркс К. Критика Готской программы// Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.19. С. 11-32.

27 Основные вопросы программы и тактики... Вып. 1. С. 52, 71.

28 Kautsky K. Die soziale Revolution. II. Berlin, 1907. S.110, 85.

29 Steinberg H.-J. Zukunftsvorstellungen innerhalb der deutschen Sozialdemokratie vor dem 1. Weltkrieg// Soziale Bewegungen: Geschichte und Theorie. Jahrbuch 2. Frankfurt, New York, 1985. S.56.

30 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.8. С. 379.

31 Маркс К. Капитал. Изд. 8. Т.1. М., 1936. С.348.

32 Основные вопросы программы и тактики... С.65, 66.

33 Цит. по: Лукин-Антонов Н. Очерки по новейшей истории Германии 1890 - 1914 гг. Л.-М., 1925. С.301.

34 А. Паннекок о взглядах К. Каутского, см.: Pannekoek A. Marxistische Theorie und revolutionare Taktik // Pannekoek A., Gorter H. Organisation und Taktik der proletarischen Revolution. Frankfurt a. M., 1969. S. 51.

35 Kautsky K. Die neue Taktik // Die Neue Zeit. 1912. Nr.46. S.732, 733.

36 См., напр.: Bernstein E. Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie. Stuttgart, 1899.

37 Rucker R. Absolutistische Gedankengänge im Sozialismus. Frankfurt a.M., 1974. S.44, 45.

38 Pannekoek A. Massenaktion und Revolution // Die Neue Zeit. 1912. Nr.41. S.544, 548.

39 Pannekoek A. Marxistische Theorie und revolutionare Taktik // Pannekoek A., Gorter H. Organisation und Taktik der proletarischen Revolution. Frankfurt a.M., 1969. S.49-72.

40 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.33. С. 28, 50.

41 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.33. С. 101 - 102.

42 Там же. Т.42. С.204; Т.41. С.186.

43 Цит. по: Лебедева А.П. Анархический идеал и практика большевизма // Труды Комиссии по научному наследию П.А.Кропоткина. Вып.1. М., 1992. С. 110. Ср.: Kropotkin P. An die Arbeiter der westlichen Welt // Kropotkin P. Die Eroberung des Brotes und andere Schriften. Munchen, 1973.

44 Pannekoek A. Weltrevolution und kommunistische Taktik // Pannekoek A., Gorter G. Op. cit. S.142, 147, 154-155, 166.

45 Цит. по: Bock H.M. Zur Geschichte und Theorie der Hollandischen Marxistischen Schule // Pannekoek A., Gorter G. Op. cit. S.41.

46 Gorter H. Die Klassenkampf-Organisation des Proletariats // Pannekoek A., Gorter H. Op. cit. S. 228 - 246.

47 Canne Meijer H. Die Arbeiterratebewegung in Deutschland (1918-1933). O.O., 1985. S. 22-28.

48 Malatesta E. Anarchie. Berlin, 1984. S.87-88.

49 Цит. по: Kramer B. Einleitung // Malatesta E. Anarchie. Berlin, 1984. S.10.

50 Reclus E. Evolution und Revolution // Reclus E. Evolution und Revolution. Berlin, 1984. S. 4, 5, 6, 7.

51 Реклю Э. Предисловие к первому французскому изданию «Хлеба и воли» // Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М., 1990. С.23-24.

52 См.: Clark J.P. La pensee sociale d` Elisee Reclus, geographe anarchiste. Lyon, 1996. P.95-99.

53 Цит по: Garcia V. Antologia del anarcosindicalismo. Caracas, 1988. P.50.

54 См.: Concepto del Sindicalismo y sus objetivos sociales (Mocion F.O.R.A.) // *Cenit. Revista bimestral de sociologia, ciencia, literatura.* № 251. Diciembre 1987. P.7198; Lopez Arango E. *Doctrina y tactica* // Certamen internacional de «La Protesta». Buenos Aires, 1927. P. 96.

55 Landauer G. *Drei Flugblätter des Sozialistischen Bundes* // Landauer G. *Stelle dich, Sozialist!* Berlin, 1983. S.22-36.

56 См.: Раевский. Анархо-синдикализм и «критический» синдикализм. Нью-Йорк, 1919. С.35, 29, 30, 31.

57 Кропоткин П.А. *Записки революционера.* М., 1966. С. 251; Кропоткин П.А. *Этика.* М., 1991. С. 37.

58 См.: Кропоткин П. А. *Записки революционера.* М., 1988. С. 389; Кропоткин П. А. *Хлеб и воля. Современная наука и анархия.* М., 1990.

59 См, напр.: Kropotkin P. *Preface* // Pataud E., Pouget E. *How we shall bring about the revolution: syndicalism and the cooperative commonwealth.* London, Winchester, 1990.

60 Malatesta E. *Anarchie.* Berlin, 1984. S. 51, 55; *Dokumente der Weltrevolution.* Bd.4. *Anarchie.* Olten, 1972. S.328.

61 Цит. по: Paz A. *Durruti. Leben und Tode des spanischen Anarchisten.* Hamburg, 1993. S.29-30.

62 Подробнее см.: Thorpe W. «The Workers themselves»: *revolutionary syndicalism and international Labour, 1913-1923.* Dordrecht, Boston, London, Amsterdam, 1989.

63 Malatesta E. *Ecrits choisis I.* Annecy, 1978. P.41, 40.

64 *Groupe des anarchistes russes a l'etranger. La Plate-forme organisationnelle de l'Union Generale des Anarchistes (Projet); Supplement a la Plate-forme organisationnelle (Questions et reponses)* // Skirda A. *Autonomie individuelle et force collective.* Paris, 1987. P. 253 - 294.

65 См, напр.: *Reponse de quelques anarchistes russes a la Plateforme.* Paris, 1927.

66 Неттлау М. *Очерки по истории анархических идей.* Tucson, 1991. С. 123-124.

67 См.: Besnard P. *Les Syndicats ouvriers et la revolution sociale.* Limoges, s.a.; Idem. *Le monde nouveau: son plan, sa constitution, sa fonctionnement.* Limoges, s.a.; Idem. *L'Ethique du Syndicalisme.* Limoges, 1938.

68 *IV. Weltkongress der Internationalen Arbeiter-Assoziation.* Madrid, vom 16. Bis 21. Juni 1931. Berlin, 1931. S. 80-81.

69 Lopez Arango E. *Doctrina y tactica* // Certamen internacional de «La Protesta». Buenos Aires, 1927.

70 Lopez Arango E., Abad de Santillan D. *El anarquismo en el movimiento obrero.* Barcelona, 1925, p. 49.

71 IV. Weltkongress der Internationalen Arbeiter-Assoziation... S.14-15, 17, 18.

72 См., например: Puente I. Libertarian communism. Sydney, 1985; Abad de Santillan D. Der Okonomische Organismus der Revolution // Santillan D., Peiro J. Okonomie und Revolution. Wien, 1986. S. 100 - 154; Bericht der Gewerkschaft des graphischen Gewerbes // Ibidem. S. 155 - 166.

73 См.: Национальная Конфедерация Труда (испанская секция Международной Ассоциации Трудящихся). Концепция либертарного коммунизма. М., 1997.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

О СОЦИАЛИЗМЕ, ГОСУДАРСТВЕННОМ КАПИТАЛИЗМЕ И СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

И. Потапенков

О советском прошлом

Увы, человек постоянно силен задним умом, когда ничего уже исправить невозможно. Но прошлое как вы не старайтесь постоянно будет преследовать нас, и только поняв истинные причины того, почему произошло обособление государства и в чем оно проявляется можно понять, почему то же самое государство, стремясь сделать лучше, постоянно получало результат: как всегда. Советский опыт это пускай и несостоявшийся опыт, но все-таки опыт или попытка построения социализма в стране, где попутно приходилось доделывать то, что должна была сделать буржуазия. И именно наличие товарных форм привело к способу производства, который отличен от всех иных способов производства.

Мне не «думается», я имею доказательство того, почему советское общество неизбежно должно было придти к распаду. И дело не в том, что не было теории построения социализма, все писали именно теории, как построить социализм, а следовало бы ответить на вопрос сначала: а что мы построили к данному моменту. И никого из генсеков я не обвиняю. Горбачев тоже строил социализм, это потом после развала он оправдывал свою деятельность, что он приложил все усилия, чтобы уничтожить тоталитаризм. Когда он пришел к власти, он и понятия не имел, что в СССР тоталитаризм.

Я всегда считал, считаю и буду считать, что большевики стремились построить социалистическое общество и все что они делали, они стремились делать во имя социализма. А, следовательно, должна была произойти своеобразная подмена целей советского производства, когда кажимость воспринимается в качестве сущности. Я никогда не считал и не считаю, что советское производство было либо недо-, либо сверх- капитализм. Для понимания данного процесса мало иметь понимание уровня развития производительных сил общества, для этого необходимо дать анализ производственных отношений, которые по-прежнему сохраняют вещную форму и, следовательно, необходим был анализ советской товарной формы.

Сами по себе производительные силы ничего еще не объясняют. Любая страна, пролетариат которой скинет господство капитала, будет иметь структуру производства, которая вступит в противоречие с существующей в обществе структурой потребления. Ни одна даже самая развитая страна не имеет струк-

туры производства соответствующей структуре потребления. В таком случае реструктуризация производства неизбежна, а, следовательно, пролетариату любой страны придется осуществлять накопление, которое будет восприниматься как процесс, ущемляющий потребление. То есть будет иметь процесс несколько похожий на тот же процесс, который вынуждены были осуществлять большевики с середины 1920-х годов, то есть процесс «индустриализации».

Истины ради следует, однако, показать и отличие советской индустриализации от той «индустриализации», которая неизбежна в условиях современного уровня производительных сил.

Советская индустриализация сопровождалась ликвидацией мелкого производства, то есть производства, когда собственник средств производства своим трудом создавал какой-либо товар.

Современная индустриализация, точнее ее, конечно, называть реструктуризация, есть процесс создания тех производств, которые практически отсутствуют в данной стране в силу того простого обстоятельства, что сегодня международное разделение труда в условиях стремления капитала к поддержанию нормы прибыли всецело определяет общественное разделение труда внутри страны.

Следовательно, причины следует искать не в производительных силах, которые создают только, в конечном счете, неизбежность процессов, причины следует искать в существовавших производственных отношениях.

И здесь становится справедливым то, что я вам и сказал о новых условиях, порожденных установлением государственной собственности. Анализ этих отношений не может быть просто автоматически выведен из марковского анализа товара, денег и капитала. Все это справедливо только при условии сохранения частной собственности на средства производства. Но когда в обществе существует фактически единственный собственник общественных средств производства, то данные товарные отношения неизбежно меняют свою природу. Уже одно то, что советская экономическая наука на протяжении десятилетий билась над вопросом причин существования товарных отношений в условиях общественной собственности (государственная форма есть одна из разновидностей), но так и смогли найти достаточно обоснованного ответа, говорит более чем красноречиво, что марксово понимание товарного производства в своем буквальном смысле оказалось неприменимым для советской экономики. Но в любом случае существование товара предполагает **обособление, и если нет обособленных производителей, то товар должен создать это обособление**, ибо в самой природе товара заложена непосредственная противоположность интересов, которая рано или поздно должна была себя проявить в обособлении внутри производственного процесса.

И товар создал обособление: государство обособилось от интересов общества, хотя внешне сохраняется видимость единства.

Существование производительного накопления в ущерб потребления индивидуумов также ничего не объясняет. Накопление в таком виде неизбежно при реструктуризации производства. Но только в условиях сохранения товарной формы продуктов труда это накопление, ущемляющее потребление, есть постоянный спутник советской экономики. Это заложено в самой товарной форме плана.

О причинах краха советской системы хозяйствования

Во-первых, для меня является научно доказанным фактом, что сохранение товарной формы продукта, которая породила товарный план, неизбежно привела к гибели советскую систему хозяйствования.

Советская экономика не была бестоварной, товар всецело господствовал в советской экономике и я постарался в краткой форме показать в своих высказываниях. Природа товара изменилась, его место в форме стоимости изменилось, но ***товар как таковой остался***. И соответственно сохранилась вещная оболочка производственных отношений, поэтому понять советскую экономику можно понять, только познав природу товара в условиях обобществленного производства.

Во-вторых, проблема краха заключается в товарном социализме без рынка. ***План и рынок в принципе несовместимы***. План - установление общественных связей до производства. Рынок их устанавливает по окончании производственного процесса. Попытка совместить несовместимое - это «перестройка».

Именно стремление внедрить ***рыночный механизм, который бы уравновешивал тот факт, что в товарном плане не было ни одного атома потребительной стоимости, не мог не потребовать частной собственности, ибо установление общественных связей возможно тогда и только тогда, когда существует атомизированное, независимое с точки зрения производственных отношений, производство, а такое возможно только с установлением частной собственности***.

В критическом отклике на статейку Е. Меньшикова «Экономические проблемы социализма» я упомянул об ***отраслевом монополизме***, который есть всего лишь проявления государственного господства в экономике, проявляющееся внешне как ведомственность, но по существу это было обособление государства, которое из диктатуры пролетариата превратилось в диктатуру над пролетариатом и трудовым крестьянством.

Государство, приобретя собственный интерес в производстве совокупной стоимости, стало независимым от общества, но и само общественное про-

изводство стало независимо от субъектов производственных отношений, оно стало развиваться по своим собственным законам, определяя поступки людей.

То, что в условиях социализма возрастает роль субъективного фактора, еще не есть повод для утверждения что государство, как политический институт, может стать базисом общественного устройства. Роль субъекта возрастает, но субъект не может делать историю так, как ему вздумается. Общество должно познать ту объективную реальность, которая существует в тот или иной исторический момент, и, познав эту объективность осуществить свою непосредственную деятельность. Однако надо прекрасно понимать, что познание всегда неполно, а, следовательно, никто не застрахован от ошибок, которые требуют определенных корректив в процессе реализации планов.

Если процесс развития общества в действительности осуществляется по рельсам социализма, то в таком случае данное государство действительно может быть только диктатурой пролетариата. Но если общественное развитие будет осуществляться в интересах какой-либо обособившейся касты, то ни о каком социализме не может быть и речи, это будет диктатура этой касты. Производственные отношения, складывающиеся в обществе и являющиеся реальным базисом общественного развития, в любом случае будут определять надстройку, а не наоборот.

Вопрос может быть совершенно однозначно поставлен: **либо товар и деньги уничтожаются, либо отмирающие деньги и товар воскреснут, словно феникс из пепла и уничтожат социализм. Третьего не дано.**

Целью советской экономики было производство совокупной стоимости конкретным трудом. Вся история советского общества представляет собой в производстве существование товарной формы продуктов труда и именно товарная форма продуктов труда породила все противоречия советской экономики. Развития этих противоречий их углубление переросло в конфликт, коим и являлся период горбачевской перестройки.

Дефицит есть порождение товарного плана. Государство устанавливает плановые задания по производству совокупной стоимости и соответственно требует выполнения этих планов. Предприятия стремятся выполнить данные планы и самый простой способ выполнить данные за счет производства товаров, в которых относительно велика доля материалов. Вследствие этого возрастает потребность в этих предметах труда, а это в свою очередь требует постоянного увеличения накопления в отраслях производящих средства производства. Отсюда и перепроизводство средств производства.

Кроме того, как известно, на производство средств производства общество может распределить столько труда, сколько оно может освободить в производстве предметов потребления. Возрастающее производство средств про-

изводства требует привлечения все большего числа работников в данных отраслях, но люди требуют для удовлетворения своих потребностей предметов потребления. Вот вкратце и причины возникновения дефицита предметов потребления. Кроме того, постоянное стремление выполнять планы за счет материалоемких товаров требует постоянного увеличения средств производства, что порождает дефицит в средствах производства. Советское производство постоянно лихорадило, простои в начале месяца, авралы в конце.

Уничтожьте деньги и подумайте сами, что будет делать так называемая теневая экономика. Она только и может существовать потому, что существуют деньги. Деньги дают право на получения определенной доли общественного богатства, но при их отсутствии теневая экономика как раз и лишается возможности получить эти знаки, дающие им это право.

Уничтожьте деньги и что будут дела воротилы наркобизнеса, обменивать наркотики на телевизоры и сотовые телефоны. Вы же прекрасно понимаете, что деньги имеют качественную безграничность, но количественную ограниченность, чего никак не нельзя сказать о простых потребительных стоимостях.

Поэтому тот, кто не ставит своей целью уничтожение денег, тот автоматически сохраняет уже в потенции возможность обособления интересов ибо товар всегда породит это обособление, а, следовательно, сохраняется и возможность реставрации капиталистической гадости вновь и вновь.

В качестве добавления к данному вопросу отмечу особенности советского общества. Советское планирование осуществлялось посредством установления плановых заданий по производству некой части совокупного общественного продукта в стоимостной форме.

Приведу такой пример. План швейного предприятия в стоимостной форме, форма плана может быть выражена формулой: A рублей = a товара A + b товара B + v товара V + ... n товара N . При рассмотрении данного плана очевидно, что возможность дефицита заложена уже в самой форме плана. Предприятие ради выполнения плановых заданий по производству «вала», то есть производству валовой продукции в стоимостном выражении, может произвести не « a » товара A , а, например, « b » товара A . То есть с точки зрения стоимостного показателя для предприятия совершенно безразлично, что производить, лишь бы выполнить плановые задания по производству совокупной стоимости, как обобщающего показателя его производственной деятельности.

В таком случае предприятие может выполнить план в рублях, но недопоставить потребителям массу необходимых продуктов труда, что приведет к перебоям в снабжении либо населения, либо другого товаропроизводителя. Но с точки зрения основной цели, которая была поставлена перед предприятием,

их труд оказывается производительным, ибо данный труд позволил коллективу выполнить плановые задания, что соответственно позволяет членам данного трудового коллектива получить свою зарплату сполна. В таком случае представители коллектива имеют те необходимые денежные средства, которые позволяют им получать от общества необходимые для них материальные блага. Но с точки зрения общества, с точки зрения процесса труда часть их труда, хотя и способствовала выполнению плана по производству совокупной стоимости, но она была не только общественно не необходима, но и общественно бесполезна...

Количество производимых потребительных стоимостей не играло никакой роли. Можно произвести и больше, можно произвести и меньше. Главное заключалось в другом. Предприятия в первую очередь стремились производить ту продукция, в которой отношение стоимость к фонду оплаты труда, необходимого для производства данной потребительной стоимости, был не ниже, а чаще всего выше, планового соотношения совокупной стоимости ко всему плановому фонду оплаты труда.

Контролировалась только основная госплановская номенклатура, была, правда, и министерская номенклатура продукции, но она, как правило, подвергалась корректировке по факту выполнения. Невыполнение госплановской номенклатуры оказывало влияние на премирование и формирование вообще фондов, но это влияние было не столь значительно, да и не все предприятия имели госплановскую номенклатуру. А перераспределять средства из одного фонда в другой практически не допускалось, за исключением перераспределения между фондами развития и социальных нужд предприятия.

Чтобы не вдаваться здесь в дальнейшие подробности, я предлагаю прочитать первый вариант первых глав о товарном производстве в условиях государственной собственности. Естественно, что данные главы построены по логическому принципу, и не в чисто историческом разрезе, что особенно любят делать все. Однако логическое есть тоже историческое, но очищенное от тех зигзагов, которыми грешит сама история. В настоящее время я их перерабатываю для того, чтобы устранить некоторые мелочи, которые порой и не заметны, но которые, по моему мнению, допускать нельзя. Будет дополнена еще одна глава и видоизменены иные главы, но существо вопроса останется тем же.

Об общественном строе в бывшем СССР

Я совершенно согласен с тем, что требование диктатуры пролетариата есть «оселок», на котором следует проверять марксиста. Но это никак не относится к тому, о чем мы говорим. Ленин об этом говорил по поводу того, что тот, кто не требует установления диктатуры пролетариата после революции, тот не может быть марксистом. Но ведь марксизм утверждает, что базисом являются

существующие производственные отношения в обществе. Он также утверждает, что экономический базис определяет надстройку. К которой, в частности, относится и государство. Отсюда следует только то, что для того, чтобы понять, что собой представляет надстройка, необходимо дать анализ реально существующих в обществе производственных отношений. Как же пытаться обосновать надстройку, не осуществив анализ базиса? Юридическими законами? Составом Советов?

Скажем, сравнение текстов первых и текста Конституции 1936 г. («Сталинской») дает только в лучшем случае выяснение того факта, что власть окончательно переродилась, но не дает ответа на вопросы: почему? и чья это власть?

Политэкономический анализ базиса - вот это есть «оселок» исторического материалиста...

В СССР не было диктатуры пролетариата, ну и что? Ведь это совсем не означает, что в СССР был государственный капитализм.

То, что СССР не был феноменом, это еще надо доказать. Ведь ни одно капиталистическое общество никогда не знало, что такое хронический дефицит товаров, или постоянная нехватка рабочих рук на производстве, или неуклонное стремление директоров предприятий завышать количество потребляемых материалов. Все это никак не вписывается в общепринятые концепции о производстве прибавочной стоимости.

Я могу привести массу примет социализма в советской экономике и тут же показать их несоответствие тому, что предполагали классики и, похоже, я это сделаю.

Я не берусь давать названия, у меня вообще плохо с названиями, с меня хватает того, что постоянно приходится давать названия тем или иным категориям, которые обнаруживаются при анализе советской экономики. Но что это не госкап, я уверен. Это я утверждаю по тем экономическим анализам, которые есть у Клиффа, Бордига, Здорова, Дитхута. Экономических теорий иных авторов я не встречал.

Логика у сторонников госкапа примерно следующая. Так как у классиков имеются высказывания о капитализме, социализме, с одной стороны, и в СССР имеется товарное производство, что опять-таки противоречит высказываниям классиков, то, следовательно, в СССР капитализм. Конечно, то, что я написал слишком примитивно, при обосновании своей концепции те или иные сторонники госкапа будут делать некоторые весьма существенные дополнения, но принцип подхода приблизительно именно таков. Клифф взял за основу обоснования накопление. Бордига - сельское хозяйство и невыполнение планов.

Если просто говорить о товарном производстве, то это практически равносильно тому, что ничего не говорить, ибо и до капитализма было товарное производство, и при капитализме оно существует, и в советском обществе оно имело место. Но законы общественного развития во всех обществах были различны. Поэтому и в социальном плане возможны совершенно точные утверждения, ибо они находятся на поверхности и легко выявляются, но сущность может оказаться за семью печатями.

Ленин и большевики совершали революцию во имя социализма. А по-сему они стремились к планомерной организации всего обобществленного производства, и ставили своей целью удовлетворение потребностей членов общества. **Поэтому сторонникам госкапа следует обосновать, каким же образом цель, - удовлетворение потребностей участников обобществленного производства, - переросла в производство прибавочной стоимости.** Я понимаю, что все, что делается в истории, все делается живыми людьми, но, чтобы, люди сделали этот шаг, должно иметь место развитие самих категорий, которые создают возможность такого перехода. Поэтому если «госкаповцы» попытаются сделать этот анализ, то тогда и только тогда они смогут доказать свою теорию специфического госкапа. А пока преобладает аргументация типа: что было - это не совпадает с теоретическим пониманием социализма, следовательно, это капитализм.

Итак, почему же я не считаю советскую экономику госкапиталистической?

Остановимся навскидку на общих чертах. И в советской экономике, и в капиталистической имеет место:

1. существование товарных отношений
2. отделение непосредственных производителей, рабочих, от средств производства.
3. соединение рабочей силы со средствами производства осуществляется посредством купли-продажи рабочей силы.
4. производится прибавочная стоимость (в условиях сохранения товарного производства прибавочный продукт не может не иметь своей стоимостной формы. Правда, в отношении советской экономики стоимостную форму прибавочного продукта я назвал добавочной стоимостью, чтобы не путаться с капитализмом).
5. имеет место капитализация прибавочной (добавочной) стоимости.

А теперь об отличиях:

1. капиталистический товар есть единство потребительной стоимости и стоимости, которая проявляется в обмене как меновая стоимость. Капиталистический товар производится для обмена. В советской экономике товар есть

единство совокупной стоимости и потребительной стоимости и производится он ради выполнения планов по производству совокупной стоимости. (валу)

2. при капитализме общественные отношения возникают по окончании производства, в советской экономике еще до начала производства.

3. Маркс доказал отделение рабочих от средств производства, в советской экономике это требует еще доказательств, которые можно осуществить только обосновав обособленность какого-либо субъекта производственных отношений, что я и постарался сделать в своих кратких теоретических воззрениях.

4. при капитализме целью производства является производство прибавочной стоимости и это вполне естественно, ибо, имея 100 рублей и пустив их в оборот, капиталист получает исходную сумму, которая попросту возвратилась ему плюс некоторое приращение. Поскольку первоначальные деньги у него и так были, они просто возвратились, то его может интересовать только это приращение.

В советской экономике целью производства является производство совокупного общественного продукта и только с установлением товарного плана, в котором государство устанавливает плановые задания по совокупной стоимости, целью становится производство общественного продукта как совокупные деньги, которые и есть воплощение совокупной стоимости. Только с возникновением товарного плана цель производства, которая изначально с точки зрения теории социализма есть производство для удовлетворения потребностей и всестороннего развития членов общества, перерастает в производство совокупной стоимости. И именно тогда когда совокупная стоимость превращается в цель производства, то теперь общественная форма производства, основанная на товарном плане, требует того, чтобы данная совокупная стоимость постоянно из года в год возрастала.

Как вам известно, я написал пять глав работы по политэкономии советского производства. В последней из них я и показал, каким образом происходит это перерастание цели. Но для возрастания совокупной стоимости требуется увеличить массу живого труда, ибо всякая стоимость создается живым трудом. Однако для потребления в производстве вновь привлекаемой рабочей силы необходимо иметь и дополнительные средства производства, таково технологическое требование производства. Создание дополнительных средств производства возможно только тогда, когда в общественном производстве создается большая стоимость, чем та стоимость, которая воплощена в совокупной стоимости всех произведенных предметов потребления. Это есть добавочная стоимость, которую только и можно направить на расширение производства.

При капитализме производство стоимости есть средство, а прибавочная стоимость есть цель. В советской экономике производство совокупной стоимости есть цель, а добавочная стоимость есть всего лишь средство.

5. Рабочая сила в советском обществе есть товар и поэтому ее соединение со средствами производства в непосредственном производстве оказывается возможным только посредством купли продажи рабочей силы.

Однако стоимость рабочей силы в условиях обобществленного производства определяется в первую очередь через стоимость совокупной рабочей силы и Клифф совершенно справедливо подмечает, что государство должно определять стоимость совокупной рабочей силы как сумму стоимостей планируемых к производству предметов потребления. Но государство не только определяло фонд жизненных средств в стоимостном выражении, как стоимость совокупной рабочей силы, оно на основании этого устанавливало предприятиям плановые задания по фонду заработной платы, тем самым оно фактически распределяла планируемый фонд жизненных средств.

Непосредственно покупкой рабочей силы занимались предприятия в лице дирекции, но они могли выплатить такую сумму заработной платы, которая не превышает установленного задания по фонду заработной платы. Более того, фонд заработной платы в разные периоды по-разному зависели от объемов производства продукции в стоимостном выражении. Поэтому дирекция предприятий стремилась к выполнению планов по совокупной стоимости не только ради премий, но и ради того, чтобы обеспечить достаточный объем фонда заработной платы, который обеспечивал бы выплату достаточной заработной платы. Иначе работник мог просто уволиться, и кто будет выполнять планы по производству совокупной стоимости.

Как известно, при капитализме потребительная стоимость рабочей силы заключается в том, что рабочий своим трудом создает большую стоимость, чем стоит сама рабочая сила. Это с естественной неизбежностью вырастает из цели капиталистического производства. *Поскольку цель советского производства есть производство совокупной стоимости, постольку потребительная стоимость рабочей силы при обобществленном производстве заключается в том, что именно трудом рабочего создается совокупная стоимость, причем не только абстрактным трудом, но и конкретным трудом.* И когда я говорил о том, что дирекция стремилась обеспечить достаточную заработную плату, чтобы работник не увольнялся, то это как раз и говорит о том, что потребительная стоимость рабочей силы и состоит в том, что именно работник создавая товары, тем самым создает и совокупную стоимость.

Отсюда нормой использования рабочей силы в советском производстве можно выразить математически следующим образом: $(C + V + M)/V$, - как отношение стоимости товара к стоимости рабочей силы.

б. Капиталист осуществляет капитализацию прибавочной стоимости ради того, чтобы в последующий период иметь большую величину капитала, которая позволит капиталисту и получать соответственно большую прибавочную стоимость в последующем периоде. Я показал, что в самом товарном плане не было ни одного атома потребительной стоимости, в нем всецело господствовала совокупная стоимость либо выраженная в плановом задании по ее производству как совокупные деньги, либо как сумма стоимостей произведенных товаров, которые в планах выступают в качестве эквивалента совокупных денег.

Конечно, краткость изложения не позволяет мне доказательно говорить, что именно **товарная форма плана породила дефицит товаров**, причем как предметов потребления, так и средств производства. Государство естественно стремилось ликвидировать дефицит и для этого планировало расширение производства тех товаров, которые были в дефиците, и крайней формой проявления подобного планирования было установления плановых заданий по номенклатуре, которую критикуют в своих кратких оценках советской экономики РКРП. Номенклатурное планирование есть следствие того, что предприятия ради выполнения планов по производству совокупной стоимости постоянно нарушало номенклатуру производимой продукции.

Существующий дефицит государство стремилось устранить посредством расширения производства в тех отраслях, где производились данные товары, но в условиях товарного плана эта проблема была неразрешима. Поэтому государство не просто планировало расширения производства ради производства, оно его осуществляло, чтобы разрешить проблему дефицита, а дефицит постоянно требовал увеличения накопления. Средств порой не хватало, поэтому появлялись периодически мудрые соломоновы решения, которые причислили к товарам роскоши то одни товары, то другие, и устанавливали на эти товары более высокие цены, чтобы во-1-х, уменьшить давление денежной массы, скапливающейся на руках населения, и во-2-х, через налоги увеличить массу доходной части бюджета. Был еще один способ получения дополнительных доходов в бюджет, это повышение цен на спиртное.

Вот, вкратце, почему я не могу считать советскую экономику капиталистической экономикой.

Некоторые «госкаповцы» стремятся сопоставлять свой анализ с классиками. Такое ощущение, что шаг влево, шаг вправо - расстрел. Раз уж они так любят подтверждать свои аргументы цитатами, то я тоже вставлю одну.

В письме к Вейдемейеру от 12 апреля 1853 года Энгельс писал:

«Мне кажется, что из-за беспомощности и вялости всех остальных партий, в одно прекрасное утро наша партия будет вынуждена взять власть, чтобы проводить в конце концов, то, что не отвечает непосредственно нашим интере-

сам, а отвечает общереволюционным и мелкобуржуазным интересам: таким образом, побуждаемые пролетарскими массами и связанные своими собственными, в большей или меньшей степени ошибочными толкованиями и в большей или меньшей степени страстно выдвигаемыми в партийной борьбе декларациями и планами, мы будем вынуждены делать коммунистические эксперименты и прыжки, для которых, сами лучше всего знаем, что не время. При этом мы потеряем головы – будем надеяться, только в физическом смысле, - наступит реакция и до того, как мир будет в состоянии дать историческую оценку подобным событиям, начнут считать нас не только чудовищами, что было бы нам безразлично, но и глупцами, что в значительной мере хуже... В такой отсталой стране, как Германия, в которой есть прогрессивная партия и которая вовлечена в прогрессивную революцию вместе с такой прогрессивной страной, как Франция, в первом же серьезном конфликте, когда возникнет реальная опасность, прогрессивная партия должна будет начать действовать, а это было бы, по крайней мере, преждевременным. Но все это не так важно и лучшее, что можно сделать, это предварительно обосновать в нашей партийной литературе историческое оправдание нашей партии, если возникнет подобный случай»

Вот Вам цитата, которую может применить и «сталинист», и «госкаповец», и я, хотя все мы стоим на различных точках зрения относительно Советского Союза. Причем каждый из нас сможет, опираясь на нее, доказывать совершенно противоположное! «Госкаповцы» - свой госкап, «сталинисты» - обосновывать те неизбежные отклонения, которые имели место в СССР, я же буду доказывать, что *в силу данного уровня развития производительных сил возник своеобразный **гибрид планомерно организованного и товарного производства, а из него все остальное.*** И мы вновь вернемся на круги своя...

Так что подкреплять с помощью цитат не есть еще аргумент. Подкреплять следует с точки зрения практики. А если быть еще более точным подкреплять стоит анализом того состояния производительных сил, ибо, в конечном счете, именно производительные силы требуют уничтожения капиталистических производственных отношений вообще и товарных отношений в частности.

Чтобы было более понятно, о чем я говорю. Я говорю о том, что большевики стремились построить социализм и строить им его пришлось в такой стране, где преобладало мелкое производство, которое носило **полунатуральный полутоварный характер**. Такая масса мелких товаропроизводителей ничего иного и не могла, как потребовать товарных отношений. Поэтому не во все периоды советской власти за обсуждение вопроса о причинах товарного производства в условиях существования единого собственника общественных средств производства сажали за решетку и не во все времена это носило апологетический характер. Я вновь употребляю общественные средства производства, ибо все средства производства есть продукт общественного труда, но они

могут иметь одного собственника, что имело место в СССР, а возможно их растаскивание по частным лицам, что имеет место в настоящее время.

Товарность сельхозпроизводства в условиях мелкого крестьянского хозяйства определяется интересами самих крестьян. А крестьянин в отличие от нас человек практичный и прагматичный, он все определял не мифической стоимостью, а реальным рабочим временем. Для пояснения приведу пример. Допустим, что крестьянину необходима рубаша. Ее получить он может двумя способами. Во-первых, вырастить лен, обработать его, в дальнейшем произвести нить, ткань и сшить рубашу и предположим, что на все это ему необходимо 100 часов. Во-вторых, он может вырастить, например, зерно и продать его, а на вырученные деньги купить столь необходимую ему рубашу. Так вот, если на выращивание необходимого количества зерна, чтобы, продав его, он смог бы купить рубашу, крестьянину потребуется менее 100 часов, то крестьянин будет выращивать зерно на продажу. Но если ему потребуется более 100 часов, то в таком случае он предпочтет первый вариант. Отсюда и колебания товарности сельхозпроизводства. Стабильной товарностью обладало только крупное производство, которое в силу своего размера производило такое количество продукции, что поневоле он должен быть продавать.

Товарность сельского хозяйства постоянно падала, когда государство ограничивало цены на их продукцию, при этом на розничном рынке цены на промпродукцию оставались высокой. Это было и в 1923, и в 1925, и в 1927. Да кстати еще одна причина падения товарности: отсутствие товаров, что имело место в 1925 и 1927 годах.

Теория госкапа софистична. Взять для примера российские революции. Логика у «госкаповцев» получается приблизительно следующая. Поскольку – очевидно, опираясь на теорию Клиффа - они пришли к выводу, что в Советском Союзе имел место госкапитализм, то возник, естественно, вопрос, что такое Октябрьская революция.

На этот вопрос наталкивало и еще одно соображение. Если считать, что в 1990-х годах произошла контрреволюция, которая восстановила капиталистические производственные, а на их основе и все общественные, отношения, то тогда возникает естественное противоречие, что в Советском Союзе был не капитализм. Нельзя же восстанавливать то, что уже есть как факт, пускай даже это «то» представляет собой всего лишь государственный капитализм, но капитализм есть и будет капитализмом.

В таком случае выход из данного тупика может быть двоякого порядка. **Первый вариант** заключается в том, что признается Октябрьская революция в качестве социалистической, но затем произошел переворот внутри советского общества, необходимо только определить тот момент, когда мы свернули с со-

циалистических отношений и вернулись к капиталистическими. Тогда 1990-х годы - это не реставрация капитализма, а окончательное оформление его в российском обществе. Именно этим и занимаются клиффовцы. Они совместно с теми, кто ищет перерождение государства в советском обществе, увлеченно и скрупулезно, подобно археологам, копают историю, что определить этот миг. Ведь есть и теория госкапа, которая утверждает, что госкапитализм в России сформировался после смерти Сталина.

Второй вариант выбрали, если мне не изменяет память, (а то я вынужден с большими перерывами заниматься наукой из-за загруженности по работе) бордигисты. Теперь все логично. Полуфеодальная Россия, в которой господствует царское самодержавие - февральская революция, в которой буржуазия пошла на соглашение с помещиками, тем самым сохраняя полукрепостнические отношения - большевики ломают пережитки феодальных отношений, но они не могут это сделать, не уничтожив и буржуазную собственность – недостаточное развитие производительных сил требует сохранения товарных отношений, а товарные отношения порождают ежедневно и ежечасно капиталистические отношения, это доказал еще Маркс, только капиталистов частных нет, в качестве такового выступает государство, как совокупный капиталист - перестройка в таком случае есть не что иное, как передача всей собственности в привычную для капитализма форму, в частную собственность. - Фу, все наконец-то все срослось.

А вот тут-то и возникает прокол, еще никто так четко и аргументировано не доказал, что в советском обществе господствовал госкапитализм. Никто этого не доказал хотя бы в приближенном виде так, как, например, Маркс обосновал сущность капиталистического способа производства.

Самое слабое место в такой теории госкапа заключается в том, что капитализм предполагает производство прибавочной стоимости, как цель производства. Но возникает новое противоречие в логике подобного утверждения. Если государство представляет собой совокупного капиталиста, то, очевидно, это государство есть собственник средств производства всего общественного производства. В таком случае возникает следующая проблема. Если государство собственник средств производства всего общественного производства, то данному государству принадлежит весь произведенный совокупный общественный продукт. Зачем мне гнаться за какой-то частью созданной стоимости, если мне принадлежит вся стоимость?

Но бордигисты совершенно правы, утверждая, что в России был недостаточный уровень развития производительных сил для построения социализма. Социализм есть уничтожение товарного производства, а мелкое крестьянское производство с естественной неизбежностью требовало сохранения товарного производства.

Бордигисты также правы в том, что наполовину мелкотоварное, наполовину натуральное крестьянское производство не соответствуют социализму. Но данное производство не соответствует и капитализму и опыт Англии тому подтверждение. И для социализма, и для капитализма основой является крупное производство. Поэтому и Англия, и Советский Союз уничтожили мелкое производство. В обеих странах это уничтожение сопровождалось кровавыми методами. Просто Англии на это потребовалось столетие, а Сталин этот процесс совершил за пятилетку. И как следствие того, что мелкое крестьянское производство потеряло свою преобладающую роль, в советском союзе возникли дискуссии об уничтожении товарных отношений. Сталин на 17 съезде ВКП(б) выступил против такого мнения. Но данное выступление могло только прервать дискуссию, но оно было не в состоянии уничтожить само мнение о том, что с коллективизацией подорваны основы существования товарного производства.

Политэкономия советского производства

Совокупная стоимость как категория мною выведена из анализа советского товара. Это как раз то, чего нет в экономической науке вообще, ибо никому никогда и в голову не приходило осуществить данный анализ как продолжение марковского анализа товара, но товара в условиях частной собственности на средства производства.

В частной собственности на средства производства производство изначально существует как атомизированное производство частных собственников, общественный характер данного производства выступает *post factum* то есть по окончании непосредственного производства в процессе обмена товаров.

Советское же производство есть изначально единое общественное производство, организованное по единому плану, и это есть следствие государственной собственности на средства производства. И в этих изменившихся условиях производства изменяется и товар.

Товарный характер продуктов труда всегда порождает, порождает и будет порождать зависимость людей от вещей. Люди свои поступки будут соизмерять не человеческими ценностями, а требованиями законов движения вещей. Без анализа товарной формы продуктов труда в изменившихся условиях невозможно понять и советского производства.

Не может быть построен анализ советского производства, которое в своей изначальной основе отлично от капиталистического, без анализа законов движения вещей, что и проводится в моих политэкономических исследованиях.

Я ничего не имею против общественных фондов потребления в СССР. Но я только против того, чтобы вводить их в политэкономический анализ. Если вы действительно будете делать анализ, то вам придется абстрагироваться от мно-

гих вещей. Необходимо только помнить, что не следует вместе с водой выплескивать младенца. Если я делаю анализ, то в таком случае я должен находить основное, массовидное, постоянно повторяющееся; это необходимо для того, чтобы определить сущность явления. Сравните долю общественных фондов и их роль в распределении и вы увидите, что основным фактором является заработная плата. И вообще, понимаете, сначала осуществляется первичное распределение созданной стоимости, а фонды общественного потребления есть уже процесс перераспределения этой стоимости, ибо это процесс распределения созданной в обществе прибыли. Поэтому для анализа первоначально необходимо рассмотреть вопрос первичного распределения созданной стоимости на заработную плату и прибыль. Фонды общественного потребления возможно будет рассматривать уже при рассмотрении непосредственного распределения прибыли. А до этого я еще не доходил в своих высказываниях. Кроме того, если вы занимаетесь политэкономическим анализом, то порой необходимо абстрагироваться от некоторых сторон явления, которое всегда было, есть и будет богаче сущности, сущность охватывает только общее и основное в явлениях. Например, я при рассмотрении говорю о стоимости, но как вам должно быть известно товары продаются по ценам. Но при критике советской действительности постоянно говорили о том, что именно неправильное ценообразование, которое, мол, не учитывало требования закона стоимости, порождало незаинтересованность предприятий в эффективной деятельности.

Другой пример, постоянно говорят, что именно необходимость поддерживать военный паритет с США, привело к излишней растрате ресурсов, что не позволяло обеспечить достаточное производство предметов потребления. Поэтому в своем анализе я вообще не рассматриваю военную промышленность и доказываю, что советская экономика пришла к полному краху в силу объективных противоречий, которые заложены в производственном товарном плане и этот крах был предопределен без военной промышленности, последняя выступила только катализатором, ускорившим данный процесс...

Первые главы данной работы скоро увидят свет в журнале «Хомосапиенсология».

Февраль 2007

ПОДЧИНЯЛАСЬ ЛИ ЭКОНОМИКА СССР ЗАКОНУ СТОИМОСТИ?

Движение Социалистического сопротивления

Положительный ответ на этот вопрос будет означать, что СССР представляя собою модификацию капитализма. Если же мы не получим подтверждения действия закона стоимости в СССР, тогда перед нами при известном широком взгляде на историю некая форма переходного, т.е. уже некапиталистического общества.

Чтобы не погружаться в анализ всех сторон жизни советского общества можно сосредоточиться на трёх аспектах СССР: на плане, на деньгах и на рабочей силе.

1. План.

СССР представлял собою систему, где ресурсы оценивались и размещались именно бюрократами на основе цифр натуральных валовых показателей: тонны, штуки, поголовье и т.д. Эти же показатели являлись главным инструментом проверки и выполнения плана. Бюрократическая система пронизывала общество сверху донизу; за области, районы, отрасли и заводы ответ перед центром держали конкретные назначенные бюрократы. В первую очередь им необходимо было выполнить формальные показатели, спущенные из центра, не допуская при этом повышения социального напряжения в подведомственных им коллективах. Натуральные показатели позволяли фальсифицировать исполнение плана производителями, ибо они начинали гнать голый вал. То же самое происходило и при переходе на вычисление в ценах сразу следовало «плановое» завышение себестоимости. Если же бюрократия СССР применяла в качестве критерия снижение себестоимости, то производства тут же начинали выпускать низкокачественную дешёвую продукцию.

Кроме того, план имел иерархическую структуру и связь между предприятиями осуществлялась через центр или через разрешение из центра. Ни одно предприятие не могло наладить отношения с другими предприятиями по поставке комплектующих без обращения в центр. Центральные плановые органы являлись частью всей государственной суперструктуры на основе КПСС и потому у них существовали собственные цели (уровень привилегий, стабильное политическое положение, авторитет и пропаганда за рубежом, сглаживание социальной напряжённости). Поэтому план не имел, и не мог иметь в своей основе сумму предложений поступающих от нижних иерархических эшелонов. Доводился же план до предприятий в форме подробных обязательных заданий.

Не видно чтобы над бюрократией СССР при принятии плана стоял какой-либо объективный «деполитизированный» закон, наоборот, все всегда отмечали деспотизм и волюнтаризм бюрократических планов.

2. Деньги и цены.

В СССР, как известно, существовали деньги, магазины и цены на товары. Но что они собой представляли?

А) Внутренние розничные цены в государственных магазинах на товары народного потребления практически никак не были увязаны с мировыми ценами. Чтобы проиллюстрировать этот тезис возьмем некоторый набор простых одинаковых традиционных товаров, серьёзные технологические сдвиги в производстве, которых можно не учитывать.

Сравним их цены путём нормирования к цене буханки белого хлеба, т.е. получим цену каждого товара, выраженную через буханку белого хлеба.

Как видно, близкие совпадения редки, зато разница в ценах некоторых товаров достигает 3-5-кратной величины. То же самое касалось государственных цен на магнитофоны, апельсины, бананы, золотые украшения, автомобили, книги и пр. Цены в СССР не формировались на государственном «рынке», а выражали собою социальные цели плановиков.

Б) Цены на средства производства внутри планового сектора представляли собой просто денежные оценки, осуществляемые после распределения из центра для регистрации, и не являлись результатом никакой купли/продажи. Это был бухгалтерский эквивалент валового продукта. Средства производства, выделяемые предприятиям «безвозмездно» и вовсе не учитывались в этой бухгалтерии. Вообще не было таких денег или валюты, на которые можно было купить средства производства, а можно было «купить» только те, которые тебе заранее выделялись по плану.

Ясно, что ответственные за план бюрократы в таких условиях начинают завышать свои плановые требования и скрывать ресурсы. Ясно также, что «цены» не несут никакой рыночной информации, и на основе подобных «цен» предприятия не способны решить какую продукцию производить, а производство какой свернуть.

«Цены» в СССР не отражали ни стоимости, ни соотношения спроса/предложения, а единственным сигналом-индикатором был дефицит товаров или залёживание его на прилавках.

3. Рабочая сила.

Но и рабочая сила тоже не была в СССР товаром. Формально рабочие нанимались на предприятия за зарплату. Но занятость и заработная плата определялась тремя параметрами: спущенным планом, выполнением плана и свободой в выборе места работы. Зарплату никогда не понижали, а повышали

опять-таки в соответствии с планом. Безработица отсутствовала, и увольнять рабочих по экономическим причинам было нельзя.

Однако надо отметить, что существовало 3 канала, по которым закон стоимости «просачивался» в экономику СССР.

1) Внешняя торговля производилась по мировым ценам, даже со странами СЭВ. Чем тяжелее было достичь бюрократии пропорций экономики, тем чаще требовалось обращаться к импорту. Такова, например, практика импорта продовольствия времен Брежнева.

2) Существовал «чёрный рынок», который оценивал стоимость товара. Так Riffle у спекулянтов стоил около 2000 руб., а французские духи 40 рублей. Но также существовали на предприятиях всякие «толкачи», «доставалы», которые окольными путями в обход плана доставали недостающее оборудование или сырье у других предприятий, обычно за бартер.

3) Наконец, зачастую пропорции, которые закладывались в план и прогноз необходимого ассортимента товаров прямо копировались с «отработанных» товаров и пропорций западных экономик, т.е. тех, которые сложились под действием закона стоимости. Последнее является самым безжалостным приговором системе бюрократического планирования в СССР.

Тем не менее, не последние три фактора определяли структуру экономики СССР и решения по развитию этой структуры, а именно план. Что производить, какими средствами и с какими затратами решалось не через рынок труда, не через колебания зарплаты, не через угрозу непостоянной занятости, а через директивное решение бюрократии, преследующей собственные социальные интересы.

Вместо рыночных механизмов мы видим административный контроль, давление и репрессии. Но такая замена возможна лишь в том случае, если действие закона стоимости нивелировано, если взамен капитализма построена новая экономическая система.

Поэтому мы можем сказать, что закон стоимости в СССР не действовал, не действовал в том смысле, что он не являлся всеобщим универсальным регулятором экономики.

13 ноября 2007

ЛАРЧИК ПРОСТО ОТКРЫВАЛСЯ

И. Пацюк

В журнале «Эксперт» № 1 (29.12.2008-18.01.2009) опубликована статья профессора Российской экономической школы Владимира Попова «Закат плановой экономики» с подзаголовком «Почему советская модель потеряла динамизм в 1970-1980-е годы».

Во-первых, автор отмечает, что происходившее в экономике СССР в 1970-1980-е никак нельзя назвать кризисом. Это был именно застой, потеря динамизма по сравнению с пиком развития, который пришёлся на начало 1960-х годов. Экономика после этого периода росла, но с замедляющимися темпами (см. график 1).

В 30-50-е годы только две страны мира сокращали отставание от США - Япония и СССР. Ранее, в XIX веке, это отставание увеличивалось как в царской России, так и в Европе. Советский Союз быстро его сокращал: подушевой ВВП (валовой внутренний продукт) повысился с 20% от ВВП США в 1928 году до 40% к концу 1960-х, несмотря на падение во время войны (см. график 3). В связи с

таким успехом, последующее замедление выглядит странно.

Замедление роста, вопреки ожиданиям, происходило одновременно с ростом доли инвестиций в ВВП, с 15% в 1950-м году до более чем 30% в 1985-м. Это противоречит закономерности: инвестиции сопровождаются ростом экономики. Япония, Южная Корея, Тайвань, имея столь же высокую норму накопления капитала, сохраняли высокие темпы роста, по крайней мере, до тех пор, пока не догнали развитые страны. В КНР доля инвестиций в ВВП поднялась с 30% в 1970-1975-м годах почти до 50% в 2005-2007-м, с сохранением темпов роста на уровне 10% в год на протяжении почти трёх десятилетий. Значит, в самой природе плановой экономики есть нечто, снижающее эффективность накопления в некоторые периоды.

По словам профессора Попова, есть «известный факт» - неспособность плановой системы производить своевременную замену устаревшего оборудования. «Плановая экономика может строить новые мощности и расширять действующие, но вот когда дело доходит до обновления мощностей, здесь плановая система тягаться с рыночной неспособна». «Норма выбытия основных фондов в советской промышленности в 80-е годы находилась на уровне 2-3% против 4-5% в обрабатывающей промышленности США, а для машин и оборудования составляла 3-4% против американских 5-6%. На практике это означало, что советские машины в среднем служат от 25 до 33 лет против 16-20 в США». В промышленности СССР только 30% капиталовложений шли на возмещение выбытия против 50-60% в США, остальные 70% шли на расширение или прирост

незавершённого строительства.

Вследствие строительства новых и расширения действующих, в ущерб реконструкции, загрузка мощностей снижалась: новые мощности не были обеспечены трудовыми ресурсами. В середине 80-х годов «в основном производстве промышленных предприятий около 25% рабочих мест пустовало, а в машиностроении доля простаивающего оборудования доходила до 45%... Общее число станков в советской промышленности в 2,5 раза превышало число станков в промышленности США, но работали эти станки вдвое меньше времени, чем американские».

Казалось бы, что именно в плановой экономике легче было директивно направить инвестиции не на расширение, но на реконструкцию промышленных мощностей. Но это противоречило бы главному принципу её функционирования - плановому заданию по объёму производства. «Главным критерием оценки деятельности предприятия было выполнение пресловутого плана по валу, причём отказаться от этого принципа, не меняя самой природы системы, было невозможно. Замена устаревшего оборудования требовала временной остановки завода на реконструкцию, что было сопряжено со снижением выпуска, то есть с невыполнением плана... Концентрация капиталовложений на строительстве новых и расширении действующих мощностей, таким образом, была не управленческой ошибкой плановиков, но неотъемлемым принципом функционирования советской плановой системы, ставившей во главу угла выполнение плана».

Так г-н профессор подошёл к ответу на центральный вопрос: почему в 50-е годы темпы роста производительности в советской экономике были высоки, а потом стали падать: «...плановая система из-за имманентного и неотъемлемого дефекта - неспособности своевременно обновлять устаревающее оборудование - обречена была пережить жизненный цикл, связанный со сроками службы основного капитала». Если этот срок около двадцати лет, то после «большого толчка» - резкого расширения капиталовложений, в нашем случае - индустриализации СССР в начале 1930-х годов, должно начаться замедление темпов роста в начале 1950-х. В реальности оно началось на десять лет позже, было отодвинуто восстановлением промышленности, разрушенной войной. Практика подтвердила теорию.

Способность к мобилизации для осуществления «большого толчка» всегда считали достоинством плановой экономики. Оказывается, после этого она может более-менее успешно функционировать двадцать-тридцать лет. Потом требует замены.

«...Этот «встроенный дефект» плановой системы достаточен для объяснения темпов роста... Все другие дефекты плановой системы либо не являются встроенными (то есть, видимо, не связаны с самой её природой), либо не успе-

ли проявить себя в полной мере в период застоя...»

Те, кто вовремя соскочили с паровоза, устремлённого в коммунизм, например, Китай или Вьетнам после своих «больших толчков», успешно развиваются. СССР дольше всех затянул плановый роман и в полной мере испытал его негативные последствия.

План по валу

Своим исследованиями профессор вводит читателя в заблуждение. Попробуем развеять заблуждение, но сначала разберёмся, что такое «пресловутый план по валу».

Валовая продукция предприятия за какой-то период - стоимость всей продукции предприятия, произведённой за этот период. Это очень просто. Это просто планировать и просто проверять выполнение плана отдельным предприятием. Именно производство валовой продукции стало тем основным показателем работы предприятий в СССР, найти который требовал В.И. Ленин в письме начальнику ЦСУ П.И. Попову от 16.08.1921: «...надо составить своего рода index-number (число-показатель) для оценки состояния всего нашего народного хозяйства и обязательно вырабатывать его не реже раза в месяц...» (ПСС, Т. 53, С. 123) Министерству, тресту, управлению, отдельному предприятию спускали плановое задание по производству валовой продукции, награждали за перевыполнение и наказывали за невыполнение. Относительно вала устанавливали фонд заработной платы и нормы затрат. За перерасход наказывали. План на следующий период устанавливали от вала, достигнутого в предыдущем периоде, подталкивая тем самым рост производства.

Сложности учёта такого простого показателя начинаются, когда мы начнём суммировать вал по всему народному хозяйству. Например, добыли на руднике железную руду. В валовую стоимость добычи будет входить износ машин, зарплата рабочих и прибыль предприятия. Из руды сделали сталь. В валовую стоимость продукта металлургов будет входить стоимость руды, износ печей и механизмов, зарплата металлургов и прибыль комбината. Из стали сделали трактор. В валовую стоимость продукции тракторного завода будет входить стоимость стали, износ станков, зарплата рабочих и прибыль завода.

Рабочее время, затраченное на производство товаров, превращается в стоимость. Нас интересует, сколько произведено стоимости в нашем маленьком народном хозяйстве. Так мы сможем планировать, распределять рабочее время. Казалось бы, всё просто: просуммируем вал трёх предприятий. Но получим в сумме: стоимость руды - валовая продукция рудника будет сложена со стоимостью руды как затрат в валовой продукции комбината и со стоимостью руды как затрат в валовой продукции завода. Простота валового показателя обернулась сложностями учёта. Чем сложнее производство, тем длиннее це-

почка предприятий от сырья до конечного продукта, тем большее количество раз суммируется одна и та же стоимость. Может получиться так, что количество продуктов, например, тракторов, не увеличивается, но валовая продукция, благодаря повторному счёту, увеличивается, и возникает иллюзия роста.

Приведём таблицу из книги Д.В. Валового (Это фамилия, а не псевдоним) «Экономика абсурдов и парадоксов» (М.: Политиздат, 1991, С. 389). Приняв стоимость исходного сырья за 1000, фонд зарплаты и рентабельность - по 20%, посчитаем, сколько будет стоить продукция, поступившая потребителю:

Стадия	Предметы труда	Зарплата	Прибыль	Всего	
I	1000	200	-	1200	Чугун
	1200	240	288	1728	Сталь
II	1728	345	415	2488	Прокат
III	2488	498	597	3583	Детали
IV	3583	717	860	5160	Мотор
V	5160	1032	1238	7430	Трактор
VI	7430	1486	1783	10699	Бульдозер
Сумма	22589	4518	5181	32288	

В нашем примере стоимость продукции, то есть реальный валовой продукт, будет равна сумме стоимости сырья 1000, зарплаты 4518 и прибыли предприятий 5181, то есть 10699. А статистическое управление нашего народного хозяйства объявит, что его ВВП равен сумме валовой продукции всех предприятий, то есть 32288.

Вал по плану

Недостатки такого показателя были известны ещё председателю Всесоюзного совета народного хозяйства Ф.Э. Дзержинскому, который выступал против его внедрения на пленуме ЦК КПСС в августе 1924 года.

Таблицу, подобную таблице Д.В. Валового, для большей наглядности своих возражений против введения данного показателя, опубликовал в 1925 году будущий нобелевский лауреат в области экономики В.В. Леонтьев.

Споры продолжались с начала 1920-х до начала 1930-х годов. Но в 1934 году председатель Совета народных комиссаров СССР В.М. Молотов подписал постановление «О единой системе показателей», согласно которому основным директивным показателем отныне являлась валовая продукция. Именно её планировали предприятиям, по ней отчитывали директора и секретари комитетов партии. Требовали рост именно валовой продукции и цифрами этого роста, прежде всего, отмечали преимущества планового хозяйства вообще и мудрого руководства партии конкретно.

Во время индустриализации - «большого толчка», как выразился про-

фессор Попов,- рост валовой продукции отражает реальный рост производства. По мере насыщения потребности в продукте, усиливаются искажения. Для примера возьмём хлебозавод (цифры из указанной книги Д.В. Валового).

По мере роста благосостояния населения и увеличения разнообразия продуктов питания потребление хлеба на душу населения уменьшается. Это общая закономерность. В 1980-м году расход хлебопродуктов на душу населения уменьшился по сравнению с 1947-м годом на 28,7%. А Госплан по-прежнему планирует министерству увеличение выпуска хлеба, точнее - валовой продукции, объёма производства. Например, в Щекинском районе потребление в 1975 году было меньше, чем в 1965 на 22%, а план реализации на пятилетку увеличили на 15%. Цены на хлеб неизменны. Магазины принимают хлеб по штукам. Как увеличить выпуск при уменьшении потребления? Если не увеличишь, лишишься сначала премии, потом - места работы. Есть два пути. Во-первых, увеличивать долю дорогих сортов, для которых используется дорогое сырьё; осваивать новые дорогие сорта. Во-вторых, увеличивать выпуск дешёвых сортов, которые население покупает в больших количествах, не потребляет полностью и остатки выбрасывает. По оценкам, в мусор уходило 5% хлеба. В печати иногда бывали возмущённые отзывы о людях, которые откармливают домашнюю скотину хлебом, но при этом авторы не упоминали, что самый дешёвый хлеб стоит 12 копеек за килограмм, а комбикорм - 18 копеек.

Цель общественного производства - удовлетворение потребностей людей. Эти потребности конечны, однажды наступает насыщение, как наступило насыщение хлебом в СССР. То же самое можно сказать о потребности в пище вообще, о потребности в одежде, в жилище. Количественный рост производства, начиная с некоторого момента, неизбежно будет совпадать с ростом населения. После этого производство может развиваться только качественно.

Стремление выполнить план по валу приводило к накоплению незавершённого строительства, о котором помянул профессор Попов. Поскольку затраты и фонд зарплаты планировались как процент от вала, строители в первую очередь стремились выполнить ту часть работы, которая давала наименьшие затраты и наибольшую зарплату на сумму освоенных средств - земляные работы, нулевой цикл, возведение стен. Отделку, как самый затратный и «зарплатный» этап, выполняли по наличию резервов. А поскольку, в целях технического прогресса, год от года предприятиям уменьшали затраты на материалы и рабочую силу, как допустимую долю от вала, подталкивая их таким образом к совершенствованию производства, незавершённое строительство год от года накапливалось. Такого, вместе со сверхнормативными запасами, накопилось к 1988 году на 200 миллиардов рублей.

Мы назвали вполне легальные методы выполнения плановых заданий, а были ещё приписки. Были даже «миллионеры» по припискам (Это миллионы

тех ещё, советских, рублей!). Рекордсменом в этой области следует назвать Госкомитет «Сельхозтехника». Он приписал Свирский моторостроительный завод. О том, что завода не существует стало известно только тогда, когда тот не смог выпустить запланированную продукцию. Чтобы выдать вал по плану, предприятие было вынуждено производить продукцию возможно менее трудоёмкую, то есть на возможно низшем техническом уровне. Также надо было производить продукцию с максимальными материальными затратами, то есть снова на возможно низшем техническом уровне. (Интересный получается капитализм, если принять точку зрения сторонников государственного капитализма в СССР, - капитализм с минимальной прибылью) Именно в этом была причина замедления роста производительности труда в СССР по сравнению с ростом капиталовложений.

Догоним капитализм

Фамилия Д.В. Валового звучит нечаянным каламбуром, потому что он выступал против применения, как основного показателя, валовой прибыли со времени окончания аспирантуры в конце 1950-х годов. Он не был каким-то чудачком, он сделал завидную для советского бюрократа карьеру: заместитель главного редактора еженедельника ЦК КПСС «Экономическая газета», в 1970-1980-е - заместитель главного редактора газеты «Правда», доктор экономических наук, профессор и проч.

Выступления в «Правде» против вала были и в 1960-е и позже. На статьи откликались, их поддерживали самые разные люди, которым не понаслышке было известно об особенностях учёта. Был и такой человек, как авиаконструктор О.К. Антонов, который даже выпустил на эту тему книгу «Для всех и для себя».

Д.В. Валовому удалось даже дойти со своими соображениями до Председателя Совета министров А.Н. Косыгина. В результате всей этой активности вышло постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР № 695 от 12.07.1979 «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы». Как ясно из названия, постановление охватывало «улучшение» многих сторон «хозяйственного механизма» (для рассмотрения его нужна отдельная большая статья), но для нас оно сейчас интересно тем, что вводило комплекс показателей работы предприятия и увязывало выполнение плана как в стоимостном, так и в натуральном выражении.

Что-то из предписанного стали выполнять, но в целом показатель валовой продукции удержался на своём месте. Попытка реформы 1979 года провалилась. Вал выжил и царствовал до гибели СССР.

Вдумчивый читатель удивится: что это за показатель такой заколдован-

ный, о пороках которого было известно до его применения, который мешал развиваться производству, которым были недовольны на самом высоком уровне, но который выжил до конца? Неужто показатель валовой продукции и впрямь присущ плановой экономике и ограничивает срок её жизни, как о том написал профессор Попов?

Во-первых, присущ не более, чем другие показатели, во-вторых - не только плановой экономике, о чём говорит сам профессор, и что позволяет предположить, почему вал оказался так живуч. Мы привели график 3 из статьи профессора, который сравнивает СССР и США именно по ВВП на душу населения. С того времени, как рядом с капиталистическими государствами образовалось государство диктатуры пролетариата, потребовалось сравнивать плановое производство с капиталистическим. Простейший и нагляднейший способ - сравнение по валовому внутреннему продукту. Только в начальный период роста производства вал более-менее удобен и для собственного учёта, отражает реальный рост. Но и тогда и потом очень удобно было рапортовать народу, строя график наподобие указанного, что плановая экономика догоняет капиталистическую и в обозримом времени, при сохранении темпов роста перегонит. Тогда социализм победит в соревновании с капитализмом

Даже когда отдельные министерства своим предприятиям стали в соответствии с постановлением 1979-го года планировать комплекс количественных и качественных показателей, местные комитеты КПСС по-прежнему рапортовали наверх о производстве валовой продукции и соответственно старались выдать её из директоров. Генеральный секретарь ЦК КПСС в одном и том же докладе мог сказать о пятилетке эффективности и качества, а потом сообщить радостную весть о грандиозном росте ВВП, который превышает рост ВВП капиталистических стран (что было правдой), и в погоне за которым снижаются эффективность и качество (понятно, о последнем с высоких трибун не говорили). Вал оказался самым удобным показателем для бюрократии и для пропаганды успехов социализма. Полагаем в этом тайна его живучести.

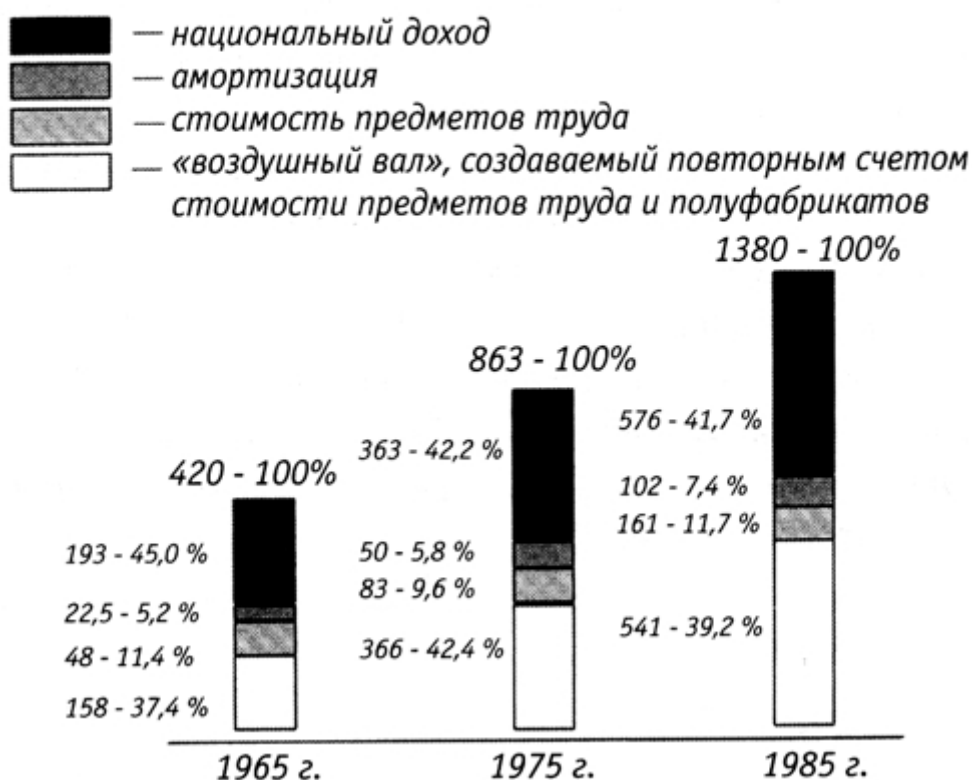
Валовой пузырь

О финансовых пузырях мы в последнее время наслушались, а что такое «валовой пузырь»? Иллюстрацией служит диаграмма из книги Д.В. Валового «От Сталина и Рузвельта до Путина и Буша» (М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2007, с. 163).

Это уже не примерная таблица, которую мы показали выше, но реальное производство общественного продукта СССР (национальному доходу здесь соответствует зарплата плюс прибыль в таблице, показанной выше как пример). В реальности на 1,4 триллиона рублей ВВП повторный счёт создавал объём в полтриллиона, то есть более трети всего показателя.

Этот повторный счёт не просто висел грузом, раздувая отчётность. Планирование происходило от достигнутого. Даже в тех областях, где производство достигло количественного насыщения, развитие понималось не как качественные изменения, но по-прежнему - как количественный рост. Планирование требовали как рост от достигнутого уровня, и каждый новый шаг - следующий процент роста - в погоне за капитализмом становился всё шире, его было всё труднее сделать. Не правда ли, очень похоже на схему финансового пузыря?

Структура валового общественного продукта (в млрд. рублей в фактических ценах и процентах)

Указанную диаграмму Д.В. Валовой направил М.С. Горбачёву с соответствующим пояснением, но тот объявил в стране ускорение, понимаемое опять как количественный рост, как рост стоимости произведённой продукции. Продолжилась бессмысленная погоня за валом, в которой отставали именно те, кто работал экономнее и производительнее. Каждый процент роста от достигнутого в 1985 году ВВП составлял 14 миллиардов рублей, из которых 4 миллиарда были «воздухом», стоимостью несуществующих товаров. Пузырь попросту лопнул.

Пытаться объяснить, почему он лопнул в конце 80-х - начале 90-х, столь же бессмысленно, как объяснять, почему пирамида ГКО рухнула в августе 1998,

а не в мае или декабре того же года; или почему пирамида деривативов в США рухнула в 2007, а не в 2005 или 2009. Тот, кто смог бы предсказывать сроки финансовых катастроф, стал бы самым богатым человеком на планете. До сих пор это никому не удавалось. Рассказывают, даже Ньютон, один из величайших математиков, в своё время крупно погорел, пытаясь угадать, когда рухнет финансовое предприятие, в которое он вложил большие деньги.

Убежим от социализма

В погоне участвуют двое. Капитализму в XX веке было так же жизненно важно убежать от своего смертельного врага, как социализму - догнать. Экономические достижения социализма отрицать невозможно, поэтому и после его смерти капитализму нет покоя, победителя преследует призрак мертвеца, точнее - память о достижениях. И капитализм вынужден бежать по той же дорожке. В своей статье профессор Попов рассказывает о смертельном недуге, присущем социализму, но существование капитализма оправдывает высокими темпами роста ВВП «азиатских тигров». Больше оправдать нечем.

Несколько лет назад российские власти дали экономике задание вдвое увеличить всё тот же ВВП. А недавно обрадовали народ, что ВВП Российской Федерации достиг размеров ВВП РСФСР 1990 года. Вот только народ не понял, с чего он должен радоваться. ВВП - статистический показатель, о недостатках которого мы рассказали, его на хлеб не намажешь. При капитализме умеют его поднимать не хуже, чем при социализме, но в отличие от последнего, набор законных методов шире. Например, здравоохранение - расходная часть бюджета государства. Но организованы частные предприятия - система обязательного медицинского страхования, и то, что было раньше расходом министерства, стало затратами предприятий. ВВП РФ обогатился на сумму, проходящую через страховые компании в больницы, при том, что количество медицинских услуг не увеличилось. Такая же история приключилась с расходами на жилищно-коммунальное хозяйство, когда были организованы предприятия по оказанию услуг ЖКХ.

В валовой внутренний продукт США входит такой странный для здравого смысла показатель, как сумма арендной платы, сэкономленная владельцами жилья. Люди, которые живут в собственных домах, не платят аренду, это понятно. Государственные органы рассчитывают, сколько они платили бы, если бы арендовали такое же жильё и прибавляют эти стоимости к ВВП США. Называется «приписная рента». За 2006 год набежало 0,9 триллиона долларов. Это составило около 10% ВВП или почти два военных бюджета США. Куда уж тягаться с американской изобретательностью советским чиновникам, занимавшимся банальными приписками!

То есть, буржуазная идеология, говоря о развитии, подразумевает коли-

чественный рост, рост стоимости, и в попытках убежать от плановой экономики, бежит по тому же направлению, роста ВВП, и для оправдания капиталистической экономики использует методы, увеличивающие именно показатели, не отражающие реального увеличения производства. И на этом пути нельзя остановиться, изменить показатели, потому что это будет признание своей неправоты, умаление достижений.

Остановиться и подумать

В статье о присущем плановой экономике недостатке профессор, мягко говоря, лукавил. Показатель валовой продукции - один из многих возможных показателей выполнения плана, он не присущ плановой экономике. Те же люди, которые выступали против его преимущественного использования, предлагали другие численные показатели, во-первых, и указывали на необходимость планирования в натуральных показателях, во-вторых, валовой показатель сыграл разрушительную роль не сам по себе, он лишь превратился в главное средство управления производством в руках правящей бюрократии. Выдавая задание по росту произведённой стоимости, бюрократия давала ложную цель производству и получала ложный ответ о результатах выполнения.

Цель социалистического производства - удовлетворение потребностей людей. От капиталистической экономики общество, по сути, требует того же. Буржуазные идеологи, оправдывая существование капитализма, в первую очередь говорят, что только он способен удовлетворять спрос потребителей (Рыночный спрос неравнозначен потребностям людей, но это отдельная тема). Для удовлетворения потребностей людям нужны продукты труда определённого качества, и конечно - в определённом количестве. То есть, единственный стоимостной показатель не может никак отмечать уровень развития производства (Стоимость в плановом производстве - тоже отдельная тема).

Мало того, если начать сравнивать капиталистическое и социалистическое производство в стоимостных показателях, то социализм проиграет. С развитием производительной силы труда, производство конкретных предметов потребления отнимает всё меньше рабочего времени. То есть, при том же уровне удовлетворения потребностей уменьшается стоимость производимых предметов. Также уменьшается стоимость воспроизводства рабочей силы, в масштабах народного хозяйства - уменьшается зарплата (Следует оговориться: это происходит после определённого количественного насыщения, например, того, которое выше описано для хлебопечения) С техническим развитием народное хозяйство всё больше превращается в единое предприятие, между отдельными заводами уже не отношения купли-продажи, но отношения заказа-снабжения, как между отдельными цехами одного завода. То есть, пресловутый вал с развитием производительных сил общества, переходящего к комму-

низму, должен уменьшаться.

Развивающееся социалистическое производство не может соревноваться с капиталистическим на пути капиталистического, то есть, по показателям стоимости произведённого товара. Такое соревнование неизбежно заведёт в тупик социалистическое производство.

Мы выступим перед миром не как доктринеры с готовым новым принципом: Тут истина, на колени перед ней! — Мы развиваем миру новые принципы из его же собственных принципов. Мы не говорим миру: «перестань бороться; вся твоя борьба — пустяки», мы даем ему истинный лозунг борьбы. Мы только показываем миру, за что собственно он борется, а сознание — такая вещь, которую мир должен приобрести себе, хочет он этого или нет.

Karl Marx.

**ВОПРОСЫ
МАРКСИСТСКОЙ
ФИЛОСОФИИ**

№1(6) 2010
Научно-популярный журнал

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЮ	165
ПАМЯТИ ТОВАРИЩА	166
I. ИЗ ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ	
1. <i>М.Ф. Овсянников</i> – Гегель, его жизнь и творения.....	169
2. <i>Г. Гегель</i> – Сущность философии.....	171
а) философия и ее предмет	
б) отношение философии к другим наукам	
в) философия есть научное познание в системе	
г) отношение философии к действительности	
3. <i>Г. Гегель</i> – Рассудочное или формальнологическое мышление	174
II. ДИАЛЕКТИКА	
1. <i>И.И. Макаров</i> – Диалектическая логика.....	178
2. <i>В.В. Предтеченский</i> – Диалектика как марксистская логика (философское эссе).....	195

К ЧИТАТЕЛЮ

Уникальное детище И.И. Макарова получает новую прописку в журнале «Неизвестный марксизм».

Воссоздание «Вопросов марксистской философии» вызвано острой необходимостью вернуть к жизни единственную пропагандистскую и научную площадку марксистской философии в нашей стране, утраченную в начале 2000-х годов. Актуальность этого начинания можно выразить словами из первого номера журнала: «Кому в первую очередь адресован наш журнал? Молодежи, коммунистам, а также тем, кто вместе с нами искренне желает понять сущность диалектико-материалистического мировоззрения. А для этого всем нам, как никогда, не хватает высокой культуры мышления - диалектической. На наш взгляд, только на ее основе необходимо и анализировать, и разрабатывать новые подходы разрешения социальных конфликтов, и подвергать критике своих оппонентов, и самое главное — практически выступить против существующего положения вещей и изменить его». Мы обращаемся ко всем, кто согласен с высказанными нами целями и задачами, а также с методом подачи обсуждаемого или изучаемого материала, с предложением объединить наши усилия как в теоретическом плане осмысления марксизма, так и в работе по его распространению через наш журнал».

Редакция продолжит традицию обращения к основам философской мысли и, прежде всего, к диалектике. Наряду с этим мы ждем новаторские материалы современных философов-марксистов.

Часть статей из прошлых выпусков журнала вновь увидит свет ввиду их большой актуальности.

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

И. Абрамсон

Мое знакомство с Иваном Ивановичем состоялось в конце 1991 г., в страшное время катастрофы СССР и КПСС. На руинах последней создавались новые партии и движения. Иван Макаров был среди тех, кто понимал, что главной причиной коллапса «советского социализма» явился не ликвидированный со сталинских времён разрыв с подлинным марксизмом в теории и практике КПСС. И он поставил для себя задачу – «сея разумное, доброе, вечное», воспитывать настоящую политическую культуру в новых борцах с нашествием капиталистического варварства. Он помогал в этом всем тем левым, кто был открыт для восприятия этой культуры.

Но ни одна из новых коммунистических партий полностью его не устраивала. Ближе всего взглядам И. И. Макарова соответствовали программные и уставные положения РПК, и с 1-го ее съезда, участником которого он был, И. И. Макаров стал её сторонником. Тесное сотрудничество И. И. Макарова с Региональной партией коммунистов продолжалось до последних дней его жизни.

Иван Иванович был активным участником движения «Коммунисты за права граждан», объединившего в начале 90-ых годов коммунистов Ленинграда независимо от их партийной принадлежности. Он был инициатором создания и фактическим руководителем ДСПС – Движения за демократию, социальный прогресс и справедливость, одним из учредителей в мае 1994 г. регионального отделения Союза левых интернационалистов, входил в его координационный совет. С 2000 года, особенно после слияния в 2001 г. Интерсоюза с движением «Альтернативы», И. И. Макаров столь же активно работал в нем, выполнял функции ревизора в региональном отделении, был участником большинства московских и всех питерских конференций «Альтернатив». Его выступления на этих конференциях, на совместных семинарах РПК и «Альтернатив» отличались содержательностью и теоретической выверенностью.

Особо следует сказать о двух замечательных свершениях Ивана Ивановича.

В 1997 г. он стал издавать журнал «Вопросы марксистской философии». У него не было никаких спонсоров. Были лишь помощники, которых он увлек этим начинанием: супруга Людмила Васильевна, старшие сыновья Иван и Дмитрий и друг – И. Я. Огурцов. С 1997 по 2002 гг. вышло 5 номеров журнала – продукта самозабвенного труда и бескорыстия. О серьезности и разносторонности содержания «Вопросов марксистской философии» говорят его рубрики: «Из истории философской мысли», «Хрестоматия марксизма», «Диалектическая логика», «Полемика: прямые углы круглого стола марксизма», «Уроки

борьбы», «Краткий научно-популярный словарь»... Журнал исправно выполнял миссию, заданную его основателем, - способствовать освоению и дальнейшему развитию идей марксизма.

Второй жизненный подвиг Ивана Ивановича – создание «Электронной библиотеки марксизма», один лишь полный каталог которой занимает около 50 страниц. В неё вошли избранные труды К. Маркса и Ф. Энгельса, Полное собрание сочинений В. И. Ленина, «Опыты Тьерри и материалистическое понимание истории» Г. В. Плеханова, работы А. Богданова, Н. Бухарина, Л. Троцкого, виднейших отечественных и зарубежных марксистов, хрестоматия работ классиков по диамату и истмату, периодика (журналы и газеты) социалистической направленности последнего десятилетия, программы и уставы современных левых политических партий и движений, история философии в оригинальных сочинениях мыслителей от античности до наших дней, систематизированная по эпохам и цивилизациям. На диске имеются и более 150 портретов, и философско-поэтический блок, и блок по религиоведению, содержащий Библию с Ветхим и Новым Заветом, Коран и сочинения атеистов прошлого и современности, и даже философские шутки. Огромный труд! И в создании электронной библиотеки большую помощь Ивану Ивановичу также оказали сыновья Иван и Дмитрий.

Талант воспитателя – ещё одна грань душевно и интеллектуально богатой личности И. И. Макарова. Вместе с Людмилой Васильевной он вырастил троих сыновей, двое уже самостоятельные люди, один – успешный журналист, другой – специалист по информационной системотехнике. Отец был для них примером, наставником, старшим товарищем. Не забыть, как ежегодно, 1 мая и 7 ноября, в часы последемонстрационных митингов на Дворцовой площади семейство Макаровых, сыновья рядом с отцом, ещё и будучи школьниками и студентами, бодро распространяли «Вопросы марксистской философии», «Альтернативы» и другую современную социалистическую литературу. Кроме того, Иван Иванович продумал сборно-разборную конструкцию стендов, изготовил их, опять-таки вместе с сыновьями, и они постоянно используются «Альтернативами», РПК, Комитетом единых действий, ранее – Интерсоюзом.

И. И. Макаров много лет преподавал обществоведение и был классным руководителем в Речном училище, ставшем потом Колледжем специалистов флота при Университете водных коммуникаций. В течение одного семестра в 2001 г. я вел там (по рекомендации И. И.) физику и мог наблюдать, с каким уважением относятся к И. И. Макарову курсанты. Он умело заинтересовывал их распутыванием хитросплетений общественных проблем, исподволь подводя к пониманию путей разрешения социальных противоречий, раскрывал красоту диалектики. В классе обществоведения – в наше время! – висели портреты

Маркса, Энгельса, Ленина. Это тоже – поступок. И он, очевидно, впечатлял курсантов.

Последний раз я виделся с Иваном Ивановичем 24 июня 2004 г., в хосписе, за 2 с небольшим недели до кончины. В этот день ему было несколько лучше и он ещё намечал планы... С удовольствием перелистывал принесённые последние два номера «Альтернатив», с благодарностью отметив опубликование информации о его электронной библиотеке. В этой последней нашей беседе он повторял старую свою мысль-императив: мы, нынешние марксисты, в повседневных будничных делах, в отношениях между собой, с другими людьми должны быть образцами честности, взаимопомощи, реальной, не показной. И просил передать всем друзьям в Питере и Москве самые добрые пожелания.

Иван Иванович Макаров был воистину настоящим человеком будущего царства свободы.

ГЕГЕЛЬ ЕГО ЖИЗНЬ И ТВОРЕНИЯ

М. Овсянников

Георг Вильгельм Фридрих Гегель (Hegel, 1770—1831) — великий представитель немецкой классической философии, разработавший в систематической форме основные законы и категории идеалистической диалектики. Гегель родился в Штутгарте, в семье высокопоставленного чиновника. С 1788 по 1793 г. учился в Тюбингенском теологическом лютеранском институте. Восторженно встретил события буржуазной французской революции, вместе с Шеллингом и поэтом Гёльдерлином участвовал в посадке символического «дерева свободы» (1791). По окончании института работал домашним учителем в Берне (1793—1796). В эти годы Гегель был сторонником демократической формы правления, критически относясь к прусским порядкам и официальной религии. Демократические настроения философа, нашли отражение в ранних его рукописях, изданных Г. Нолем в 1909 г.: «Народная религия и христианство», «Жизнь Иисуса», «Позитивность христианской религии».

В 1797—1800 гг. Гегель был домашним учителем во Франк-фурте-на-Майне. Здесь он пишет брошюру «О новейших внутренних отношениях Вюртемберга, в особенности об устройстве магистрата» (1798 г.), где ставит вопрос о необходимости конституционных реформ. В 1799 г. заканчивает трактат «Дух христианства и его судьба» и составляет комментарий к основному труду английского экономиста Д. Стюарта.

С 1801 г. начинается педагогическая деятельность Гегеля в Иенском университете. Вместе с Шеллингом он издает «Критический журнал философии», где публикует критические статьи против философии Канта и Фихте. Самое крупное произведение Гегеля этого периода - «Феноменология духа» («Phänomenologie des Geistes» 1806), где он освобождается от влияния Шеллинга, формулирует основные положения и дает первый набросок своей объективно-идеалистической философии, в которой развитие действительности есть развитие ее самосознания, а потому история и теория (логика) познания совпадают с теорией и историей бытия.

Некоторое время Гегель редактировал «Бамбергскую газету», а с 1808 по 1816 г. был директором гимназии в Нюрнберге. В этот период он пишет свой основной труд «Наука логики» («Wissenschaft der Logik», 1812—1816).»

Общеввропейская реакция, установившаяся после падения Наполеона, отразилась на политической позиции Гегеля: теперь он объясняет современное ему прусское государство построенным «на разумных началах».

В 1816 г он профессор Гейдельбергского, а с 1818 г. Берлинского университета. Со времени приглашения в Гейдельберг Гегель по сути дела стал

официальным профессором прусского правительства. В «Энциклопедии философских наук» («Enzyklopadie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse», 1817), которая состоит из трех частей (I- «Логика», II- «Философия природы», III — «Философия духа»), система Гегеля получила окончательное оформление, здесь же проявился сдвиг его политических взглядов

Консервативные стороны гегелевской философии нашли свое наибольшее выражение в «Философии права» (1821 г.), последнем произведении, вышедшем при жизни Гегеля. Что касается остальных трудов — «Лекции по философии истории», «Лекции по эстетике» «Лекции по философии религии» и «Лекции по истории философии», — то все они представляют собой издания, подготовленные на основании рукописей Гегеля и записей его лекций учениками и опубликованные ими после смерти философа.

Как объективный идеалист Гегель берет за первооснову всех явлений природы и общества «Абсолют», т. е. некое безличное, духовное начало, которое он называет то «мировым разумом», то «мировым духом», то «абсолютной идеей», которая существует, по Гегелю до остального мира, природы и общества. Эта «Идея» развивается через противоречия от абстрактного к конкретному состоянию, означаящему полноту ее самореализации и достижение ею абсолютного тождества бытия и мышления, которое (тождество) на протяжении всего пути до конца системы было еще неполным относительным, в определенной мере потенциальным. На этом пути «Идея» «отчуждает» себя в природе, а потом возвращается к себе, в человеческом мышлении и истории человеческого общества, проходя при этом ступени субъективного, объективное и, абсолютного духа. Последний выступает в свою очередь в трех формах: искусство, религия и философия. Общие контуры системы изложены Гегелем в трех частях «Энциклопедии философских наук». Последняя ступень развития абсолютной идеи — философия духа более детально разработана, чем учение о природе. Заключительная часть ее подробно излагается в лекциях по философии истории, эстетике, религии и истории философии, но тексты этих лекций, в частности по эстетике, не всегда хорошо подготовлены. Осталось не вполне ясным и соотношение «Абсолюта» и понятия бога, отчего возникли различные истолкования комментаторами панлогического идеализма Гегеля в духе либо христианского креационизма, либо пантеизма и даже атеизма.

Всемирно-историческая заслуга Гегеля заключается в том, что он, продолжая и развивая идеи своих предшественников — Канта, Фихте и Шеллинга, используя достижения английских экономистов и успехи естественных наук того времени, создал развитую систему идеалистической диалектики, синтезировав в ней диалектические уроки развития многих областей знания.

Классики марксизма-ленинизма различали в философии Гегеля две стороны — диалектический метод и метафизическую систему, построенную на ос-

нове объективного «абсолютного» идеализма. Диалектический метод как учение о категориальной структуре научного знания содержит в себе «рациональное зерно», или «ядро» («Kern») — теорию развития, и поэтому является прогрессивной стороной философии Гегеля; его идеалистическая догматическая система представляет собой консервативную сторону, поскольку требует прекращения развития и тем самым вступает в противоречие с диалектическим методом. Это противоречие возникло, несмотря на то, что сам Гегель считал метод способом самодвижения содержания системы, формой ее самораскрытия.

Рациональное содержание гегелевской диалектики могло быть спасено лишь в результате критической переработки гегелевского наследия. Эту работу осуществили основоположники марксизма-ленинизма.

Приведенные отрывки из трудов Гегеля дают представление об основных разделах и структуре его системы и содержат наиболее важные положения его учения, освещают главные его категории. Фрагменты даны по изданиям: 1) Гегель. Сочинения. Перевод П. Столпнера, Б. Фохта, Г. Шпета, А. Ведена. Т. I—XIV. М. — Л., 1929—1959). 2) Г е г е л ь. Наука логики. Перевод Б. Столпнера и др. Т. I. М., 1970.

СУЩНОСТЬ ФИЛОСОФИИ

Г. Гегель

ФИЛОСОФИЯ, ЕЕ ПРЕДМЕТ

Философию можно предварительно определить вообще как мыслящее рассмотрение предметов. Но если верно — а это, конечно, верно, — что человек отличается от животных мышлением, то все человеческое таково только потому, что оно произведено мышлением. Так как, однако, философия составляет своеобразный способ мышления, такой способ мышления, благодаря которому оно становится познанием, и познанием посредством понятий, то философское мышление также отличается и от того мышления, которое деятельно во всем человеческом и сообщает всему человеческому его человечность, хотя оно и тождественно с ним, так как в себе существует только одно мышление. Это различие связано с тем, что содержание человеческого сознания, имеющее своим основанием мышление, выступает сначала не в форме мысли, а в форме чувства, созерцания, представления — в формах, которые должно отличать от мышления как формы (1, I, С. 18).

Так как в философии именно мышление является своеобразной формой ее деятельности, а всякий человек от природы способен мыслить, то [...] происходит как раз противоположное тому, что, как мы упомянули выше, часто со-

ставляет предмет жалоб на непонятность философии. Эта паука претерпевает часто такое пренебрежение, что даже те, которые не занимались ею, воображают, что без всякого изучения они понимают, как обстоит дело с философией, и что, получив обыкновенное образование и опираясь в особенности па религиозное чувство, они могут походя философствовать и судить о философии. Относительно других наук считается, что требуется изучение для того, чтобы знать их, и что лишь такое знание дает право судить о них. Соглашаются также, что для того, чтобы изготовить башмак, нужно изучить сапожное дело и упражняться в нем, хотя каждый человек имеет в своей ноге мерку для этого, имеет руки и благодаря им требуемую для данного дела природную ловкость. Только для философствования не требуется такого рода изучения и труда. Это удобное мнение нашло себе в новейшее время подтверждение в учении о непосредственном знании — знании посредством созерцания (1, I, С. 21).

ОТНОШЕНИЕ ФИЛОСОФИИ К ДРУГИМ НАУКАМ

Отсюда видно отношение спекулятивной пауки к другим наукам. Она не отбрасывает в сторону эмпирического содержания последних, а признает его, пользуется им и делает его своим собственным содержанием: она также признает всеобщее в этих науках, законы, роды и Т. д., но она вводит в эти категории другие категории и удерживает их. Различие, таким образом, состоит лишь в этом изменении категорий. Спекулятивная логика содержит в себе предшествующую логику и метафизику, сохраняет те же самые формы мысли, законы и предметы, но вместе с тем развивает их дальше и преобразовывает их с помощью новых категорий (1, I, С. 26—27).

ФИЛОСОФИЯ ЕСТЬ НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ В СИСТЕМЕ

Философствование без системы не может иметь в себе ничего научного; помимо того что такое философствование само по себе выражает скорее субъективное умонастроение, оно еще и случайно по своему содержанию. Всякое содержание получает оправдание лишь как момент целого, вне же этого целого оно есть необоснованное предположение, или субъективная достоверность. Многие философские произведения ограничиваются тем, что высказывают, таким образом, лишь умонастроения и мнения. — Под системой ошибочно понимают философское учение, основывающееся на ограниченном, отличном от других принципе; на самом деле, принцип истинной философии состоит именно в том, что он содержит в себе все особые принципы (1, I, С. 32—33).

Истинной формой, в которой существует истина, может быть лишь научная система ее. Моим намерением было — способствовать приближению философии к форме науки — к той цели, достигнув которой она могла бы отказаться от своего имени любви к знанию и быть действительным знанием.

Внутренняя необходимость того, чтобы знание было наукой, заключается в его природе, и удовлетворительное объяснение этого дается только в изложении самой философии (1, IV, С. 3).

ОТНОШЕНИЕ ФИЛОСОФИИ К ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Именно в вопросе об отношении философии к действительности и господствуют недоразумения, и, таким образом, я возвращаюсь к тому, на что я указал раньше: философия именно потому, что она сслъ проникновение в разумное, представляет собой постижение наличного и действительного, а не выставление потустороннего начала, которое бог знает, где существует или о котором, вернее, мы на самом деле можем определенно сказать, где оно существует, можем сказать, что оно существует только в заблуждении одностороннего, пустого рассуждательства. [...]

Что разумно, то действительно;
и что действительно, то разумно.

Этого убеждения придерживается каждое не испорченное умствованиями сознание, точно так же как и философия, и из этого убеждения исходит философия в своем рассмотрении как духовного, так и природного универсума [...].

ОТНОШЕНИЕ ФИЛОСОФИИ К ЕЕ ЭПОХЕ

Постичь то, что есть, — вот в чем задача философии, ибо то, что есть, есть разум. Что же касается отдельных людей, то, уж конечно, каждый и без того сын своего времени; таким образом, и философия есть точно так же современная ей эпоха, постигнутая в мышлении. Столь же глупо думать, что какая-либо философия может выйти за пределы современного ей мира, сколь глупо думать, что отдельный индивидуум может перепрыгнуть через свою эпоху, перепрыгнуть через Родос. Если же его теория в самом деле выходит за ее пределы, если он строит себе мир, каким он должен быть, то этот мир, хотя, правда, и существует, однако только в его мнении; последнее представляет собой мягкий материал, на котором можно запечатлеть все, что угодно. [...]

Сделаем еще одно замечание относительно поучения, каким мир должен быть; мы добавим к вышесказанному, что помимо всего прочего философия всегда приходит для такого поучения слишком поздно. В качестве мысли о мире она появляется лишь тогда, когда действительность закончила свой процесс образования и завершила себя. Этому учит понятие, и история также необходимо показывает нам, что лишь в пору зрелости действительности идеальное выступает наряду с реальным и строит для себя в образе интеллектуального царства тот же самый мир, лишь постигнутый в своей субстанции. Когда философия начинает рисовать своей серой краской по серому, это показы-

вает, что некоторая форма жизни постарела и своим серым по серому философия может не омолодить, а лишь понять ее; сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек (1, VII, С. 14—17).

Таково положение философии среди других областей; следствием такого положения является то, что она совершенно тождественна со своей эпохой. Но если философия по своему содержанию и не стоит выше своего времени, то она все же выше его по своей форме, ибо она как мышление и знание того, что представляет собой субстанциальный дух ее эпохи, делает его своим предметом. Поскольку она мыслит в духе своего времени, он является ее определенным отображающим мир содержанием; но вместе с тем она в качестве звания также и выходит за его пределы, так как она противопоставляет его себе; но это противопоставление лишь формально, ибо она поистине не обладает никаким другим содержанием (1, IX, С. 55).

РАССУДОЧНОЕ ИЛИ ФОРМАЛЬНОЛОГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Логическое по своей форме имеет три стороны: а) абстрактную, или рассудочную, б) диалектическую, или отрицательно-разумную, γ) спекулятивную, или положительно-разумную.

Эти три стороны не составляют трех частей логики, а суть моменты всякого логически реального, т. е. всякого понятия или всего истинного вообще. Все они могут быть положены в первом моменте, в моменте рассудочности, и благодаря этому могут быть удерживаемы в отроженности друг от друга, но в этом виде они рассматриваются не в их истине. Указания, которые будут здесь сделаны относительно определения логического, равно как и относительно разделения логики, также являются лишь предвосхищением и историчны. [...]

а) Мышление как рассудок не идет дальше неподвижной определенности и отличия последней от других определенностей; такую ограниченную абстракцию оно считает обладающей самостоятельным существованием.

Прибавление. Когда речь идет о мышлении вообще или в частности о постижении в понятиях, то часто имеют при этом в виду лишь деятельность рассудка. Но хотя мышление есть раньше всего рассудочное мышление, оно, однако, на этом не останавливается, и понятие не есть одно лишь определение рассудка. Деятельность рассудка состоит вообще в том, что она сообщает своему содержанию форму всеобщности, и всеобщее, как его разумеет рассудок, есть некоторое абстрактно всеобщее, которое, как таковое, фиксируется в противоположность особенному, но благодаря этому само в свою очередь также оказывается особенным.

Так как рассудок действует по отношению к своим предметам разделяющим и абстрагирующим образом, то он, следовательно, представляет со-

бой противоположность непосредственному созерцанию и чувству, которые, как таковые, всецело имеют дело с конкретным и остаются при нем.

К этой противоположности между рассудком и ощущениями относятся те часто повторяющиеся упреки, которые делались мышлению вообще. Эти упреки сводятся к тому, что мышление негибко и односторонне, что оно в своей последовательности ведет к губительным и разрушительным результатам. На такие упреки, поскольку они по своему содержанию справедливы, следует раньше всего ответить, что ими задевается не мышление вообще и не разумное мышление, а лишь рассудочное мышление. Но затем следует прибавить, что раньше всего мы должны также признать право и заслугу чисто рассудочного мышления, состоящую вообще в том, что как в теоретической, так и в практической области нельзя достигнуть твердости и определенности без помощи рассудка. Что касается познания, то оно начинается с того, что схватывает наличные предметы в их определенных различиях, и, например, при рассмотрении природы различаются, таким образом, вещества, силы, виды и т. д. и самостоятельно фиксируются в эти их изолированности. Мышление действует при этом как рассудок и его принципом в этой деятельности является тождество простое соотношение с собой. Это тождество и есть то, что ближайшим образом обуславливает в познании переход от одного определения к другому. [...]

Не только в теоретической, но и в практической области нельзя обойтись без рассудка. Для действия требуется главным образом характер, а человек с характером - это рассудительный человек, который, как таковой имеет перед собой определенную цель и твердо ее преследует. Кто хочет достигнуть великого, тот должен, как говорит Гёте, уметь ограничивать себя. Кто же, напротив хочет всего, тот на самом деле ничего не хочет и ничего не достигнет. Существует масса интересных вещей на свете - испанская поэзия, химия, политика, музыка; все это очень интересно, и нельзя ничего иметь против человека, который ими интересуется, однако, чтобы сознать что-нибудь, данный индивид, находящийся в определенном положении, должен держаться чего-либо одного и не разбрасываться в различные стороны. В каждом занятии точно так же важно, чтобы оно совершалось рассудительно; так, например, судья должен держаться закона, произносить решения согласно ему и не давать отклонить себя от этого способа действия тем или другим соображениям, не принимать никаких оправданий, не отклоняться в сторону.

Дальше следует сказать, что рассудок есть вообще существенный момент образования. Образованный человек не удовлетворяется туманным и неопределенным, а схватывает предметы в их четкой определенности; необразованный же, напротив, неуверенно шатается туда и обратно, и часто приходится употреблять немало труда, чтоб договориться с таким человеком — о чем же

идет речь, и заставить его неизменно держаться именно этого определенного пункта.

Далее, так как, согласно прежде данному нами разъяснению, логическое следует вообще понимать не только в смысле субъективной деятельности, а, наоборот, как всецело всеобщее и, следовательно, вместе с тем объективное, то это находит применение также и по отношению к рассудку, этой первой форме логического. Рассудок, согласно этому, следует рассматривать как нечто соответствующее тому, что называют божьей благодатью, поскольку под последней понимают то, что конечные вещи суть, что они обладают устойчивым бытием. [...] Понимаемый в таком смысле, рассудок обнаруживает свое присутствие во всех вообще областях предметного мира, и совершенство какого бы то ни было предмета непременно предполагает, что принцип рассудка занимает в нем место, принадлежащее ему по праву. Государство, например, несовершенно, если в нем еще не осуществились определенные различия словий п занятий, и если в кем различные по своему понятию политические и административные функции еще не развились в особые органы, как это, например, имеет место в развитом животном организме с различными функциями ощущения, движения, пищеварения и т. д. Из предшествующих разъяснений вытекает, далее, что и в таких областях и сферах деятельности, которые, согласно обычному представлению, как будто лежат очень далеко от рассудка, последний все же не должен отсутствовать, поскольку же он отсутствует, это должно рассматриваться как недостаток. В особенности это верно по отношению к искусству, религии и философии. Так, например, в искусстве рассудок обнаруживается в том, что различные, согласно понятию, формы прекрасного также фиксируются и воспроизводятся в этом их различии. То же самое верно и по отношению к отдельным произведениям искусства. Для того чтобы драматическое произведение было прекрасным и законченным, необходимо, чтобы характеры различных персонажей были развиты в их чистоте и определенности, и именно так, чтобы различные цели и интересы, вокруг которых вращается действие, были ясно и четко очерчены. [...] Что, наконец, философия также не может обойтись без рассудка, это после всего вышесказанного вряд ли нуждается в особом разъяснении. Для философствования требуется прежде всего, чтобы каждая мысль мыслилась нам во всей ее строгости и чтобы мы не оставляли ее смутной и неопределенной.

Но обыкновенно говорят также, что рассудок не должен заходить слишком далеко, и в этом утверждении правильно, что рассудочные определения во всяком случае не представляют собой последнего результата, а, наоборот, конечны — говоря более точно, носят такой характер, что, доведенные до крайности, превращаются в свою противоположность; юношеству свойственно

блуждать в отвлечениях, но человек, умудренный жизненным опытом, напротив, не отдается абстрактному или — или, а держится конкретного.

ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА

И. Макаров

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ МЫШЛЕНИЯ

Что представляет собой мышление человека, его язык? Какова их взаимосвязь? Какую они играют роль в нашей жизни? Ответам на эти, и многие другие вопросы, посвящаются размышления в данной статье, которая носит реферативный характер.

Мышление есть продукт высокоорганизованной материи. В широком смысле, мышление - это понимание человеком собственного бытия, своего существования, своего отношения к внешнему миру и отношений предметов внешнего мира между собой.

Мышление есть общественный продукт, хотя и «существует только как индивидуальное мышление многих миллиардов, прошедших, настоящих и будущих людей» /Ф.Энгельс. Анти-Дюринг.Т.20.С.87/. Оно возникает и развивается вместе с появлением труда и языка, который фиксирует результаты мышления. Но возникнув в процессе практической деятельности человека, мышление становится относительно самостоятельным. И «может действительно вообразить себе, - по словам Ф.Энгельса, - что оно нечто иное, чем осознание существующей практики, что оно может действительно представлять себе что-нибудь, не представляя себе чего-нибудь действительного, - с этого момента сознание в состоянии эмансипироваться от мира и перейти к образованию «чистой» теории, теологии, философии, морали и т.д.»/Там же, Т.3.С.30/. Разделение труда на умственный и физический способствовало этому еще больше. Такая «эмансипация», как мы увидим в дальнейшем, является одним из источников логических парадоксов человеческого мышления.

МЫШЛЕНИЕ (рациональное познание) отличается от чувственного познания - ощущения, восприятия и представления тем, что оно **НЕ ЯВЛЯЕТСЯ НЕПОСРЕДСТВЕННЫМ ОТРАЖЕНИЕМ ПРЕДМЕТОВ И ЯВЛЕНИЙ**. А это формирует важнейшую черту человеческого мышления - отображение существенного в объективном мире. Только человек способен образовывать понятия, суждения и умозаключения, которые являются высшей конкретной формой отражения мира в сознании. «Представление не может схватить движения в целом, например, не схватывает движения с быстротой 300000 км в 1 секунду, а мышление схватывает и должно схватить» /В.И.Ленин. Философские тетради. Т.29.С.209/.

Трудно представить себе отдельно существующими мышление и язык. Однако, несмотря на их взаимосвязь и взаимообусловленность, как первое, так и второе понятие имеют свои сугубо отличительные признаки.

ЯЗЫК - ЭТО СРЕДСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ, орудие реализации мысли, орудие обмена мыслями, возникающее в процессе общественного производства. Основная функция языка - быть средством общения, обмена мыслями. (В качестве языка, в этом смысле, может выступать не только человеческая речь, но и другие информационные системы, которые, в частности, получили широкое распространение среди слепых, глухих и слепоглухонемых людей.)

МЫШЛЕНИЕ - ЭТО СРЕДСТВО ОТРАЖЕНИЯ предметов и явлений в сознании людей. Поэтому всякая попытка отождествлять язык и мышление представляет грубую вульгаризацию.

ОСНОВУ ЯЗЫКА составляют ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТРОЙ языка и его словарный фонд.

ОСНОВУ МЫШЛЕНИЯ составляют ЛОГИЧЕСКИЙ СТРОЙ мышления и его фонд понятий, в которых отразились закономерности объективного мира.

ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТРОЙ
НЕ ЯВЛЯЕТСЯ
ПОЛНЫМ ТОЖДЕСТВОМ ЛОГИЧЕСКОГО СТРОЯ:

Грамматический строй - это структура слова и формы связи и сочетания слов в ПРЕДЛОЖЕНИИ.

Логический строй - это структура мыслей, формы сочетания и связи мыслей в РАССУЖДЕНИИ.

Поэтому ошибки того и другого строя существенно отличаются друг от друга. Наше внимание будет сосредоточено на ошибках именно логического строя. Как уже говорилось выше, ни одна мысль не может возникнуть вне слова. Но отсюда не следует, подчеркнем это еще раз, что мысль тождественна слову. Слово помогает мышлению в процессе обобщения познаваемых предметов материального мира. В известном смысле, оно есть интерпретация мысли. В словах мысль одного человека как бы является другому либо в открытом, либо в замаскированном виде, но всегда как интерпретация. Поэтому, чтобы оценить мышление человека с точки зрения его правильности и глубины, даже если он не скрывает своих мыслей, необходимо знать нарушаются ли им законы мышления как такового, представляющие собой результат исторического развития всего человеческого общества с момента его возникновения.

С позиций достижений современной науки в развитии человеческого общества можно выделить три особых его состояния, три по-своему обособленных мира, каждому из которых присущ свой, отличный от всех остальных,

стиль мышления. Данная специфика нашла свое отражение в определенных законах логики, которая предстает в силу этого перед нами сначала как энигматическая, затем как формальная, и наконец, как диалектическая.

Мышление современного человека в своем развитии последовательно проходит те же этапы, что когда-то проходило все человечество в целом. Это и определяет актуальность изучения законов разных уровней логики, а также, формирующихся на их основе, самых разнообразных стилей мышления.

АЛОГИЧЕСКИЙ МИР ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Древние люди всегда рассматривали человека как часть общества, а общество как часть природы, зависящей от космических сил. Для них природа и человек не противостоят друг другу, а потому и разделение способов их познания не имело ни какого смысла. Наблюдения за дикарями в наше время так же подтверждают это.

Различие в отношении к окружающему миру современного и древнего человека заключается в следующем: для современного человека мир явлений есть в первую очередь «ОНО», для древнего - он есть «Ты». У первобытного человека, - по словам Краули, - есть только одни мысли, одна часть речи, один способ выражения: личный». Это не означает (как часто думают), что первобытный человек для объяснения природных явлений наделяет неодушевленный мир человеческими характеристиками. Для первобытного человека неодушевленного мира попросту не существует. По этой-то причине он и не «персонифицирует» неодушевленные явления и не наполняет пустой мир духами мертвых, в чем пытается нас убедить «анимизм».

Мир для первобытного человека представляется не пустым или неодушевленным, но изобилующим жизнью. Эта жизнь проявляется в личностях - в человеке, звере и растении, в каждом явлении, с которым человек сталкивается, - в ударе грома, во внезапной тени, в жуткой и незнакомой лесной поляне, в камне, неожиданно ударившем его, когда он споткнулся на охоте. В любой момент он может столкнуться с любым явлением не как с «Оно», а как с «Ты». «Ты» не может быть созерцаемо с умственной отрешенностью, оно переживаемо как жизнь, встретившаяся с другой жизнью.

Древний человек рассматривает все случаи как индивидуальные события. Описание таких событий и их объяснение могут мыслиться только как действие и по необходимости принимают форму рассказа.

Другими словами, древние рассказывали мифы, вместо того чтобы производить анализ событий и делать выводы. Например, мы сказали бы, что определенные атмосферные изменения прекратили засуху и вызвали дождь. Вавилоняне, наблюдая те же события, внутренне переживали бы их как появление гигантской птицы Имдугуд, явившейся им на помощь, которая покрывала

небо черными грозовыми тучами своих крыльев и пожирала Небесного Быка, чье горячее дыхание опалило посевы. Такой миф древние рассказывали о событиях, от которых зависело само их существование. Поэтому образы мифа ни в коем случае не аллегории.

Бессмысленно для него и наше различие между реальностью и видимостью. Все, что способно воздействовать на ум, чувство и волю, тем самым утверждает свою несомненную реальность. Нет, например, никакой причины, почему сны должны считаться менее реальными, чем впечатления, полученные наяву. Наоборот, сны часто поражают человека настолько сильнее, чем однообразные повседневные события, что оказываются не менее, а более значительными, чем обычные впечатления. Вавилоняне, как и греки, в поисках божественных указаний проводили ночь в священном месте, надеясь на откровение во сне. Галлюцинации тоже реальны. Мы находим в официальных анналах Асархаддона запись о фантастических чудовищах - двухголовых змеях и зеленых крылатых существах, которых видело изнуренное войско на самом утомительном участке пути в безводной Синайской пустыне. Можно вспомнить, что греки видели Дух Марофонской равнины, появившийся во время решающей битвы с персами.

Подобно тому, как не было отчетливого различия между обычными впечатлениями, снами и галлюцинациями, не существовало и резкого различия между живым и мертвым. То, что мертвый продолжает жить и сохранять связь с живым человеком, считалось в порядке вещей, ибо мертвые были включены в несомненную для человека реальность его собственных страданий, надежд, обид. Для поэтического склада ума «то, что волнует», равнозначно «тому, что существует».

Точно так же рассматриваются и символы. Первобытный человек так же широко пользуется символами, как и мы. Однако он не может мыслить, например, обозначения богов в отрыве от них самих. Отсюда - слияние символа и того, что он обозначает; а также слияние двух сравниваемых предметов таким образом, что один может выступать вместо другого.

С нашей точки зрения, существует значительная разница между действием и ритуалом. Для древних это различие тоже было лишено смысла. Было бы бессмысленно спрашивать у вавилонянина, зависел ли удачный урожай от умения земледельцев или от правильно проведенного праздника Нового года. Для успеха необходимо было и то и другое.

Первобытный ум, ища причину, ищет не «как», но «кто». Если река не разливается, она отказывается разливаться. По-видимому, река или боги разгневались на людей. Поэтому реке приносили жертвы, к которым добавляли документ, где были изложены ее обязательства. На вопрос: «Почему этот человек умер таким образом в этот момент?». Он отвечал: «Его смерти кто-то

пожелал». Таким образом, вопрос обращается от «почему» к «кто», а не к «как». Такой же дуализм проявляется в интерпретации болезни или греха. Когда козла отпущения выгоняют в пустыню, нагрузив грехами общины, ясно, что эти грехи мыслятся как нечто вещественное.

Итак, для первобытного человека мысли не автономны, а вовлечены в то особое отношение к миру явлений, которое называется столкновением жизни с жизнью. В этом энигмативном мире (Энигмация = Воображение) нет места ни гипотезе, ни вероятности, ни апории. Для воображения существует иная система действительности, чем здравого смысла. Энигмативный мир мифологии имеет свое бытие: это так называемое «якобы бытие», обладающее своей своеобразной логикой, которая для действительного бытия будет алогичной. Поэтому логику «якобы бытия» правильно назвать «алогической логикой» или еще лучше «логикой алогизма». Однако такой анализ мира воображения с позиций формальной логики для современников этого мира лишен смысла: двум противопоставляемым мирам человеческого мышления соответствуют два мира логики. Для мифопоэтического мышления - энигматическая логика. Для мышления здравого смысла - формальная логика.

К законам энигматической логики можно отнести следующие:

1. Закон метаморфозы, который гласит, что все идеальное может быть материальным и, наоборот; что любое средство или вещество может быть обращено по воле бога в любое другое.

2. Закон абсолютного достижения цели, который определяет абсолютность преодоления препятствия или разрешения заданной герою задачи (выполнение невыполнимого, достижение недостижимого, осуществление неосуществимого).

3. Закон пространственно-временной произвольности, который гласит, что пространство и время могут быть сжаты или растянуты, или вовсе отсутствовать без соотнесения с самим материальным или духовным объектом.

4. Закон ложного основания, который гласит, что правильное дедуктивное доказательство покоится над предрешенном основании или молчаливом допущении, требующем доказательства.

ИСТИНА В МИФОПОЭТИЧЕСКОМ СТИЛЕ МЫШЛЕНИЯ НОСИТ ВСЕОБЪЕМЛЮЩИЙ ХАРАКТЕР - ВСЕ ИСТИННО, А ЛОЖНОГО НИЧЕГО НЕТ.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРИМЕРЫ МИФОПОЭТИЧЕСКОГО СТИЛЯ МЫШЛЕНИЯ

Кому в нашей жизни присущ этот стиль? Кто владеет им в совершенстве? Так как онтогенез (см. словарь) есть краткое повторение филогенеза (см. словарь), то естественно, что этот стиль мышления появляется с первыми проблесками сознания у малолетнего ребенка, который бережет его впоследствии как самую первую и потому горячо любимую игрушку. Повзрослев, человек достает его из тай-

ников своего сознания в трудную для себя минуту и тогда про него говорят, что он «впал в детство».

Наличие мифопоэтического мышления у взрослого человека - верный признак его осознанной или не осознанной слабости, которая может носить не только физический характер. Разве мало ситуаций, когда человек бывает слаб и желает скрыть это? Поэтому мифопоэтическое стиль мышления можно обнаружить и у практиков, и у теоретиков, т.е., у людей самых разнообразных профессий и должностей. Плохо ли это? Для человека познающего и преобразующего мир - да. Поэтому всякий призыв к его «первобытному» сознанию, толкает человека в не менее первобытные условия своего существования, диктующие ему смирение перед собственной силой. «Бороться, искать, найти и не сдаваться!» - лозунг не для него в этот момент. Вот почему многие «властьпредержащие» любят прибегать к его доводам, да и не только они.

Ниже, мы предлагаем вниманию читателя лишь небольшое число примеров мифопоэтического мышления, однако на страницах нашего журнала, он будет нередким свидетелем встречи с ними.

Примеры из общения с детьми:

1. «Волшебное слово»: Если ребенок при своей новой просьбе не хочет произносить слово «пожалуйста», то не следует ему угрожать словами типа: «Если не скажешь, то ничего ни давать, ни покупать тебе больше не буду». Этого делать ни в коем случае нельзя. Главное отличие мифопоэтического мышления от мышления сугубо логического заключается в том, что «чувственные понятия» могут восприниматься только непосредственно, тогда как рациональные понятия этого не требуют. Первые неразрывно больше связаны с ощущениями, вторые - с памятью. Поэтому в мифопоэтическом мышлении слово «теряется» и чтобы его можно было вернуть, последнее надо «найти» и отдать ребенку как определенную конкретную вещь. Возьмите клочок бумаги и напишите на нем слово «пожалуйста». Затем прочитайте вместе с малышом его по складам целиком. И как только он произнесет его сам, то выполните его просьбу и наградите конфетой, а бумажку положите ему в карман. Теперь, при следующем его отказе от вежливого слова, напомните ему, что оно у него в кармане. И он, достав бумажку, «прочтет» это слово на радость себе и вам.

2. «Капризка»: Очень часто малыши отказываются не только произносить какие-то нужные слова, но и выполнять то, что всегда делали весьма охотно. Например, одевать колготки, убирать за собой постель и т. п. Кто виноват в этом? Если вы считаете, что ребенок, то требуя от него прекратить свое плохое поведение, вы невольно требуете, чтобы он отказался от самого себя. Выполнимо ли это? Кроме неврастения вы ничего не добьетесь. Как поступить в таком случае? Надо «отделить» плохое поведение от самого ребенка, но как это сделать? Во-первых, скажите ему, что он очень хороший. Во-вторых, объясните,

что его нежелание делать что-то исходит не от него, а от «капризки», которая сидит в нем и ему мешает. Чтобы освободиться от нее предложите ему выбросить ее в мусорное ведро, закрыть в другой комнате или смыть в унитаз, наконец. После того как это будет с удовольствием проделано малышом, он выполнит все, что от него требовалось. Можно придумать и другой не менее «эффективный» способ, только не забудьте наградить его какой-нибудь сладостью.

В последующем, как показывает практика работы с детьми, они сами уже порой прибегают в критических для себя ситуациях к такому спасительному средству как «капризка», списывая на нее все свои дурные поступки. Они делают это и в более зрелом возрасте только называют ее уже по-другому, например: «Черт попутал», «электричка опоздала», «будильник не зазвенел», «стул сломался» и т.д.

Наиболее яркие и интересные примеры аналогичного характера, мы можем найти в книге Корнея Ивановича Чуковского «От двух до пяти» и в книгах других детских писателей.

Примеры мифопоэтического мышления взрослых не менее интересны:

1. В статье «Может ли быть водка полезной?»/Газета «Шанс для всех» N-12(50) от 31 марта 1997 года/, вы можете прочитать следующее: «Сегодня на дорогую водку деньги есть не у всех. А выпить все равно хочется, да так, чтобы утром голова от суррогатов не болела. Вот находчивые мужики с одного оборонного завода, где выпускают магнитную воронку «Живая Вода», попробовали пропускать через нее любимый напиток. Каково же было удивление начальства, когда на утро весь коллектив был в рабочем состоянии. В то, что все сразу бросили пить, не верилось... Оказалось, после омагничивания водки похмелье гораздо меньше. Дешевый напиток превращается в «дорогой»! Водка стала вкуснее, мягче, ее легче пить, и голова так не дурнеет».

2. В заметке «Армейские маразмы»/Газета «Аргументы и факты» N-15(860), апрель 1997 год/ приводятся армейские анекдоты типа:

- «Что вы как кобра гремучая - клюв раскрыли и спите».
- «Нашли дурака! Я за вас свою работу делать не буду».
- «Идите быстрее снег убирать, а то растает».
- «Сунул термометр - измерил давление».

3. Из ответов Президента России Б.Н.Ельцина на вопросы избирателей /Пятьдесят семь вопросов избирателей Президенту России. - М., 1996г. С.38/:

«Мне нередко говорят, что это безнравственно - стрелять по Белому дому из танков. Танки стреляли не по Белому дому, они ликвидировали очаг гражданской войны в центре Москвы. Ни один депутат не пострадал».

ЛОГИЧЕСКИЙ МИР ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Первыми, кому удалось вырваться за границы мифопоэтического мышления, были греки. Им, с их специфической интеллектуальной отвагой, удалось найти такую форму спекулятивной мысли, которая в конечном итоге преодолела миф.

Философы Греции, в противоположность жрецам Ближнего Востока, да и своим собственным, не были уполномочены своими общинами заниматься духовными делами. ИМИ РУКОВОДИЛО ЛИШЬ СОБСТВЕННОЕ ЖЕЛАНИЕ понять природу, которое поэтому и не было стесненно догмой. В поисках «начала» окружающего мира, они уже искали не изначальное состояние, которое затем замещалось последующими во времени состояниями бытия, а искали имманентную и переходящую основу бытия. Поэтому это было, строго говоря, не «начало», а «первоначало», то есть «первопричина».

Эта точка зрения переносит проблемы, с которыми человек сталкивается в природе, из области веры и поэтической интуиции в интеллектуальную сферу. Появляется возможность критической оценки любой теории и, стало быть, возможность постепенного проникновения в природу вещей. Тогда как миф не подлежит обсуждению, и притязает на безоговорочное признание его со стороны верующего, а не на оправдание перед судом критического ума.

Однако переход из одного мира мышления в другой не был мгновенным актом изменения мышления человека, а проходил на протяжении довольно значительного времени в несколько этапов.

НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ в человеческих понятиях трудно еще провести границу между объективным и субъективным. Фалес, например, говорил, что вода - это высший принцип или первопричина всех вещей, но он также и утверждал, что «Все полно богов», что «Магнесийский камень (=магнит) имеет душу, так как он движет железом». Аналогичным образом рассуждал и Анаксимен: «Подобно тому, как наша душа, будучи воздухом, сдерживает нас, так дыхание и воздух объемлют весь космос». Однако, следует отметить, что Фалес говорит о воде, а не боге воды, Анаксимен - о воздухе, а не о боге воздуха или грозы. Несмотря на то, что «все полно богов», эти люди пытаются понять связь вещей. Воздух, по Анаксимену, разряжаясь становится огнем, уплотняясь ветром, затем - облаком, еще больше водой, камнями. Так однажды принятая теория доводится до логического конца, невзирая на противоречия с видимыми фактами или с правдоподобием.

Анаксимандр, ученик Фалеса, сделал новый шаг вперед, что говорит о наступлении ВТОРОГО ЭТАПА. Он осознал, что сам основной принцип всех определенных явлений не может быть определен чем-то другим. Поэтому его «начало» всего - апейрон, то есть «Бесконечное» или «Безграничное».

НА ТРЕТЬЕМ ЭТАПЕ философ Гераклит утверждал, что вселенная познаваема, ибо она управляется «мыслью» или «суждением», и что один и тот же

принцип тем самым управляет и бытием и познанием. «Этот космос, - говорил он, - один и тот же для всех, не сотворил никто из богов и ни кто из людей, но он был, есть и будет вечно живой огонь, мерно вспыхивающий и мерно угасающий». Причем для Гераклита огонь - исключительно символ текучей реальности, а не сама реальность.

НА ЧЕТВЕРТОМ ЭТАПЕ человеческая мысль полностью освобождается от пут мифа. Это мы видим наглядно из воззрений основателя элейской школы Парменида. Парменид понимал, что не только любая теория происхождения, но и любая теория изменения или движения делала понятие бытия проблематичным. Абсолютное бытие не может быть понято как возникновение из состояния небытия. «Каким же образом, - спрашивает Парменид, - сущее могло бы существовать в будущем и каким бы образом оно могло бы [когда-либо] возникнуть? Ведь оно не обладает [истинным] бытием, если оно возникло или если ему некогда предстоит существовать. Таким образом, возникновение погасло и гибель пропала без вести».

Вывод Парменида о том, что это так, - чисто логический и поэтому мы можем сказать, что именно им **БЫЛА УСТАНОВЛЕНА АВТОНОМИЯ МЫСЛИ**.

В своем отрицании реальности движения, изменения и различности бытия он находился в противоречии с данными опыта. Сознвая это, он апеллировал к разуму вопреки свидетельству чувств: «Но в стороне от подобных изысканий держи ты свои мысли да не увлекает тебя против твоего желания на этот путь слепая привычка, давая волю твоим бесцельно глядящим очам, твоему притупленному слуху и языку, - нет, с помощью разума обсуди ты предложенный мною спорный вопрос».

В РЕЗУЛЬТАТЕ ПОЯВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ АБСТРАКТНОГО МЫШЛЕНИЯ впоследствии Аристотелем были открыты и его законы, которые в настоящее время известны как законы формальной логики.

ФОРМАЛЬНАЯ ЛОГИКА - это наука о законах выводного знания, то есть знания, полученного из ранее установленных и проверенных истин, без обращения в каждом конкретном случае к опыту, а только в результате применения законов и правил мышления.

Формальная логика подразделяется на математическую и традиционную логику.

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА применяет математические методы и специальный аппарат символов и исследует мышление с помощью исчислений (формализованных языков).

ТРАДИЦИОННАЯ ЛОГИКА изучает:

1. Общечеловеческие законы правильного построения мыслей в рассуждении, которые отражают определенность, последовательность и доказа-

тельность. Это законы тождества, противоречия, исключенного третьего и достаточного основания.

2. Общечеловеческие формы мысли - понятие, суждение, умозаключение.

3. Формы связи мыслей в умозаключении - индукцию и дедукцию.

4. Правила доказательства и опровержения.

Все вышеназванное отображает объективно существующие общие законы и связи предметов и явлений материальной действительности, находящейся в статике.

О чем же гласят ЗАКОНЫ ТРАДИЦИОННОЙ ЛОГИКИ?

1. ЗАКОН ТОЖДЕСТВА гласит, что каждая мысль, которая приводится в данном умозаключении, при повторении должна иметь одно и то же определенное, устойчивое содержание / A есть A /.

2. ЗАКОН ПРОТИВОРЕЧИЯ гласит, что не могут быть одновременно истинными две противоположные мысли об одном и том же предмете, взятом в одно и то же время и в одном и том же отношении / неверно, что A и не - A /.

3. ЗАКОН ИСКЛЮЧЕННОГО ТРЕТЬЕГО гласит, что из двух противоречащих высказываний в одно и то же время и в одном и том же отношении одно непременно истинно / A есть либо B , либо не - B /.

4. ЗАКОН ДОСТАТОЧНОГО ОСНОВАНИЯ гласит, что всякая истинная мысль должна опираться на достаточное основание /Если есть B , то есть как его основание A /.

Эти законы, как было сказано выше, отражают статику материальной действительности, взятую «В ОДНО И ТО ЖЕ ВРЕМЯ И В ОДНОМ И ТОМ ЖЕ ОТНОШЕНИИ». Если об этом не забывать, то станет понятной причина их ограниченности, то есть применения до известного предела, границы. Непонимание этого и распространение сферы их действия за эти границы приводит к возникновению метафизического стиля мышления.

МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ СТИЛЬ МЫШЛЕНИЯ - это стиль, который основывается на четырех законах формальной логики, возводя их в последнюю инстанцию для самых разных форм мышления вообще. Символическая запись метафизического стиля мышления: *или - или*.

Метафизический стиль конкретно проявляется в догматизме и скептицизме - двух своих непримиримых формах.

ДОГМАТИЗМ, используя эти законы, стремится ликвидировать всякое противоречие между противоположностями. Например, как это делается в Библии: «или - или, а что сверх того, то от лукавого».

СКЕПТИЦИЗМ, наоборот, используя эти законы, стремится выявить любое противоречие, где только сможет. Например, скептик Пиррон, который жил в 360 - 270 г.г. до н. эры, утверждал, что философ тот, кто стремится к счастью, которое в

невозмутимости и в отсутствии страданий. Кто хочет его достигнуть, тот должен ответить на три вопроса:

1. Из чего состоят вещи?
2. Как мы должны относиться к вещам?
3. Какую выгоду получим мы от этого нашего к ним отношения?

ОТВЕТЫ ПИРРОНА:

1. Всякая вещь «есть это не в большей степени, чем то». Ибо всякому утверждению о любом предмете может быть с равным правом противопоставлено противоречащее ему утверждение. Так как нет абсолютного критерия истины в виде ощущений, а логическое доказательство, не имея истинного основания (очевидность и достаточность основания не следует путать с его истинностью), уходит в бесконечность, либо замыкается в круг.

2. Поэтому философ должен воздерживаться от суждений в своем отношении к вещам. Возможно, что чувственные восприятия достоверны, но истинны они или нет, мы не знаем. Например, мы не знаем в суждении, мед сладкий или горький, истинным будет утверждение: это кажется мне горьким или сладким.

3. Выгодой от воздержания суждений будет невозмутимость, безмятежность (атараксия), что есть высшая степень блаженства.

Из всего вышеизложенного видно, что формальная логика, сформулировав в законе тождества помимо всего и

ПОНЯТИЕ ИСТИНЫ,

как соответствие между предметом мысли мыслью об этом предмете, ТРЕБУЕТ УСТАНОВЛЕНИЯ КРИТЕРИЯ ИСТИННОСТИ этого соответствия. В мифопоэтическом мышлении, с его тождеством идеального и реального, вопрос о таком критерии, как мы видели, был лишен смысла. Истинное могло быть ложным и наоборот. Древние философы Греции, естественно, не могли допустить такого. Поэтому, многие из них в качестве такого критерия брали либо очевидность своих ощущений, дополняя ее непротиворечивостью рассуждений, либо наоборот шли от непротиворечивых суждений к установлению более точных своих ощущений. Однако, как выявил Пиррон и другие философы-скептики, данное решение проблемы истинности возможно только в очень ограниченной области, да и то при весьма сомнительных допущениях.

ПРИМЕРЫ МЕТАФИЗИЧЕСКОГО СТИЛЯ МЫШЛЕНИЯ

К примерам метафизического мышления можно отнести практически все примеры формально-логического мышления, которое рассматривает отражаемый мир как нечто извечно данное и неизменное, либо когда оно само выступает критерием его развития перед проблемой выбора «или - или».

В человеческом быту такое мышление, как правило, продиктовано необходимостью «четкости и ясности» например: «пить или не пить?», «бить или

не бить?», «брать или не брать?». Авторитет, более высокая должность означает для него истину в последней инстанции, дополняя порой все это собственными логическими ошибками. Например, всем известно такое высказывание: «Прав тот, у кого больше прав».

В общественно-политической жизни, принимая решение на том или ином собрании, мы «ставим вопрос на голосование», подсчитывая чего больше: «за» или «против», и заставляем оставшихся в меньшинстве (даже если их миллионы) подчиниться чужой воле. Считаем выборы состоявшимися, если в них приняло участие 75, 50, 25 и менее процентов в зависимости от той цифры, которую законодательно часто определяет руководящее меньшинство. Если наша жизнь стабильна, не претерпевает больших изменений, то, как правило, даже «не согласные» согласны, что с их мнением не согласились.

Большую роль во всевозможных спорах играют эталоны, стандарты и самые разнообразные инструкции. Но если последние носят бюрократический характер, то это, хотя и прекращает ненужные споры, может превратить порой самый простой ремонт электрической розетки в научно-техническую проблему.

Однако, этот обывательский уровень мировосприятия, примеры которого мы привели выше, в лице лучших своих представителей, рано или поздно осуждается, задавая последний неразрешимый вопрос устами принца Гамлета: «Быть или не быть?».

Так как все вышесказанное проявляется наиболее ярко в сравнении с примерами диалектического стиля мышления, а также не представляет особой сложности, то мы предлагаем нашему читателю привести другие примеры метафизического стиля самим, и сравнить с теми, что будут приведены в следующем разделе и далее на страницах нашего журнала.

ДИАЛОГИЧЕСКИЙ МИР МЫШЛЕНИЯ

Человеческое мышление, пройдя вторую ступень своего развития, остановилось перед границей нового для себя мира, отделенного от него в виде логических парадоксов, апорий, тропов и т.д. Первым человеком, который смог преодолеть эти преграды и тем самым открыть новый мир для человеческого мышления, был Георг Вильгельм Фридрих Гегель.

ГЕГЕЛЬ начинает с того, что УСТАНАВЛИВАЕТ СОВЕРШЕННО НОВЫЙ ПОДХОД В ПОНИМАНИИ СУЩНОСТИ ПРОТИВОРЕЧИЯ. Например, разум, по мнению скептика, постигающий сам себя, есть или целое, или только часть. Он может быть только или постигающим, или постигаемым. Но никогда не может быть и тем, и другим, ибо это противоречит законам формальной логики. Однако противопоставление, говорит Гегель, это не только крайняя степень различия. Кроме «или - или», есть еще нечто третье: «как - так» и «ни - ни». Говоря, например, о целом, скептик не может представить себе больше ничего, чтобы могло сущест-

воватъ вне его, иначе оно уже не будет, по его мненiю, целым. Тогда как, подчеркивает Гегель, ЦЕЛОЕ ПРОТИВОПОЛОЖНО СЕБЕ. С одной стороны, оно есть просто то же самое, что и части, а с другой - части суть то же самое, что и целое, так как вместе они составляют целое. Таким образом, ВНЕ ЦЕЛОГО СУЩЕСТВУЕТ ЕЩЕ И НЕКОЕ ДРУГОЕ, А ИМЕННО, ОНО САМОЕ КАК МНОЖЕСТВО СВОИХ ЧАСТЕЙ /Гегель. Лекции по истории философии. Соч. Т.10. М.,1932. С.444./ . И потому самопостижение разума есть то же самое, что и охватывание целым всех его частей. Отсюда следует важный для Гегеля методологический вывод о том, что возможна такая ситуация, когда ПОСТИГАЮЩЕЕ МОЖЕТ БЫТЬ ПОСТИГАЕМЫМ, оцениваемое - оцениваемым, ОБОСНОВЫВАЮЩЕЕ - ОБОСНОВЫВАЕМЫМ и т.д. Начало в его логической системе не отрывается и, тем более, не противопоставляется концу как нечто совершенно изолированное, как и любые противоположности, они составляют целое как таковое.

Гегель совершил подлинную революцию в логике, дополнив ее диалектическими законами категорий. Обоснование истины и истина как таковая, как результат, стали неразделимыми. Логика стала оперировать не формальными категориями, а содержательными. Если первые находились в отношении координации друг с другом, то вторые в отношении субординации.

Метафизический метод познания, по выражению Ф.Энгельса, пригоден лишь в условиях «домашнего обихода». Это уровень обыденного сознания. Когда же человеку приходится иметь дело с мыслями, отражающими вещи в движении и развитии, во взаимосвязи и взаимодействии, в борьбе противоположностей, - тогда метафизика оказывается непригодным методом и на ее место заступает диалектика. Стиль мышления становится диалектическим. Это такой стиль, который основывается на законах диалектической логики, не возводя их в последнюю инстанцию для разных форм мышления вообще. /Символическая запись *и - и*./

ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА - это учение о законах развития всех природных и духовных вещей.

Таковыми законами являются:

1.ЗАКОН ЕДИНСТВА И БОРЬБЫ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ, выражающий одну из самых важных характеристик развития - его источник, внутреннюю причину.

2.ЗАКОН ПЕРЕХОДА КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В КАЧЕСТВЕННЫЕ, показывающий как происходит качественное изменение явлений и предметов, раскрывает процесс возникновения нового в их развитии.

3.ЗАКОН ОТРИЦАНИЯ ОТРИЦАНИЯ, раскрывающий прогрессивный характер развития как восхождения от низшего к высшему, от простого к сложному.

Все эти законы взаимосвязаны, взаимообусловлены и существуют в неразрывном единстве.

Если сущность метафизического стиля мышления составляет непротиворечивость в форме *или - или*, то диалектического стиля мышления, наоборот, противоречие в форме *и - и*. Непротиворечивость есть проявление статики, а противоречие динамики материальной действительности.

ИСТИНА В ДИАЛЕКТИЧЕСКОМ СТИЛЕ МЫШЛЕНИЯ ЕСТЬ СОВОКУПНОСТЬ РЕЗУЛЬТАТА СООТВЕТСТВИЯ МЕЖДУ ПРЕДМЕТОМ МЫСЛИ И МЫСЛЬЮ ОБ ЭТОМ ПРЕДМЕРЕ, А ТАКЖЕ ТЕХ ДЕЙСТВИЙ, ВСЛЕДСТВИЕ КОТОРЫХ ОН БЫЛ ПОЛУЧЕН. ОНА ЕСТЬ ПРОЦЕСС.

Если диалектическую логику трактовать не с точки зрения основных законов диалектики, а логических принципов, то она предстает перед нами в следующей их совокупности:

1. Объективность рассмотрения.
2. Рассмотрение предмета во всех его связях и отношениях.
3. Рассмотрение предмета в движении и развитии.
4. Раздвоение единого на противоположности.
5. Отрицание как переход предмета из одного состояния в другое.
6. Взаимосвязь исторического и логического в познании.
7. Восхождение от абстрактного к конкретному.
8. Рассмотрение предмета в чистом виде.

ПРИМЕРЫ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО СТИЛЯ МЫШЛЕНИЯ

Привести пример диалектического стиля мышления - это значит отразить процесс развития чего-либо или кого-либо. Однако это довольно сложно сделать, ибо при данной степени его теоретической и практической разработки, отсутствует простая и понятная его методологическая система, точнее логическая структура диалектической рефлексии. Поэтому примеры диалектического мышления носят как правило упрощенный характер, демонстрирую только ту или иную его сторону. В силу этого, мы, следуя общепринятой учебной практике, также приведем два примера, освещающий диалектический стиль мышления только с одной, но главной, как мы думаем стороны - тождества противоположностей. Логической же структуре диалектической рефлексии мы уделим на страницах нашего журнала, чуть позже, и особое внимание, и достаточное место.

1. Апория (см. словарь) «Ахиллес» философа Зенона: «Самое медленное вовремя бега не будет настигнуто самым быстрым. Ибо то, которое преследует должно сначала прийти туда, откуда отправлялось преследуемое [им], так что более медленное всегда должно быть несколько впереди».

Другими словами, бегущий человек никогда не догонит медленно ползущую черепаху. Так как для этого он должен пробежать расстояние, разделявшее их перед началом состязания, выполняя главное его условие. Чтобы преодолеть это расстояние, человек должен затратить какое-то время. Какова

бы ни была величина этого времени, она обязательно будет больше нулевой. А за это время черепаха продвинется вперед. Человек должен будет преодолеть это новое, уже уменьшившееся расстояние и затратить на него некоторое время, т.е. условие задачи повторится. И оно будет вновь и вновь повторяться, так как время, его длительность не могут исчезнуть. Значит, человек будет вечно бежать за черепахой, хотя расстояние между ними все время будет сокращаться. Но если человек бежит бесконечно долго, не достигая медленно ползущую черепаху, то возникает законный вопрос - бежит ли он?

Читателям, которые укажут нам на практику жизни, мы приведем следующие «философские» пояснения: «Движенья нет сказал мудрец брадатый, другой смолчал и стал пред ним ходить». Тогда первый, схватив увесистую палку, стал бить ею второго приговаривая, какими аргументами доказывают такими и опровергают - движение второго прекратилось! Правильное формально-логическое мышление, пытаясь отразить движение, превратилось в метафизическое, ибо первое перешло невидимую границу своих прав и полномочий.

Превратите реального человека и черепаху в абстрактные точки, поставьте их на абстрактную прямую, состоящую из них и, «очистившись» таким образом от чувственного образа, попробуйте еще раз решить эту задачу, используя числовые значения пути и времени. Результат будет аналогичным - бегущий человек не сможет догнать ползущую черепаху. Проблема здесь в том как правильно «теоретически» догнать ползущую черепаху.

2. Наш второй пример из политической экономии Прудона. Последний, стараясь применить гегелевскую диалектику, делает это метафизически, что ведет к путанице и извращению ее. С одной стороны, он признает, что хорошая и дурная сторона составляют противоречие, свойственное каждой экономической категории. С другой стороны, он ставит задачу: сохранить хорошую сторону и устранить дурную. Поэтому по поводу Маркс делает следующее замечание: «Сосуществование двух взаимно-противоречивых сторон, их борьба и их слияние в новую категорию составляют сущность диалектического движения. Тот, кто ставит перед собой задачу устранения дурной стороны, уже одним этим кладет конец диалектическому движению. Перед нами уже не категория, полагающая себя и противопологающая себя самой себе в силу своей противоречивой природы, а г-н Прудон, приходящий в движение, барахтающийся и мечущийся между двумя сторонами категории». /Нищета философии. Собр.соч. Т.4. С.136/.

В чем же главное отличие метафизика от диалектика?

Метафизик в своих рассуждениях постоянно ищет абсолютную точку опоры, взывая либо к чувственной очевидности, либо к логической непротиворечивости или, в крайнем случае, к авторитету, эталонам и стандартам. Для не-

го мир в многочисленных своих формах конечен как и его собственная жизнь. Он «на переправе коней не меняет», даже если этого и требует сама жизнь.

Диалектик главной целью в своих рассуждениях ставит попытку отразить явление таким образом, чтобы сущность последнего постоянно приближалась к нему в виде конкретных промежуточных результатов, поднимаясь с каждым из них на качественно новую ступень познания. Для него окружающий мир как быстро текущая река, двигаясь в которой, он, изменяя свое движение, пытается изменить ее ход. Опыт прошлого для него как крепкая проверенная веревка, которая, и он знает это, может порваться и подвести в любую минуту.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, рассмотрев три этапа развития человеческого мышления, мы можем сделать для себя следующие **ВЫВОДЫ**:

1. Разным стилям мышления соответствуют разные логические языки, которые присущи определенным этапам развития человеческого мышления. Данные этапы, в свою очередь, были обусловлены поступательным развитием взаимодополняемой материальной и духовной деятельностью человеческого бытия.

2. Понятие истины, ее критерия находятся в прямой зависимости от логического языка того или иного мира мышления. Подмена одного понятия истины на другой ведет к ошибкам.

А на основе этих теоретических выводов, дать следующие практические **СОВЕТЫ**:

1. Прежде чем спорить со своим оппонентом необходимо выяснить не только понятия, излагающие предмет спора, но и тот логический язык (мифопоэтический, логический, диалогический), на котором он будет вестись.

2. Отказ оппонента от спора на языке более высокого логического уровня не должен быть причиной отказа от процесса его убеждения. В данном случае, более высокий уровень должен быть вами интерпретирован в более низкий, но с сохранением преемственности истины.

3. При выработке же личной своей убежденности, в том или ином вопросе, помните, что процесс обоснования непременно должен затрагивать и исходные ваши установки. Данная «вторичная», а иногда и «третичная» и т.д., переработка их в вашем сознании, постоянно углубляя и раскрывая сущность, превращает последние в диалектические убеждения, являясь для него своеобразным гарантом как от косности догматизма и начетничества, так и от ошибок сугубо скептического понимания действительности.

Список использованной литературы

1. *Франкфорт Г.В.* В преддверии философии /Пер. с англ.; Под ред. и предисл. В.В.Иванова. - М., 1984.
2. *Голосовкер Я.Э.* Логика мифа. - М.,1987.
3. *Кондаков Н.И.* Логический словарь. - 1971.
4. *Комарова В.Я.* Становление философского материализма в Древней Греции. - Л.,1975г.
5. *Секст-Эмпирик.* Две книги против логиков //Соч. В 2т. - М.,1976. - Т.1.
6. *Секст-Эмпирик.* Против ученых //Соч. В 2Т. - М.,1976. - Т.2.
7. *Секст-Эмпирик.* Три книги пирроновых положений//Соч. В 2Т. - М.,1976г. - Т.2.
8. *Гегель.* Лекции по истории философии //Соч. В 11т. - М.,1932. - Т.10.
9. *Гегель.* Наука логики //Соч. В 3т. - М.,1972.
10. *Гегель.* Феноменология духа //Соч. В 11т. - М.,1959.-Т.4.
11. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. - Т.20.
12. *Ленин В.И.* Философские тетради//Полн. собр. соч. - Т.29.
13. *Чуковский К.* От двух до пяти. М., 1958.
14. *Голдстейн М., Голдстейн И.Ф.* Как мы познаем /Пер. с англ.; Под ред. А.П.Огурцова. - М.,1984.

Список рекомендованной литературы

1. *Павлова Л.Г.* Спор, дискуссия, полемика. М.,1991г.
2. *Алексеев А.А., Громова Л.А.* Поймите меня правильно или книга о том, как найти свой стиль мышления, эффективно использовать интеллектуальные ресурсы и обрести взаимопонимание с людьми.- СПб.,1993г.
3. *Уемов А.И.* Логические ошибки. Как они мешают правильно мыслить. - М.,1958г.

ДИАЛЕКТИКА КАК МАРКСИСТСКАЯ ЛОГИКА (ФИЛОСОФСКОЕ ЭССЕ)

В. Предтеченский

Материализм

В настоящее время, несмотря на происки буржуазных богоискателей, в общественном сознании достаточно прочно утвердилось материалистическое отношение к действительности. Чётко сформулировано Лениным определение материи: «Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них» /В.И. Ленин. ПСС, Т.18, С.131/. И с этим определением, практически, никто, из нормальных людей, не спорит.

Да. Люди – материалисты – в большинстве своём. Однако их материализм давно уже разделился на буржуазно-позитивистский и диалектико-марксистский. Впрочем, и взаимовлияние идеологий вовсе не исключено. Вспомним: Дюринга, Маха, Богданова...

Мы здесь оставим в покое «чисто» буржуазных мыслителей: нам, марксистам, в самих себе бы разобраться. Ведь в марксистской среде есть, просто, «материалисты», притягивающие диалектику «за уши» к своим изречениям, для вящего куражу. А есть и такие, которые пытаются исходить (как и положено марксистам) из диалектических принципов в каждом своём рассуждении. Это – диалектические материалисты.

«Просто-материалисты» просто возглашают: «Мир материален!». И на этом успокаиваются, принимая за эту самую «материю», априори, некую тёмную, куда-то движущуюся мировую массу.

И «диалектика» таких «марксистов» состоит лишь в осознании взаимодействующих отношений субъекта к этой материальной мировой массе, к «объективности». И поэтому раскрыть переход объективности в субъективность они имеют возможность, лишь применяя случайностные и психологические принципы, метафизически закрепляя индивидуалистическое, стихийное, ошибочное мировоззрение. И такое «просто-материалистическое», вульгарное мировоззрение «марксистов» весьма сродни буржуазно-позитивистскому, прагматистскому образу мышления (см. Гарри Уэллс. Прагматизм - философия империализма. М., 1955).

Гораздо вернее исходить (также, априори) из того, что мир предметен, – от самого маленького нуклона-позитрона, через роды-классы, до самого бесконечного мира. Но тогда – диалектик – обязан видеть функционирующий предмет в его самоотрицании: как отношение его содержания и формы, потен-

циальности и вещественности и – вообще – идеального и материального – противоположных предметных свойств (см. ниже).

Только тогда уже можно будет разбираться, каким образом объект, будучи сам по себе идеально-материальным, детерминировано воздействует своей *материальной* стороной на субъекта. И, соответственно, как субъект, будучи также материальным и идеальным, одновременно, функционально воспринимает это объективное воздействие уже своей *материальной* (чувственной) стороной. Эту марксистскую диалектическую «механику», логику диалектического материализма (просто – диалектику) мы и постараемся здесь выявить. И начнем от диалектического «предмарксизма».

Логика

«Логика есть наука о чистой идее, Т.е. об идее в абстрактной стихии мышления» (Гегель Г. Наука логики // Гегель Г. Энциклопедия философских наук. - М.: «Мысль», 1975. – Т.1. - С. 107). Обобщая, получим вывод: *идеи логически упорядочивают стихию*. Следовательно, как объективные законы «...идеи вовсе не обитают только в нашей голове...» (там же, С.313).

Другими словами, человеческая логика есть процесс упорядочения мысленных недоразумений на основе объективных идей, природных законов, функционально отрицающих природную же стихию. Это объективно логическое отрицание природной стихийности некоторой объективной идеей и есть диалектика природы. «Всё, что нас окружает, может рассматриваться как пример диалектики» (там же, с.208).

Несогласными с диалектикой объективности могут быть только люди, которых устраивает нынешнее социально стихийное положение вещей, «стабильное» беззаконие, статус кво; это – так или иначе – современная буржуазия – торгашеский народ (рыбку ловят не иначе, как в мутной воде).

«В своём рациональном виде диалектика внушает буржуазии и её доктринёрам – идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществлённую форму она рассматривает в движении, следовательно, также и с её преходящей стороны, она ни перед чем не отстает, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна.» (Маркс и Энгельс. Соч. Т.23, с.22). Как точно сказано: «злобу и ужас»! – прочувствованно.

Логическая двойственность

Диалектика есть самоотрицание предмета своими противоположностями в целенаправленном самодвижении. Быть и не быть, одновременно: «...бытие и ничто суть противоположность во всей ... непосредственности... Истину как бытия, так и ничто представляет собою единство их обоих, это единство есть *становление*» «(Гегель Г. Наука логики // Гегель Г. Энциклопедия фило-

софских наук. - М.: «Мысль», 1975. – Т.1. - С.222) «Всё есть становление» (Гегель Г. Наука Логики. – М.: «Мысль», 1970. – Т.1. – С.41).

То есть, всякий предмет, объективно, имеет логику движения, определяемую его самоотрицанием, характером противоположностей – двойственным характером. Предмет, одновременно, ничтожен отвлечением от себя для иного, абстрактен, и он же сугубо конкретен, но в себе и для себя. Особое значение этот факт имеет для понимания нашей хозяйственной жизни, в диалектической логике политекономии.

Маркс определённо утверждал: «... самое лучшее в моей книге: 1) подчеркнутый уже в первой главе двойственный характер труда, смотря по тому, выражается ли он в потребительной или меновой стоимости (на этом основывается всё понимание фактов)...» (М.и Э. Соч. Т.31, с.277. Письма о «Капитале». Письмо Энгельсу, 24.8.1867). Таким образом, логика движения продукта абстрактно-конкретного труда в общественном обмене определяется отношением стоимости и потребительной стоимости этого продукта труда. Все факты общественного хозяйства и мира выражаются своей двойственностью.

Однако логика двойственного характера движения еще не является логикой собственно движения. Самоотрицание выступает лишь условием последовательных переходов, детерминаций, причинно-следственных связей. Но именно это, единственное, *условие* и существует, в качестве движителя, детерминированных самопреобразований.

Логическая триада

В настоящее время многими философами («правыми» и «левыми») большое внимание уделяется тройственному выражению форм действительности:

всеобщее, особенное, единичное;
тезис, антитезис, синтез;
качество, количество, мера;
причина, действие, результат;
потенциал, функция, продукт;
вступление, главная часть, заключение.

Также предлагается и много других троек, как классически выдержанных, так и субъективно уникальных, формальных и потому весьма сомнительных. Причём, всякая такая тройка имеет, как правило, авторскую трактовку, неоднозначно воспринимаемую при её доказательстве, или же, просто, постулируется. Кроме того, каждый элемент тройки часто выступает у этих авторов либо самостоятельной, корпоративной единицей, либо связанной с другими двумя простым взаимодействием, не образующим детерминирующего, «ступенчатого» преобразования из предыдущего элемента в последующий, что должно быть характерно для триады.

Гегелевское открытие человеческой логики выражено именно триадой форм её строения, что наиболее чётко представлено философом в следующем каноническом определении.

«Логическое по своей форме имеет три стороны: α) абстрактную или рассудочную, β) диалектическую или отрицательно-разумную, γ) спекулятивную или положительно-разумную.

Эти три стороны не составляют трёх частей логики, а суть моменты всякого логически реального, т.е. всякого понятия или всего истинного вообще». (Гегель Г. Наука логики // Гегель Г. Энциклопедия философских наук. - М.: «Мысль», 1975. – Т.1. - С.201-202).

Во всех разделах своего учения – о бытии, о сущности, о понятии – Гегель не отстает от триадного выражения форм логического восхождения.

Однако, поскольку гегелевская логическая система со времён Маркса и особенно в советско-апологетический период подверглась жесточайшему ostracismu, как «идеалистическая» (а на «идеалистическом» Западе, вообще, забыта), постольку очень многим нынешним социальным исследователям гегелевские «спекуляции» не по нутру. В частности, и данная приведённая триадная гегелевская трактовка логического восхождения не находит практического применения в современной исследовательской (и философской) среде. Да и к вышеприведённым «тройкам» отношение весьма снисходительное, как к архаизмам. И (парадокс!) именно нюансы *спекулятивной логики* почти все философы понимают в качестве «диалектики» (см. ниже).

В то же время, иной логики, кроме формальной «алгебры логики» (см. Математическая энциклопедия. Гл. ред. И.М.Виноградов. Т.1 – М., «Советская энциклопедия», 1977), кстати, не способной выявить функциональную зависимость (в противовес, напр., аналоговому подходу), еще не открыто для практического использования.

Первое добавление

Итак, в приведённом гегелевском определении *логического*, «три стороны», как три частных логических формы, не составляют трёх самостоятельных и изолированных частей логики: *абстрактной, диалектической, спекулятивной*. Наоборот, они суть моменты логики самой объективной реальности, детерминировано связанные состояния, как объекта, так и субъекта. Они же – моменты перенятия, освоения объекта субъектом.

Такой ход развития истины, понятия о предмете объективной реальности: от (1) абстрактно-рассудочного, через (2) диалектико-отрицающее – еще не есть самоцель (3) отрицающего полаганием (спекулятивного), детерминирующего отрицания, т.е. синтеза.

Отрицать, так отрицать до конца!

Отрицанием спекулятивных, детерминирующих, отрицаний рождается новый уровень (1) абстрактно-рассудочного восприятия иных (доселе невидимых) предметных явлений.

И Т.д., «спиралью», по этапам развития понятия об объективной реальности.

Логическая триада, следовательно, характеризуется воспроизводимым развитием как отношения человека к объективной реальности, так и самой объективной реальности. Это – объективная логика.

Подробнее

1. Предельная воплощенная в человеке логическая *абстракция* рефлексии, отражения объективной реальности, есть первое отрицание человеческого «Я» в пользу объективных на человека воздействий. Человек обретает *рассудок*, утверждающий видимость единичных вещей, их наличность: всё есть «*единичное, это единичное, здесь и теперь*» (Гегель Г. Наука логики // Гегель Г. Энциклопедия философских наук. - М.: «Мысль», 1975. – Т.1. - С.114). А компиляция единичных видимостей рассудком формально-логически выступает в качестве закономерности. Человек имеет возможность *судить* о являющейся объективности, упорядочивать в своём сознании видимость вещей.

Это – самый первый и самый важный момент человеческой логики – объективность в отношении к внешней среде, к предметной объективной реальности. И это же – сугубая абстракция. То есть, человек, отвлекаясь от себя и от невозможности объять необъятное, утверждает, *априори*, лишь в материальной видимости, *чувственно* (см. выше), мировую предметную данность, как существующую и закономерную.

2. Логическая *особенность*, собственно логика – *диалектика* – анализирует эту частную видимость, отрицая априорное утверждение рассудка, что эта видимая внешность и есть сама вещь, качественно определяет существенное, предельное отличие видимостей в целостном явлении. Раскрывается функциональный смысл предела отличия видимости от её сущности в этом их общем явлении.

«Сущность светится в *самой себе* видимостью» (там же, с.269). Сущность излучает себя своей видимостью в полновесном явлении – нам.

Потенциальное (перефразируем) проявляет себя своей вещественностью – функционально. Вещь является уму как координатная (см. ниже) функция в отрицающих друг друга существенных противоположностях – потенциальности и вещественности – взаимно обуславливающих, в то же время, друг друга. То есть, действие предмета двойственным своим характером, отрицая внешнюю формальную закономерность среды, раскрывает закон собственного, внутреннего движения, развития.

3. Предельная *положительность* предмета на основе его внутренней (общей его) функциональной (диалектической) отрицательности даёт вещественное предметное определение в зависимости от превалирования в нем противоположных сторон, Т.е., абстрактной или конкретной стороны; относительная же их равновесность выражается собственным «средним», функционирующим состоянием предмета.

Спекулятивная («высматривающая» – см. сл. Фасмера) логика выявляет отрицание в переходах. Это добавленное, качественно новое отрицание есть логика отрицающих детерминаций. В отрицающем функциональном поле она, вполне спекулятивно, выявляет положительные, целостные моменты. И эта отрицающая положительность осуществляется именно с помощью отрицания целостности, диалектики.

Таким образом, отрицающая разумность в двойственно противоположных свойствах переходит к положительной разумности с помощью детерминированной логической триады канонических моментов (детерминированных состояний) предмета: 1) идеализованного (абстрактного), 2) действительного (отрицающего), 3) материализованного (положительного).

4. Отрицание «спекулятивного» («высматривающего» полагания «добавочным» отрицанием) разумения приводит к логической потребности упорядочивать формально-логическую абстракцию (уже двойственностью и тройственностью структурируемых закономерностей видимостей). Тогда мы, уже сознательно, прибегаем к поиску логико-детерминированных переходов, Т.е. объективного развития по качественно отличным, отрицающим друг от друга последовательным этапам, выявляя в стихии видимостей элементы, формирующие законы развития объективности.

Этот переход непосредственно из третьего в первый логический момент представляет собой не что иное, как акт логического воспроизводства, логическое *отрицание отрицания*. Это – переход в исходное логическое состояние, но уже («спирально») на высшем логическом уровне.

5. В то же время, в каждом логическом моменте живёт диалектическое: в снятой, действительной и результирующей формах. И только поняв диалектическую логику, можно понять логику объективности – в целом и в деталях.

Так, абстрактная, формальная логика наталкиваясь на противоречия видимостей живёт и в постоянном противоречии с самой собой – в парадоксах.

Диалектическая логика, отрицая самостоятельность видимости, формы предмета, выявляет функцию этого предмета, как видимость, ведомую его сущностью.

Результатом же этого диалектического отрицания выступает новая положительность, упорядочивающая этапы развития и, одновременно приводя-

щая к своему результату, отрицающему отрицание в развитии данного предмета к упорядочению новых формальных внешностей объективной среды.

Да и вся эта гегелевская триада логического является следствием диалектических противоположностей абстрактного и конкретного свойств человеческой логики. Диалектическая логика практична: «логика абстрактна, но логика конкретна» – говорим мы даже всуе.

Три логики и диалектика

Следуя, таким образом, в точности, за гегелевским порядком изложения, обнаруживаем в объективности и, соответственно, в человеческом мышлении не одну, а сразу три логики: 1) *формальную*, 2) *диалектическую*, 3) *детерминирующую*. Последовательно и отрицанием переходя друг в друга, циклически замыкаясь, эти логики раскрывают полноту истины объективности. Причём, объект уже предстаёт не в качестве застывшего монолита или, наоборот, аморфной массы, а, хотя и жёстко определённым, но функционирующим, развивающимся предметом. Главное, не путать эти три логики, как принято до сих пор...

Таким образом, существуя самостоятельно, имея свои логические принципы, каждая, из этих логик, сама по себе не в состоянии выявить предмет, в целом. И все они, в этой своей цели обязаны последовательно переходить друг в друга отрицающим снятием. Следовательно, главенствует над всеми логиками (и над самой собой) самоотрицающая, диалектическая логика. Именно диалектика – тождеством противоположностей – определяет состояние каждого логического момента и направление следования логического цикла. Диалектика есть логическая особенность, т.е. собственно логика всего.

О формальной логике

Формальная логика – самая неуважаемая Гегелем логика, поскольку она абстрактна, т.е. отвлечена от содержания предмета и комбинаторно оперирует лишь формами, внешностью, видимостью различных предметов. Следовательно, формальная логика отвлечена также и от объективности. Т.е. это – логика ошибок, ошибочная логика, логика стихии, фактически, не-логика. И беспокойство великого диалектика вполне понятно и объяснимо.

Ныне же (парадокс!) формальная логика объемлет (как и опасались Гегель и Маркс с Энгельсом и Лениным), практически, всё общественное сознание. Формальная логика сейчас определяется как логика-вообще – вся логика. И это утверждено «законодательно»: «**Логика** –... наука о законах и формах мышления... **Формальный**... ф – а я л о г и к а – см. *логика*.» (Словарь иностранных слов, М., 1989г.(!)).

К тому же, логика, как видим, представлена сугубо субъективным действием. Узаконено даже сведение логики под уровень психологии, как *науки, изу-*

чающей процессы отражения человеком и животными объективной реальности (см. там же).

Получается, что в объективной реальности логика наличествует только у «человека и животных», а в «отражаемых» объектах логика отсутствует. Там – одна лишь стихия! И никаких законов собственного упорядочения этой стихии у объективной реальности – нет. Всё выдуманно! Всемирный закон тяготения выдуман Ньютоном. Закон пропорциональности тока и напряжения выдуман Омом. Архимед, Ломоносов и др. гении – лишь всё выдумали ... Нонсенс!

Однако эта логическая глупость – «Всё можно выдумать!» – только декларируется современными учёными-логиками, «философами».

В действительности же формальная «алгебра логики» проявила себя вполне объективно и весьма продуктивно. Её законы, ровесники законам гегелевской диалектики, выведены Джорджем Булем, в качестве математической логики. Комбинаторикой форм, открытой системотехниками и программистами, она синтезировала очень многие автоматизированные и коммуникативные устройства. Именно формальной, абстрактной логике вещей (в противовес функциональным, аналоговым подходам) обязан нынешний информационный взрыв.

Опасностью формальной логики выступают современные буржуазные социальные условия. Они превращают нормальную тенденцию самосохраняющего воспроизводства всякого момента развития – самосовершенствование формальной логики, в т.ч., – в корпоративную самоцель формализма. И он культивируется в человеческом обыденном сознании. Вдобавок, и учёные, подстегнув к этому формализму так необходимые для анализа стихийных формальных процессов теории вероятностей и относительности, фактически вычеркнули из своих приёмов исследования и тождество противоположностей, и детерминацию отрицающих моментов.

О диалектической логике

Буржуазное мировоззрение торгашей («не обманешь – не продашь») прилагало и прилагает невероятные усилия, чтобы похоронить Гегеля как «мёртвую собаку». Лишь усилиями советских апологетов государственного монополизма, спасавших «социализм» от нигилизма внутренней буржуазии марксистско-ленинским учением, гегелевские труды всё же увидели свет. Увидели свет и многие трактовки гегелевской философской системы.

К сожалению, советские теоретики, исследователи гегелевских трудов, стремясь охватить, сразу, всю гегелевскую систему «учений» и «философий», не пытались раскрыть функциональный смысл логики бытия – в становлении – и лишь умилялись парадоксальности суждений великого философа. И о практике не помышляли.

В то же время, все «технари» с высшим и средним образованием невозмутимо пользовались тождеством противоположностей и др. законами логического отрицания, совершенно не подозревая, что говорят диалектической «прозой». Для наглядности выражения своих производственных (и теоретических) нужд они, не много сумняшеся, выбрали систему координат другого значительной величины диалектика, прямого гегелевского предка, Декарта. Функциональные отношения потенциальности и вещественности обрели видимые формы, причём, понятные всем специалистам в данной области, а также «смежникам».

Философы же так и остались «не у дел». И они продолжали, и продолжают, и собираются продолжать в своих доказательствах использовать цитатно-догматический, «классический» метод «обмена мнениями». Из-за этого, так же, как и прочего, упомянутого выше, философия заслуженно потеряла народный кредит. И это нас не может, мягко выражаясь, не настораживать.

Поэтому, взяв быка за рога, как это проделали «технари», в плоскости декартовых координат отложим вверх и вправо «оси» противоположностей и получим функциональное поле (Рис.1). Диалектический метод выложился – «на ладони».

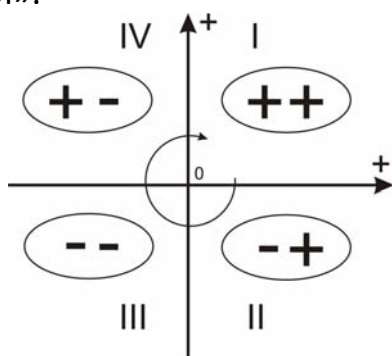

Рис. 1. Функциональная плоскость.

Восполняя логико-графический философский дефицит, мы еще и отдаём дань признательности пожеланиям великого диалектика, пред-марксиста:

«Я... придерживаюсь того мнения, что философия в такой же степени, как и геометрия, должна быть закономерным построением, которому можно обучать так же, как геометрии.» (Г.Гегель. Работы разных лет, Т.2, М., 1971, с.322. Гегель – Синклеру, набросок письма, середина октября 1810г)

В продуктивном квадранте (++), поскольку нас сейчас интересует только рациональность, а не какие-то логические «вывихи» (других «квадрантов»), вверх направим свойство функциональной идеальности (относительности), тогда вправо пойдёт ось свойства материальности (вещественности) функции (Рис.2). Сама продуктивная функция расположится между своими (идеальной и материальной) осями. И в зависимости от величины отношений этих противоположностей, функция будет существовать в той или иной точке этого квадранта.

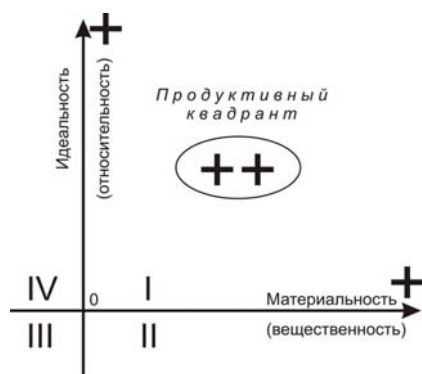

Рис. 2. Базисное плоскостное поле продуктивного предметного функционирования, первое предметное отрицание.

О спекулятивной (положительно отрицающей) логике

Таким образом, мы подошли к определённости противоположных свойств (Рис.3). А определённое свойство есть сам определившийся функциональный предмет, выраженный этим свойством.

Рис. 3. Второе отрицание: диалектическая детерминация предметных моментов.

И если предмет выражен только идеальным свойством, то он представляет лишь идею самого себя. Если же только материальным, то он стал вполне конкретной материей, вещью, преобразующей иные вещи (в ином «квадранте») и преобразующейся в них. Только если предмет выражен определёнными противоположными свойствами, как параметрами, он становится сугубой действительностью, функцией, определённым действием (внутри поля «квадранта», в определённой его точке).

Каждый момент в своём продуктивном поле отрицает предыдущий, как менее реальный. Этим мы получили три момента, причём, два, из них, последовательно отрицают друг друга. Это – спекулятивное отрицание увеличением цены внутреннего (диалектического) и внешнего (абстрактного) отрицаний к реализации поэтапного развития.

Мало того, отрицают друг друга все три момента (Рис.4). Ведь, поскольку в материи в снятом виде содержится идея её осуществления, она не только, целиком, преобразуется в иные «сферы» (уходит в квадрант с иной идеей), но и, отражаясь от них, поддерживает свою новую идею, создавая в возможности

условие для осуществления нового цикла воспроизводства, на новом уровне. Отрицание положительного (спекулятивного, «наценённого») отрицания следует определять в качестве воспроизводящего перехода: *отрицания отрицания*.

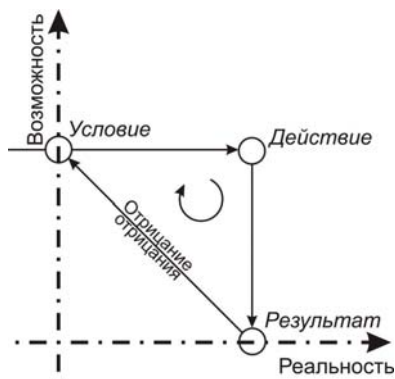

Рис. 4. Отрицание отрицания – Воспроизводственная предметная триада.

О диалектической системности

Замкнутый воспроизводственный, при помощи отрицания отрицания, цикл поэтапного развития предмета уже говорит о возможности воспроизводственной системы. Ведь каждый момент полученного замкнутого цикла вовсе не стремится к исчезновению при отрицании его последующим (из него) моментом. Наоборот, он стремится к самосохранению, подобно и целому своему циклу (отрицанием отрицания). Причём, каждый момент, имея своё «подполе» в общем функциональном поле, выражается подобным же общему циклу – «под-циклом».

В результате, получаем разветвлённую воспроизводственную систему с прямыми и обратными (корректирующими) связями (Рис.5.).

Поскольку в этой воспроизводственной системе имеются жёсткие (прямые и обратные) связи, применимые к любому воспроизводственному процессу, она также относится к каноническим системам.

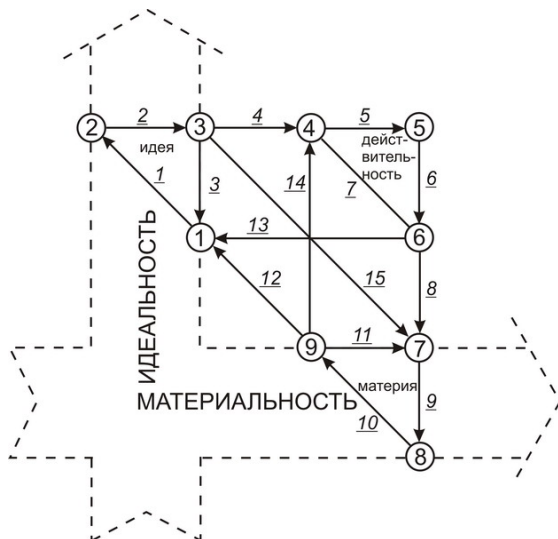

Рис. 5. Разветвлённая базисная воспроизводственная система с прямыми (1, 2, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 12) и обратными (3, 7, 11, 13, 14, 15) связями.

Особенно важно по такому принципу строить социальные системы, даже те, которые еще находятся в процессе организации строительства. Это, в первую очередь, относится к организации самоуправления на производственных предприятиях (Рис.6), прообразах воспроизводственных циклов будущего коммунистического общества.

По функциональному полю –

Базисные, существенно противоположные (функциональные), координаты действительного поля трудового самоуправления выражаются, с одной стороны, диалектико коммунистической теорией, идеологией самоуправления, а с другой, - диалектико коммунистической практикой, материализацией самоуправления. В философском аспекте, эти диалектические противоположности выражают собой диалектическое тождество, функцию освобождения трудящихся от эксплуатации.

По строению –

1.Идеолого-коммунистический отдел в поле, выраженном Коммунистической убеждённостью и Коммунистической организованностью, с группами: **а)**Комдискуссионная, **б)**Теоретико-аналитическая, **в)**Подготовки информации.

2.Пропагандистский отдел в поле Коммунистическая информация и Коммунистическая пропаганда, с группами: **а)** Сбор и анализ информации, **б)**Обработка информации и формирование методик коммунизации, **в)**Распределение пропагандистских и методических материалов.

вплоть до природного региона) в поле, выраженном Самоуправлением и Самообеспечением, с направлениями: **а)**Сбор и анализ методических материалов по наладке системы самоуправления, **б)**Организация и наладка коммунистического самоуправления и самообеспечения, **в)**Анализ хозяйственных результатов коммунизации.

По структуре –

- **Группа 1а)**, принимая материалы по коммунизации предприятий и систем (3в), дискуссионно сопоставляет их с новыми теоретическими разработками (1в) и с пропагандистской методикой (2в) и направляет их для обработки в теоретико-аналитическую группу (1б) и для сведения в высший уровень организации.

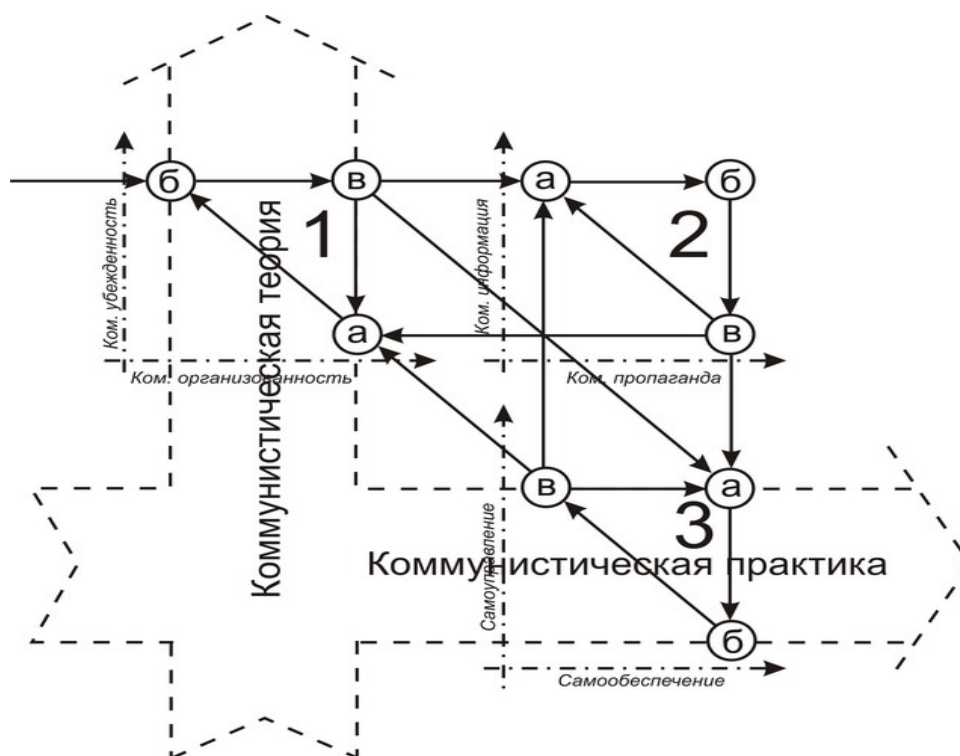

Рис. 6. Формирование базисной системы коммунистических инициативных групп.

3. Коммунистически-самоуправляемое предприятие (а также любая система, **Группа 1б**), добывающая информацию о состоянии внешней среды, принимая сведения о нуждах комдвижения (1а), учитывая оргвозможности высшего уровня и анализируя на этой основе процесс коммунизации, вырабатывает корректирующие идеи для их оформления и распределения в гр.(1в).

- **Группа 1в**), получив теоретическую корректуру, оформляет и направляет её для последующего анализа и использования в гр. (2а), (3а) и в выс. уровне организации.

- **Группа 2а**), приняв теоретическую корректуру (1в) и материалы о результатах коммунизации на местах (3в) и сопоставив их с имеющимися методико-пропагандистскими формами (2в), оформляет и направляет их для подготовки методико-пропагандистских документов (2б) и для сведения в высший уровень организации.

- **Группа 2б**), сопоставляя обработанные теор. корректировки (2а) и оргвозможности высшего уровня, готовит новые методико-пропагандистские материалы в целях модернизации коммунистического самоуправления и передаёт их для распределения (2в).

- **Группа 2в**), получив новые методики распределяет их для внедрения (3а), к дискуссии (1а) и для сведения на высший уровень.

- **Направление 3а**), сопоставляя новые методики (2в), теоретическую корректуру (1в), результаты хозяйственной коммунизации (3в) и оргвозможно-

сти высшего уровня, готовит структуру и алгоритм модернизации процесса коммунизации предприятия (системы) (Зб).

- **Направление Зб)**, используя рекомендации (За), модернизирует процесс хозяйственной коммунизации предприятия и связи в общественной среде, сообщая об этом в выс. уровень организации и для подведения итогов (Зв).

- **Направление Зв)** выдаёт результаты коммунизационного процесса для дискуссии (1а), подготовки методик (2а) и внедрения (За), а также на высший уровень.

Представленная двухкоординатная система базиса (воспроизводственного цикла) коминициативных групп, естественно, оставляет для будущего рассмотрения надстройку (здесь, «высшего уровня», требующего третью координату, как отражающую в себе базисное поле) коммунистической общественной организации. Поэтому она не выявляет должным образом собственно самоуправления.

Эта система может быть полезной для более четкого представления о смысле, о воспроизводственной сути действий коминициаторов.

Так, начиная с узла (1а), коммунистическая инициатива теоретиков, при данной структуре, уже настроена на коммунизацию производства, поскольку основной импульс для дискуссий должен исходить из практических потребностей самоуправления непосредственно в процессе производства. Таким образом, дискуссии в этом узле изначально носят коммунистически направленный характер. Никакие буржуазно социалистические принципы тред-юнионистской уравниловки зарплатой и разделения рабочего класса «по выработке» всерьёз не принимаются к обсуждению или же носят сугубо случайностный, временный, тактический характер. А вся стратегия коминициативы настраивается на научное коллективное (самоуправляемое) хозяйствование исполнителей в процессе производства.

На диаграмме видно, как все наработанные выходы групп (формирований и систем) коминициативы устремляются к этому организующему и направляющему «входу» теоретической подготовки инициативных коммунаров. Поэтому дальнейшая «вольная» теоретическая работа, (1б), целиком подчинена идее освобождения рабочего класса от принуждения и обворовывания, от эксплуатации, к организованному коллективному хозяйствованию, к коллективному интересу жизни.

И так настраиваются все остальные органы, группы, формирования и системы самоуправляемого производства. Все они становятся сугубо коммунистическими, как по направлению работы, так и по собственной организации. Кроме того, способность базисной системы коммунистической инициативы к воспроизводству делает её неуязвимой от внешних разрушающих воздействий. Если в иерархической, централизованной системе достаточно повредить какой-

либо орган, чтобы она стала распадаться из-за отсутствия корректных обратных связей, то самоуправяемо воспроизводящаяся система сама воссоздаёт свои утраты, автоматически. Воспроизводство является смыслом коммунистической системы. Это хорошо просматривается на рисунке.

Заметим, что каждый момент, в отдельности, бессвязно с другими замыкаясь на себя, для коммунистического движения ничего сделать не в состоянии. И теоретическая, и политпропагандистская, и профсоюзно-рабочая деятельность без детерминированного перехода друг в друга по диалектическим логическим законам способны лишь, как та гора, родить мышь – на буржуазную потеху.

Всем активистам коммунистического рабочего движения пора уже проснуться и, далее, не поддаваться буржуазно-позитивистскому, потребительскому убаюкиванию. Потребности к консолидирующему взаимодействию ныне ощущают все активисты освобождения рабочего класса от буржуазной эксплуатации.

Второе добавление

Итак, несмотря на то, что представленную выше, разветвлённую воспроизводственную систему можно признать естественной и канонической, каждый момент в ней, несмотря на корректирующие обратные связи, достаточно корпоративен. Поэтому для целенаправленного сохранения системного воспроизводственного цикла каждому моменту необходима информационная команда и материальная помощь, соответствующая общим «интересам» системы. Тогда воспроизводственная диалектика выразится уже тремя координатами (противоположностями) и, соответственно, четырьмя основными моментами (Рис.7).

По своему существу управляемость выступает диалектической противоположностью необходимого воспроизводственного (идеально-материального) «силового» поля, как базиса всего управляемого поля воспроизводства. Однако в своих («вертикальных») плоскостях управляемость существенно противоположна как идеальности, так и материальности, в отдельности. Этим управляемость отражает в себе всё воспроизводство, в целом.

Причём, формирование управляющего момента (надстройки) возникает из материального момента базисного воспроизводства. Материализм и здесь правит бал!

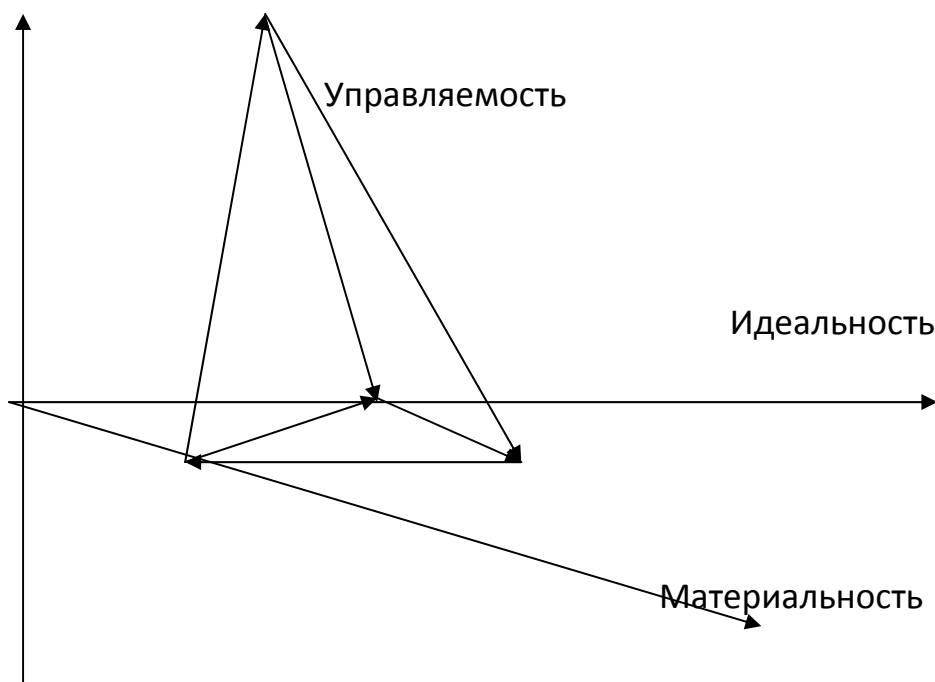

Рис.7. Пространственное изображение управляемого воспроизводственного поля.

Управляет же надстройка только идеальным и действующим моментами базиса, а также передаёт им, при воспроизводственной необходимости и для развития, материальные – прибавочные, накопленные – излишки.

Эта управляемая система – в себе – самоуправляемая система. Каждый момент этой системы (в разветвлённом каноническом виде – см. выше) имеет свой управляющий под-момент. То есть, производственное самоуправление каждого предприятия пронизывает всю систему, во всех её моментах, если можно так выразиться: генетически.

Конечно, Маркс уже уделял серьёзное внимание прибавочной стоимости, вслед за двойственным характером труда (см. выше: М.и Э. Соч. Т.31, с.277). Однако полагаю, исследование формирования надстройки самоуправляемой системы прибавочным продуктом, всё же следует отнести к диалектике «высших порядков». А всякое исследование начинать с базисного диалектического анализа, с тождества противоположностей в «плоскостном» функциональном «силовом» поле. С того, на чём остановился предмарксизм, да и сам марксизм. Пора развязывать марксистский философский «узелок» (см. Косолапов Р.И.. *Неспокойные этюды*. М., 2008).

Сначала, в каком-либо обществе или в межобщественных связях должны сформироваться научные коммунистические силы, заинтересованные в ге-

гелевской диалектике. Их следует подготовить для свободного оперирования функциональным двойственным методом. После чего уже им, подготовленным, предстоит распространить этот диалектический принцип в широкой философской и «прикладной» (производственной, в первую очередь) среде. Только тогда «третья координата» с системой самоуправления автоматически станет жизненной потребностью заинтересованных в грядущем коммунизме исследователей.

Запутанный узелок! И разрубить его никак нельзя. Это – наша жизнь.

Но выпутываться надо.

Предтеченский Валерий Вениаминович,

Москва – Абрамцево, 05.6.09.

ЭЛИС

"Уже полтора года в интернете по адресу <http://elisnews.ru> работает уникальный ресурс для левых активистов - **Электронная Левая Информационная Система (ЭЛИС)**. В автоматическом режиме она один раз в 24 часа обрабатывает некоторые коммунистические сайты и блоги, формирует заголовки и рассылает подписчикам отчёт за сутки по электронной почте. Вебмастера левых ресурсов, используя специальный сервис ЭЛИС, могут обмениваться ссылками на наиболее интересные материалы. И, что называется, "в несколько кликов" размещать необходимые ссылки у себя на сайте. В конечном итоге это позволяет поднять информационный обмен на новый уровень. Кроме того, система производит поиск по библиотекам некоторых левых ресурсов. И любой вебмастер левого ресурса может разместить форму поиска от ЭЛИС у себя на сайте и подключить свою виртуальную библиотеку. Более того, работает сервис загрузки коротких сообщений и каталог левых ресурсов. Подключаясь к ЭЛИС, ты подключаешься к левому информационному полю нового поколения!"